Мой XX век
ЧУВСТВО
Вацлав Нижинский

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вацлав Нижинский (1889–1950) — выдающийся русский танцовщик и хореограф, внесший заметный вклад в искусство балета нашего столетия. Лишь немногим более десяти лет он радовал своим ярчайшим талантом тысячи поклонников — сначала на сцене Мариинского театра, затем в составе труппы Сергея Дягилева. Но этого времени оказалось достаточно, чтобы его имя стало сопровождаться непременными эпитетами `великий, гениальный, неповторимый`, чтобы созданные им образы в балетах Стравинского, Дебюсси, Адана вошли в классику мировой хореографии, чтобы ему стремились подражать десятки лучших танцовщиков мира. Слава его была огромна, переполненные залы рукоплескали ему на всех континентах…

Но судьба Нижинского стала подтверждением горькой истины: гений и безумие идут рука об руку. Тяжелое психическое заболевание заставило великого танцовщика навсегда покинуть сцену. Именно тогда начал он писать свои тетради, которые сам озаглавил `Жизнь` и `Смерть`, объединив общим названием `Чувство`, - сумбурные, хаотичные записи, имевшие мало отношения к его прошлой, блестящей жизни. В них — мысли о мире и человеке, о Боге и душе, о суетном и вечном, об искусстве — не как о ремесле, но как о способе миропознания…

Рукопись Нижинского впервые издается на русском языке в полном объеме и в соответствии с авторским оригиналом.

- Бог — Нижинский
  -
  - Рожденный для танца
  - В золотой клетке
  - Обременительная свобода и венчание с Богом
- Между светом и мраком
- Жизнь
- Смерть
- Приложения. Письма Вацлава Нижинского
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27

Бог — Нижинский

В мире я встречал мало гениев, и одним йз них был Нижинский.

Он зачаровывал, он был божествен, его таинственная мрачность как бы шла из миров иных.

Каждое его движение — это была поэзия, каждый прыжок — полет в страну фантазии.

Чарльз Чаплин

Много легенд существует в мире о великих и знаменитых. Одна из них почти сто лет будоражит умы не только профессионалов и любителей балета, но даже людей, не причастных к этому виду искусства. Это миф о Вацлаве Нижинском — «Боге танца», «первом танцовщике мира и премьере Русских сезонов в Париже», гении и страдальце. Его странная личность всегда вызывала интерес и пристальное внимание. О нем пишутся романы, повести, исследования, пьесы. Снимаются художественные фильмы и телепередачи, ставятся драматические и балетные спектакли, которые, правда, посвящены не столько творчеству, сколько его трагической

судьбе. Утверждены многочисленные премии и конкурсы имени Вацлава Нижинского. Годами специалисты по крупицам собирают материалы, чтобы, по возможности, реконструировать его утерянные балеты. А коронные партии Вацлава — Юноша в «Шопениане», Призрак розы и Петрушка в одноименных балетах, сегодня являются украшением репертуара лучших танцовщиков мира. Да и приступая к воплощению партии графа Альберта в «Жизели», сыгравшей роковую роль в судьбе самого Нижинского (его костюм графа, созданный по эскизам А. Бенуа, стал поводом для изгнания танцовщика из Мариинского театра в 24 часа в результате придворно-театральных интриг), серьезные исполнители всегда изучают его мистико-религиозную концепцию партии. Хотя Вацлав Нижинский покинул землю полвека назад, память о нем жива до сих пор…

Рассказ о жизни Вацлава Нижинского — это прежде всего рассказ о легендарной славе русского балета. В то время именно Россия была цитаделью балетного искусства., сберегла наследие предшественников. Но уже в первые два десятилетия нашего века центробежные силы истории разбросали по миру ее прекрасных солисток и премьеров. За границей прошла и большая часть до боли короткой карьеры Вацлава Нижинского. Его Родина, как всегда, была себе верна — пророк отечеству вовсе не нужен. Тем более гениальный, намного опередивший свое время. Оказавшись в силу ряда обстоятельств за рубежом, он страстно мечтал о возвращении в Петербург. Но дорога туда ему, невольному эмигранту, была заказана. Вацлаву часто снился этот сказочный город. Летний сад, где он любил гулять в школьные годы. Ледяные горки на Неве, с которых мчался с бешеной скоростью. Обожаемая мать, которой писал каждый день. Сестра, его самый лучший друг и самый родственный по духу человек. Всю сознательную жизнь сам Нижинский был бесконечно одиноким. По сути, жил в каком-то иллюзорном мире, порой с трудом устанавливая контакт с окружающими…

Поляк по национальности, русский по воспитанию, Нижинский стал первой международной звездой XX века. Первым мужчиной-премьером после почти столетнего господства балерин. Он был чутким кавалером и прекрасным партнером. Но, сам того не желая, даже в юности Вацлав невольно затмевал своих дам. Многие не хотели делить с ним славу. И прежде всего легендарная Анна Павлова — одна из самых любимых его партнерш. Эгоцентричная, страдающая от конкуренции, она отказалась от совместных выступлений. К большому горю Вацлава, он потерял свою Жизель, Сильфиду, Армиду. Зато умная, тонкая красавица Тамара Карсавина умела ценить союз с

Нижинским. К тому же он восхищался ею не только на сцене…

Вацлав Нижинский — фигура противоречивая. Тома панегириков сохранились о Нижинском-танцовщике. Его рисовали самые выдающиеся художники, снимали знаменитые фотографы, лепили прославленные скульпторы. О чести быть знакомым с молчаливым, всегда погруженным в себя Нижинским мечтали представители европейской элиты. Он был вхож в дома высшей аристократии, лично знал коронованных особ, отчего не стал менее застенчивым и одиноким. Зато мало кто по достоинству оценил четыре его постановки («Послеполуденный отдых фавна» и «Игры» К. Дебюсси, «Весна священная» И. Стравинского, «Тиль Уленшпигель» Р. Штрауса). И только самые чуткие и проницательные рецензенты (в их числе и Огюст Роден) видели в Нижинском провозвестника будущего.

Он, с быстротой кометы промелькнувший на балетном небосклоне, оставил какой-то особый свет в душах очевидцев его выступлений и балетных премьер. Даже полстолетия спустя, когда на Западе взошла звезда Рудольфа Нуреева— нового идола и культовой фигуры, видавшие виды старые французские балетоманы с ностальгией вспоминали танцы Вацлава Нижинского, его знаменитые парения, его чарующие образы…

В судьбе поистине талантливого танцовщика четпке прослеживается роковая предопределенность. Угадывается заложенная свыше программа, по которой он должен был полжизни осуществлять свою духовную миссию, полжизни — искупать тяжелую карму. И не важно, страдал ли он на деле шизофренией или маниакально-депрес-

сивным психозом с редкими и короткими ремиссиями. Сумасшествие как расплата за гениальность— одна из кардинальных тем искусства XX века. Именно интеллектуальнейший Томас Манн в своем романе «Доктор Фаустус» напишет, что настоящий художник— или убийца, или брат сумасшедшего.

Повстречал Нижинский и Дьявола-искусителя, обещавшего мировую славу взамен дуШи. Пассивно подчиняясь ему, тем не менее Вацлав договор с ним не подписал. Подобно манновскому Адриану Леверкюну, он удрал от него в болезнь…

Как отметил Ричард Бакл, исследователь творчества и биограф Нижинского, десять лет прошло с момента его рождения до поступления в хореографическое училище, десять он обучался балету, десять выступал на сцене, а потом около тридцати жил в своем мире, куда проникнуть не смог никто. Ни жена Ромола, ни дочери Кира и Тамара, ни сестра Бронислава, ни бывшие коллеги, в течение долгих лет надеявшиеся на его выздоровление.

Бессильным перед судьбой оказался даже всемогущий Сергей Павлович Дягилев, его Бог, его Дьявол. Он всегда, вплоть до кончины, винил себя в трагедии Нижинского— обожаемого танцовщика и любимого человека. Нижинского консультировали светила психиатрии и психоанализа, его возили по святым местам, включая Лурд. Разочаровавшись в традиционной медицине, родные и близкие возлагали все надежды на чудо. Или же целительную силу искусства, словно курс шоковой терапии. Его водили в театр, заставляли слушать музыку, под которую он когда-то танцевал. Иногда Нижинский неожиданно давал ценные профессиональные указания, а потом сразу погружался в свой мир. Как-то, пытаясь пробудить его память, последний дягилевский питомец Сергей Лифарь танцевал перед ним «Призрак розы». Нижинский, до того безучастно сидевший на кресле, вдруг встал и прыгнул. Приглашенный фотограф успел запечатлеть его последний прыжок. Но не подействовало даже искусство, по сути единственная настоящая религия Нижинского. Безнадежность положения понимал даже сам Нижинский. Еще в 20-е годы, на предложение Дягилева снова выступать с Русским балетом, он ему разумно ответил: «Я не могу танцевать, я сумасшедший».

Рожденный для танца

Все неоднозначно в судьбе Вацлава Нижинского. До конца неизвестна даже точная дата его рождения — не то 12 марта, не то 17 декабря 1889 года. Некоторые энциклопедии указывают 1890-й год. Достоверно лишь то, что он родился в Киеве и намного позже был крещен в Варшаве в костеле Святого Креста, где захоронено сердце Шопена. Во время обряда крещения уже подросшего малыша невозможно было удержать на месте. Когда священник дотронулся до его щеки, он запротестовал, словно не желая принять крещение. Обряды и в дальнейшем не будут играть существенной роли в его жизни. Впоследствии Нижинский нехотя ходил на исповедь, считая, что нельзя чужому человеку, каковым является ксендз, излагать самое тайное и сокровенное.

Вацлав был вторым ребенком в семье странствующих польских профессиональных танцовщиков Элеоноры и Томаша Нижинских. В их биографии также было немало странных и трагических событий. Полную противоположность представляли собой его родители, хотя у обоих было предостаточно чисто польского гонора, силы воли. Его мать (в девичестве Береда) была светловолосой и зеленоглазой, изящной набожной женщиной, которая в семилетием возрасте осталась круглой сиротой (некоторые из биографов утверждают, что ее отец был азартным игроком и, проиграв состояние, застрелился, а мать вскоре умерла от горя). Против воли старших братьев она стала танцовщицей, что тогда считалось страшным позором. Томаш же был на пять лет моложе ее и также по собственному желанию самостоятельно пришел в балет. Он был сильно влюблен в Элеонору, которая, учитывая разницу в возрасте, долго не решалась выйти за него замуж. И только угроза, что он застрелится (его многие звали «бешеным») или убьет ее, заставила девушку согласиться на брак. Томаш, высокий, скуластый и кареглазый брюнет, слыл темпераментным красавцем и был одним из лучших характерных танцовщиков провинции. Честолюбивый и одаренный, он вскоре стал и балетмейстером, обожал ставить феерические представления в цирке. Томаш Нижинский был непревзойденным мастером гопаков и мазурок. Именно от отца унаследовал Вацлав не только слегка восточную внешность (скуластое лицо с раскосыми карими глазами), но и необыкновенно высокий природный прыжок, который потом позволит ему стать «гением воздушной стихии». Как Нижинский-младший, в те годы не «летал» никто. Зависая в воздухе, он приземлялся подобно грациозной кошке, еле касаясь

планшета сцены. Когда его попросили раскрыть технику такого прыжка, Вацлав чистосердечно ответил, что никакого секрета тут нет — просто надо прыгнуть и задержаться в воздухе. Как еще объяснить Божий дар?! К тому же он был наделен сценическим магнетизмом, действовал на зрителей подобно наркотику.

Вместе с родителями, старшим братом Стасиком и младшей сестрой Брониславой Ваца, как его звали на польский манер, исколесил всю Россию. У них нигде не было своего дома. Квартиры снимались разные— то большие и просторные с прислугой, то темные полупод-

валы — в зависимости от материального положения родителей. Да и впоследствии, будучи мировой знаменитостью, Нижинский так и не имел собственного дома. Он жил в фешенебельных отелях, у родственников жены, в меблированных комнатах, кочуя с места на место, «как цыгане», о чем с горечью вспомнил перед смертью.

Как многие «театральные дети», в детстве Ваца был предоставлен сам себе. Он обожал бродить по незнакомому городу. Болтаться за кулисами театра или цирка, рано начал выступать на сцене. Первыми педагогами Вацы были его родители, обучившие одаренного мальчика азам профессии. Мать надеялась, что ее дети поступят в Петербургское театральное училище и станут артистами императорского Мариинского театра — воплотится неосуществленная мечта их отца. Быть танцовщиком императорского балета было почетно.

Но рок преследовал Элеонору. В результате несчастного случая остановилось умственное развитие старшего сына (он выпал из окна и разбил голову). Стасика пришлось поместить в психиатрическую лечебницу, где он и умер. А вскоре любвеобильный красавец Томаш ушел к другой, оставив Элеонору с тремя детьми фактически без средств. Да и потом материальная помощь от него поступала нерегулярно, а с годами все реже и реже. Дети тяжело пережили уход отца. По мнению специалистов, впоследствии это сказалось на сексуальной ориентации Вацлава. Во взрослых мужчинах он, прежде всего, видел покровителей и защитников.

Брошенная семья Нижинских осела в Петербурге. Перебиваясь случайными заработками (то Элеонора танцевала, то содержала пансион), она делала все возможное и невозможное, чтобы Ваца и Броня поступили в Императорское театральное училище и стали его пансионерами. Денег на приличное содержание дома просто не было. Да и для Вацы профессия танцовщика казалась самой естественной и разумной.

В училище Нижинский слыл далеко не лучшим учеником.

Будучи чрезмерно одаренным к танцам, что выяснилось уже на приемном экзамене, мальчик был отличником по специальным дисциплинам. К тому же классическому танцу его обучали первоклассные педагоги — Николай Легат и Михаил Обухов. Зато по другим предметам его дела шли хуже некуда. Хромало и поведение: несмотря на сверходаренность, его не раз за мальчише-ские шалости отчислялг* из училища — то выстрелит из рогатки в важного сановника, то прогуляет уроки. Но даже когда он присутствовал на них, то производил впечатление ученика ограниченного и тупого. Преподаватели и не пытались найти к нему особый подход. В училище всех «стригли под одну гребенку»…

За скуластость и раскосые глаза еще в училище Вацу прозвали «япончиком», что было особо обидно в годы русско-японской войны, дразнили также «длинношеим». Глубоко уязвленный, он старался не выказывать обиду. Заводила по характеру, в училище, как и в дальнейшей жизни, Ваца не имел друзей. Точнее, просто не мог их иметь. Его ненавидели за талант и одаренность. Ему дико завидовали однокашники и сверстники, жестоко подставляли его. Балетные дети ревнивы к талантливым соперникам. Оторванные от жизни и воспитанные в «тепличных условиях», они профессиональны и очень инфантильны одновременно. Они в самом нежном возрасте вынуждены решать проблемы, с которыми порой не справляются взрослые. Выросшие под строгим надзором воспитателей и классных дам закрытого учебного заведения, по окончании училища многие из них теряются при столкновении с действительностью, суровым театральным бытом, закулисными интригами, когда надо уметь постоять за себя или же иметь высоких покровителей. У Нижинского были только Божий дар и отличная выучка.

Он обожал участвовать в оперных и балетных спектаклях Мариинского театра, знал наизусть многие произведения. Отличаясь врожденной музыкальностью, еще плохо разбираясь в нотах, мог по слуху повторить полюбившуюся мелодию. Ему очень нравилась музыка Рихарда Вагнера и пение Федора Шаляпина. В школьные годы одной из первых его «больших» партий на сцене Мариинки стал Фавн в балете «Ацис и Галатея», поставленном М. Фокиным для выпускного спектакля училища. Символично, как многое в судьбе Нижинского. Ведь именно его Фавн — получеловек-полуживотное из «Послеполуденного отдыха фавна» — впоследствии станет провозвестником нового балета XX века, ключом к тайнам подсознания артиста. Тогда сам Нижинский скажет: «Фавн — это я». Да, в нем были и бестиальность, и сакральность.

По окончании училища в 1907 году Вацлав был принят в труппу Мариинского театра на очень скромную зарплату, хотя танцевал сольные партии и классические па-де-де. Чтобы материально поддержать семью, он был вынужден подрабатывать на стороне частными уроками, принимать помощь великосветских покровителей. Дирекция не спешила продвигать его по службе, но с первых дней своего пребывания в театре он стал партнером ведущих балерин, таких, как Матильда Кшесинская и Анна Павлова.

Критика сразу обратила внимание на этого невысокого, но пропорционально сложенного юношу (его рост был всего 167 см!), с сильно развитой, словно лепной по фактуре мускулатурой ног и рук, маленькой и аккуратной стопой, чуть вялыми, но выразительными кистями рук, словно пораженными «болезнью воли». В жизни его никак нельзя было назвать красавцем. Зато на сцене Нижинский казался обаятельным, даже обольстительно красивым, что притягивало к нему и мужчин, и женщин. Прирожденный классический танцовщик, своей исполнительской манерой Вацлав резко выделялся среди премьеров старшего поколения. Работая над большими классическими партиями прошлого столетия, он невольно переделывал их на свой лад. Шедевром его раннего «додягилевского» репертуара считается Голубая Птица (па-де-де Голубой Птицы и принцессы Флорины) из «Спящей красавицы». При нешне безупречном академизме его танцевальной формы было в персонаже Нижинского нечто новое. Загадочное и неуловимое, присущее картинам художников «Мира Искусства». Танцовщик изменил костюм, упразднив бутафорские крылья. Раскрепостил руки, которые приобрели невиданную доселе окрыленность. Таких рук в мужском танце еще не знал петербургский балет. Скорее человек огромной художественной интуиции, чем рационального знания, Нижинский творил, как говорится, п, о наитию свыше. Считывал информацию и воплощал ее в своих образах. Даже не понимая, что творит, он в своем танце невольно увековечил идеалы неоромантизма и акмеизма.

Одним из первых его сны, тайны подсознания смутно почувствовал и попытался раскрыть хореограф Михаил Фокин. Он понимал, что в Вацлаве одновременно присутствуют четыре стихии и четыре темперамента, мужское и женское начало. То, что природа наделила его и возвышенной душой, и утонченным эротизмом, как нельзя лучше соответствовало требованиям эпохи. Сочиняя партии для Нижинского с учетом его самобытной индивидуальности и духовного склада, Фокин невольно вносил в них биографические черты. Он создал целую галерею

разнообразных сценических портретов Нижинского, среди которых оказалось немало шедевров. Но в исполнении других артистов, включая самого Фокина, который, кстати, был превосходным танцбвщиком, они теряли магнетизм и силу воздействия. Партии Нижинского всегда были и оставались только его партиями.

Для Анны Павловой и Вацлава Нижинского Фокин поставил дуэт на музыку Седьмого вальса Ф. Шопена в духе ожившей картинки времен расцвета романтизма. Он попал в десятку — номер имел такой успех, что впоследствии хореограф поставил целый балет в том же стиле — «Шопениану», или «Сильфиды», как его называют на Западе.

Основными балетными героями XIX века были принцы и знаменитые воины. Они были богаты, могли пользоваться всеми радостями земными. Но тем не менее их манила неземная любовь. Своим вторжением они разрушали тот тонкий мир, в котором жили их фантастические возлюбленные, и часто погибали сами. Все изменилось в начале XX века. Появился новый тип героя — художник, которому сам Бог велел чувствовать себя уверенно и уютно в мире фантастики и грез. К ним относится и Юноша-поэт Вацлава Нижинского в фокинском неоромантическом шедевре «Шопениана». Он — единственный мужской персонаж балета, окруженный хороводом эфирных сильфид. В этом балете нет сюжета, конфликтов и противоречий. Чистая музыка и чистый танец. Как в раю, куда в своих видениях может проникнуть лишь художник или поэт… На изящную вариацию-мазурку Юноше воздушной мазуркой отвечает одна из сильфид. Благодаря «созвучию душ», они объединяются в изумительном дуэте. Юноша Нижинского был равным среди равных — недаром в коде балета все его участники исполняют один и тот же хореографический текст…

Имея перед собой такой уникальный материал, как тело и душа Нижинского, Фокин экспериментировал в самых разных направлениях. Призрак розы (на этот раз именно дух, а не реальный юноша) в одноименном балете, поставленном на известное «Приглашение к танцу» К. М. Вебера, — еще один фокинский шедевр, в котором раскрылась иная грань дарования многоликого Бога танца — Нижинского.

…Вернувшись после бала, девушка опускается в кресло. И, вдохнув аромат увядающей розы, она пребывает в сомнамбулическом состоянии между сном и явью. Внезапно в открытое окно ее комнаты влетает Призрак розы (роза— вечный символ любви, но чувственной или духовной — это зависит от ее цвета; Нижинский, как известно, обожал белые розы, дарил их

своей невесте). Он обволакивает ее дурманящим ароматом, осыпает красными лепестками. Порхает, кружит перед нею, лукаво приглашает на тур вальса. А потом, утонченный и неуловимый, покорно ложится у ее ног. И когда в финале этой прелестной миниатюры девушка в изнеможении снова опускается в кресло, поцеловав ее, этот странный Призрак исчезает…

Загадочен и противоречив как по облику, так и по пластике двуединый, почти андрогинный персонаж Нижинского. Изысканные кружева вокруг девушки плели его безвольные, мягкие, почти женственные руки и кисти, завораживающие буквально каждым движением, подобно пасам гипнотизера. И в то же время в этой партии обилие сложнейших прыжков, виртуозных вращений, других чисто мужских па. Его Призрак розы, словно лукавый сильф, витал вокруг своей избранницы, соблазняя ее…

Сознательно или нет, но в «Призрак розы» Фокин на свой лад повторил знаменитую начальную сцену первого романтического балета. «Сильфида», где Дева воздуха

Сильфида летает вокруг спящего Джеймса и, поцеловав его, исчезает в камине. Только в балете прошлого столетия носителем утонченного духовного начала всегда выступала женщина. Такова мораль XIX века— женщина должна быть женщиной, мужчина — мужчиной. И на сцене и в жизни. Иное— вне этики и эстетики. Главное— вне морали. Недаром среди «проклятых поэтов» были Верлен, Рембо, Уайльд…

В начале XX века изменились критерии, точка отсчета, сам тип героя. И это тонко почувствовал Михаил Фокин. Недаром главным персонажем его лучших постановок оказался именно противоречивый и бисексуальный мистик Вацлав Нижинский. Уже в «Шопениане» Фокин уравнял в духовных правах Юношу и Сильфиду — мужское и женское начало. А в «Призраке розы» он запросто их поменял местами, усадив в кресло девушку, вокруг которой витает странный, соблазнительный дух с телом, сильным, как у мужчины, и одновременно рафинированным, как у женщины. А еще Фокин угадал в Нижинском раба земной любви, не перестающего мечтать о небесной. Изнеженным фаворитом, обласканным госпожой, который, подобно экзотическому растению, вьется у ее ног, танцовщик предстал в фокинском «Павильоне Армиды» Н. Черепнина. Кошачьей грацией и повадками сладострастного хищника хореограф наделил его Золотого раба в «Шехерезаде» Н. А. Римского-Корсакова. По-своему рабом Любви был и его Петрушка, безнадежно влюбленный в бессердечную красавицу Балерину, которую блестяще исполняла Т. Карсавина. Думаю, что многие

жизненные коллизии самого Нижинского, всей труппы Русского балета невольно были отражены Фокиным в своих балетах. Отчетливо они прослеживаются именно в «Петрушке» И. Стравинского.

Символичен сам образ Петрушки, бессмертного героя площадного театра, который каждый вечер обречен играть перед подгулявшей толпой один и тот же сюжет о несчастной любви к Балерине. Петрушка Нижинского — интроверт по натуре, как и сам танцовщик, кукла с человеческим сердцем. Всеми презираемый, жалкий, забитый. Неуклюже, как на шарнирах, болтается его тельце. Безвольно повисли руки, внутрь завернуты наспех приделанные ноги. Небрежно намалеванная маска скрывает его переживания и чувства. К тому же он во власти таинственного Фокусника — не только на сцене, но и за кулисами — в жизни, и нигде не укрыться от его пристального взгляда (заболев, Нижинский будет бесконечно рисовать пугающе раскрытые глаза). Он лишь послушная кукла-марионетка в его руках.

Многим были предельно ясны субъективные моменты этого почти биографического для танцовщика балета. Фокусником, от которого всецело, после увольнения из Мариинского театра в 1911 году, зависел Нижинский, был знаменитый импресарио и организатор труппы Русского балета Сергей Павлович Дягилев. Но был в этом балете-исповеди еще один знаменательный мотив, на который должен был бы обратить внимание мнительный, суеверный Дягилев. В финале балета над ярмарочным театром появляется фигура воскресшего Петрушки. Своими слабыми ручонками он нелепо грозит Фокуснику. Подобным образом безумный Евгений, произнося «Ужо тебе!», показывал кулак Медному Всаднику в пушкинской поэме. Сколько параллелей! Конечно, Нижинский и любил, и ненавидел Дягилева. Окончательно он «расправился» с ним в своих записках. Болезнь отменила все табу, и он писал, что чувствовал. Нижинский понимал: без Дягилева он никогда не стал бы «Богом танца», перед которым преклонялся весь цивилизованный мир. Но Дягилев и сотворил, и погубил его…

В золотой клетке

«Настоящей гордостью, настоящей радостью Дягилева, но и отравленной радостью, связанной с мучительнейшими минутами жизни Сергея Павловича, был Нижинский», — пишет один из последних его воспитанников Сергей Лифарь.

С Дягилевым Вацлава познакомил князь Львов, который был интимным другом танцовщика в дни его молодости. Дягилев не только любил Нижинского, но и высоко ценил его талант. Интуитивно он понимал, что чисто классические балеты не могут раскрыть его индивидуальность. Что для него необходимо создавать репертуар, как он и поступил. Дягилев занялся его воспитанием и образованием, возил за собой по миру, таскал по музеям, показывая и объясняя классическое и современное искусство. Он свел его со своими друзьями— музыкантами, композиторами, художниками. Бронислава отметила, что брат очень изменился после знакомства с Дягилевым — замкнулся, стал молчаливым, боялся сказать лишнее слово, чтобы не попасть впросак в присутствии его друзей. Тот же окружил Нижинского почти отеческой заботой, а заодно оберегал и от проблем повседневного быта. При нем Вацлав жил словно в золотой клетке, где дверцу охранял верный слуга Дягилева Василий, который денно и нощно был к его услугам и который следил за ним, докладывая хозяину о мельчайших событиях в жизни Нижинского.

Один из организаторов и вдохновителей Русских сезонов в Париже, именно Сергей Павлович открыл Европе этого гениального русского танцовщика. Ведь большинство балетов дягилевской антрепризы создавались его первым балетмейстером Фокиным специально для Нижинского, который своей мировой славой конечно же обязан Дягилеву, без которого он в лучшем случае стал бы только премьером Мариинского театра. Тем более что Нижинский никогда и не собирался покидать этот прекрасный театр, который он очень любил. Но судьба, кстати при содействии Дягилева, распорядилась иначе. Он был уволен в 24 часа, после чего стал полной собственностью Сергея Павловича. Тот селил Нижинского в лучших гостиницах рядом со своими апартаментами, делал ему роскошные подарки, среди которых были украшения с сапфирами от Картье — эти камни Вацлав очень любил. Но при этом, он никогда не выдавал ему гонораров, самолично оплачивая все его расходы. За несколько лет Дягилев задолжал своему премьеру огромную сумму, которая впоследствии послужит поводом для судебного разбирательства

между женой Нижинского и бывшим покровителем ее мужа. В итоге он до такой степени отгородил Вацлава от действительности, что тот понятия не имел, сколько стоит, скажем, билет на поезд. По мнению Сергея Павловича, Нижинский должен был жить только для творчества и для него — Дягилева. Конечно, именно у него Нижинский станцевал свои, лучшие партии, а несколько лет спустя сам стал ставить. Но полного доверия Дягилев добиться не сумел: Нижинский принадлежал ему телом, но не душой. И чем больше стремился к духовной близости его наставник, тем меньше Вацлав отвечал ему взаимностью. Он всегда выказывал пассивное подчинение, но не раз между ними возникали недоразумения, сцены ревности, скандалы. Они часто были на грани разрыва…

Куда благоприятнее складывался их творческий союз, подаривший миру ряд шедевров. Именно Дягилев первым интуитивно угадал в Нижинском не только великого танцовщика, но и по-современному мыслящего хореографа, поощрял его балетмейстерские начинания. Так, в Венеции во время летнего отдыха, они впервые заговорили о постановке «Послеполуденного отдыха фавна» по мотивам поэмы Стефана Малларме на музыку Клода Дебюсси. Нижинский вместе с художником и приятелем Дягилева Львом Бакстом стал изучать памятники античности. Свой первый балет он ставил для себя и своей сестры Брониславы. Это был необычный балет, противоположный всему тому, что до того танцевал сам Нижинский. Он нарочито «заземлил», лишил духовной вертикали свою хореографию. Никаких виртуозных па и привычных элементов классического балета. Господствовали профильные позы, словно сошедшие с фризов античных храмов. Все нимфы были обуты в сандалии, ходили, начиная шаг с пятки. Всего один-единственный прыжок был в партии Фавна, которую исполнял сам хореограф. Многое в этом балете напоминало картины кубистов. Его тема — пробуждение естественных инстинктов и чувств у юного полуживотного-получеловека. Нижинский выразил собственное субъективное внутреннее состояние, которое владело им в тот момент, впоследствии самовыражением в танце будут заниматься все модернисты XX века вплоть до наших дней.

Предельно прост сюжет балета. Увидев купающихся нимф, Фавн бросается к ним. Они в страхе убегают. Фавн поднимал забытое покрывало главной нимфы и бережно уносил его на пригорок, где, почти сливаясь с окружающей природой, он нежился на солнце в начале балета. Словно на живое существо, с которым он мечтает слиться, Фавн ложился на покрывало нимфы…

Скандал разразился на парижской премьере балета. Многих раздражала угловатая, лишенная привычной красоты пластика. Но в еще большей степени они осуждали его откровенную чувственность. Особо их шокировал эротичный финал…

Дягилев торжествовал— весь Париж хотя бы любопытства ради посмотрел первый балет его протеже. Но еще более сильный взрыв негодования среди парижан вызвал следующий балет Нижинского — «Весна священная» И. Стравинского, который был показан год спустя. Тут публику приводило в ярость буквально все. Музыка И. Стравинского, впоследствии ставшая одной из самых «культовых партитур» XX века. Хореография — примитивно-грубая, нарочито заземленная: позы с вздернутыми плечами, завернутые внутрь ноги, нелепые прыжки с тяжелыми приземлениями, непроницаемые, дико размалеванные лица, костюмы Н. Рериха. Никто не мог понять, каким образом такой рафинированный танцовщик, как Нижинский, мог сочинить столь ужасающий хореографический примитив. Сам Вацлав очень любил свою «Весну», в которой все было основательно продумано, логически выверено и очень музыкально. В ней ее создатели попытались по-своему передать магическую силу языческих обрядов древних славян, приуроченных к празднику весны. По поверьям наших предков, земля жаждет поклонения, требует жертву. Во время тайных игр девушек выбирали жертву. А потом сама Избранница в экстатической пляске затанцовывала себя до смерти. Пожалуй, только ее дикая пляска и была одобрена публикой. А остальное отвергли даже самые передовые критики, журналисты, художники.

Нижинский не мог понять, почему современники не приняли его балет. Ему не приходило в голову, что в «Весне» он на много десятилетий опередил свое время. Только сейчас, после тщательной реконструкции, его постановка оценена по достоинству. А в 1913 году этот новаторский балет не удержался даже в репертуаре. Состояние Нижинского было ужасным. Он чувствовал себя искупительной жертвой на алтаре современной хореографии.

Недолго просуществовал на сцене и его третий балет — «Игры» К. Дебюсси, в котором непривычные для балета того времени спортивные игры переплетались с любовными забавами юноши и двух девушек, одетых в спортивные костюмы…

Судьба Нижинского-хореографа дягилевской антрепризы была предрешена. При всей любви к своему Ваце Дягилев понимал, что публика ждет от него другого. Он не знал, как поступить с Нижинским. Ему сыграла на руку скоропалительная женитьба Вацлава. Правда, некоторые исследователи и

мемуаристы утверждают, что Сергей Павлович сам подтолкнул его к этому шагу. Того требовали дела, а он был великим дельцом в области искусства…

В конце лета 1913 года дягилевская труппа отправилась на турне в Южную Америку. Впервые Дягилев отпустил Нижинского одного, так как боялся морских путешествий. Он все время опасался, что сбудется пророчество цыганки, предсказавшей ему смерть на воде. Несмотря на все предосторожности оно все-таки сбылось в 1929 году — Дягилев умер в Венеции. На воде, как ему и предсказали… Но в 1913-м он предпочел остаться в Европе, отправив Нижинского под присмотром Василия.

Во время длительного трансатлантического путешествия на борту корабля «Эвон» Нижинский чувствовал себя как школьник на каникулах, который наконец-то избавился от назойливой опеки придирчивого воспитателя. Он сблизился с молодой венгерской аристократкой польского происхождения Ромолой Пульска, которая давно была влюблена в Нижинского. Чтобы быть поближе к нему, она занялась танцем, повсюду следовала за труппой, даже стала участницей дягилевской антрепризы.

Трудно сказать, чем именно она покорила Нижинского. Но, не доплыв до Южной Америки, он сделал ей предложение. Не зная иностранных языков, он объяснился ей в любви при помощи весьма выразительной пантомимы. Они обручились в Рио-де-Жанейро и поспешно обвенчались в Буэнос-Айресе. Под сияющим в небе Южным Крестом он подписал свой первый и единственный брачный контракт. И заодно, как показало будущее, собственный приговор. Узнав о случившемся, Дягилев метался подобно раненому зверю. В бешенстве он приказал отправить Нижинскому телеграмму, что Русский балет в дальнейшем не нуждается в его услугах. Этим поступком Дягилев самолично открыл золотую клетку, в которой годами содержал своего любимца. Оказавшись на воле, Вацлав не знал, что делать с неожиданно дарованной ему свободой. Теперь он был женат. Ромола ждала ребенка. А он— Бог танца и первый танцовщик мира, оказался без работы, каких-либо дальнейших творческих планов. Да и его средства были весьма ограничены. Мнимую свободу он купил дорогой ценой, променяв блестящую карьеру премьера дягилевской антрепризы на сомнительное семейное счастье. Это было началом конца…

Обременительная свобода и венчание с Богом

По возвращении из Южной Америки Нижинскому со всех сторон посыпались соблазнительные предложения. Он не спешил, так как привык работать с первоклассной труппой, великолепными художниками и музыкантами. Вацлав решил создать собственную труппу, свой репертуар. Но уже ее первые самостоятельные лондонские гастроли кончились крахом. Стало очевидным, что, будучи гениальным танцовщиком и прирожденным хореографом, Нижинский ничего не смыслит в делах. Он мечтал вернуться в Россию, куда после его изгнания, порвав с Дягилевым, уехала Бронислава. Но не успел. Грянула война, и он, как русский подданйый, был задержан в Венгрии.

Там родилась его первая дочка Кира, которую Вацлав обожал. Семья была вынуждена жить в доме своей тещи — первой драматической актрисы венгерской сцены Эмилии Маркуш, которая ненавидела своего зятя, завидовала его славе и всячески притесняла его. А Вацлав, сидя без дела, не мог по-настоящему заниматься, что губительно для танцовщика. От нечего делать он придумал свою систему записи движений, начал фиксировать свои балеты. Нижинский открыто переживал военные неудачи русских, за что его ненавидела и притесняла венгерская родня. Его нервы были на пределе. Друзья не забыли Нижинского — они хлопотали за него. Но представителям Англии и Франции, даже коронованным особам, было непросто вытащить его из плена во вражеской стране. Их усилия увенчались успехом лишь несколько лет спустя. Через Швейцарию семья Нижинских сумела выехать во Францию, где Вацлав получил предложение выступать в Америке с труппой Дягилева. Итак, непростое положение Нижинского усугубилось тем, что Ромола и Сергей Павлович ненавидели друг друга. Каждый пытался перетянуть его на свою сторону, превратив жизнь танцовщика в сущий ад. Меньше всего оба думали о легко ранимой душе Вацлава, его лабильной психике. Ромола стремилась окончательно рассорить мужа с Дягилевым. Но нужны были деньги. И Нижинские почти на год уехали на гастроли в Америку. Вацлав выступал в Нью-Йорке, где поставил свой последний балет «Тиль Уленшпигель» на музыку немецкого композитора Р. Штрауса, что само по себе считалось неслыханной дерзостью в годы войны. Его постановка, как и предыдущие, успеха не имела. Нижинский разъезжал с дягилевской труппой по всей Америке. Потом отправился в южноамериканское турне. И

снова роковым образом именно под Южным Крестом впервые проявились признаки депрессии и приближающейся болезни. Именно в Аргентине в 1917 году состоялось его последнее публичное выступление. На благотворительном концерте в помощь Красному Кресту Вацлав Нижинский танцевал «Шопениану» и «Призрак розы». Никто не мог и подумать, что он на сцене в последний раз…

По возвращении в Европу, Нижинские до конца войны решили осесть в нейтральной Швейцарии. Деревушка Сен-Мориц, которая впоследствии превратилась в один из самых фешенебельных горных курортов, стала их домом. Нижинский почти не занимался танцем. В основном он составлял проекты своих будущих балетов, придумывал декорации. Много рисовал, по преимуществу искаженные ужасом лица— лики войны, часто также лицо Дягилева. Много времени и внимания он уделял Кире, которая была в восторге от своего «татаки». Гулял по горам. И эти прогулки становились все длиннее и опаснее. Нижинский забредал в дикие места. Порой разгуливал на краю пропасти. Иногда устраивал странный маскарад — ходил по деревне с большим крестом, утверждая, что он и есть Христос…

Еще со времен американского турне под влиянием таких активных толстовцев, как члены дягилевской труппы Д. Костровский и Н. Зверев, Вацлав стал вегетарианцем. Он хотел запретить и жене, и ребенку употреблять в пищу мясо. И не раз говорил о том, что хочет все бросить и поселиться в сибирской деревне. Чтобы работать на земле, вести естественный и праведный образ жизни. Ромола активно сопротивлялась таким «бредовым» планам мужа. Спутав жизнь и сцену, она была уверена, что вышла замуж за гения и Призрака розы, а не землепашца из России!

Вскоре поведение Нижинского стало неровным, появились приступы ничем не оправданной агрессивности.

Он нечто судорожно писал дни и ночи. Родным сказал: «Это будет мой дневник. Мои мысли». Он всегда прятал написанное, словно боялся, что его отберут или похитят. Как-то в 1919 году Нижинский объявил, что даст концерт в местной гостинице. Но заранее не хотел говорить, что именно он будет танцевать. Собралось немало людей, жаждущих увидеть Бога танца, который давно не выступал. «Это будет мое венчание с Богом», — сказал Вацлав перепуганной жене перед концертом. Он долго стоял неподвижно, словно позабыв, что все на него смотрят. А потом сделал на полу из черного и белого бархата большой крест. И, раскинув руки, стал, словно распятие, у его вершины. Потом, укутавшись в материю, он исполнял какие-то дикие танцы,

которые испугали присутствующих. Нижинский объяснил, что так выглядит война. И что все честные люди должны бороться за мир, за любовь, жить в Боге. В конце этого странного и для близких крайне тяжелого вечера гений танца мрачно произнес: «Лошадка устала». Больше никогда он уже не выступал…

Под плохим предзнаменованием прошло Рождество. В рождественскую ночь упала елка (елка — древо жизни) и напополам раскололась серебряная звезда, украшавшая ее макушку. Вацлав пытался успокоить расстроенную жену. Но вскоре поведение Нижинского стало совсем непредсказуемым и странным. Нежность, забота и любовь к близким чередовались у него с почти садистскими выходками. Ромола под выдуманным предлогом решила показать мужа знаменитому психиатру. Его диагноз «шизофрения» прозвучал словно смертный приговор. «Моя дорогая, мужайтесь, — сказал ей врач. — Вам надо увезти ребенка и получить развод. К сожалению, я бессилен. Ваш муж неизлечимо болен… Мы, врачи, спасаем, кого можем; других, к сожалению, приходится предоставлять жестокой Судьбе». Вскоре Вацлав потерял контакт с окружающим его миром. Притом он часто улыбался какой-то блаженной улыбкой…

Ромола не развелась. Она осталась при нем, с чего и начался ее крестный путь. У нее родилась вторая дочь Тамара. В течение тридцати лет она пыталась вылечить мужа. Ради денег написала книгу «Вацлав Нижинский», которую ей помог издать Линкольн Керстайн. Потом другую — о дальнейших годах жизни своего мужа. Во время Второй мировой войны с риском для жизни она прятала от фашистов душевнобольного мужа, зная, что они уничтожают всех сумасшедших. Конец войны встретила в Вене, где вместе с Нижинским присутствовала на концерте, на котором выступала Галина Уланова. Потом поселилась в Англии, где родился отец Ромолы. Кстати, покончивший жизнь самоубийством в 46 лет.

Вацлав Нижинский умер 8 апреля 1950 года в канун Пасхи на руках Ромолы. Последнее его слово было «матушка». К кому он обращался? К давно ушедшей из этого мира матери Элеоноре? Или же к Ромоле, которая была не только женой и сиделкой, но и его второй мамой? Судьба была к ней жестока. Некогда мечтавшая о неземном принце, она жизнь провела с инвалидом. Нижинского похоронили в Англии. Но в 1953 году по инициативе Сержа Лифаря он был перезахоронен на парижском кладбище Монмартр недалеко от могилы великого Бога танца XVIII века Огюста Вестриса. Его — католика по крещению, мистика по убеждениям, отпевали в православной церкви на рю Дарю. Нижинский не чувствовал себя христианином, о чем писал в

своих тетрадях. Он ощущал свою слитность с космосом, всем Божьим миром. Знал, что Бог в нем, а он в Боге…

Ромола пережила мужа, но запретила печатать оригинальный текст записок, словно не желая, чтобы мир узнал Нижинского таким, каким он был на самом деле.

Не только Богом танца, но и простым человеком, с присущими ему слабостями, достоинствами, пороками. На это дали согласие лишь его потомки. Так, в конце XX века, Вацлав Нижинский вернулся к нам и в своих балетах, и в своих записках…

Виолетта Майшеце, Институт современного искусства

Между светом и мраком

Начало 1919 года. На западе Европы страны-участницы мировой войны доживали последние месяцы кровопролитий и видели уже в конце туннеля свет Версальского мирного договора, наблюдая, как на востоке погружается в пучину огромная Российская империя. В самом же центре расположилась нейтральная Швейцария, которой все эти бедствия почти не касались, но куда посторонним не очень-то легко было попасть, хотя многие всякими правдами и неправдами к этому стремились. Тем не менее на модном зимнем курорте Сен-Мориц, где в былые времена отдыхали и великие князья, можно было видеть и иностранцев, в частности спортсменов из воюющих держав, как ни в чем не бывало готовящихся к конькобежным соревнованиям. Именно там писатель Морис Сандоз одним из последних заметил и описал странное существо.

«На нем была шапка из меха выдры в форме кулича, спортивный костюм из очень темной, почти черной ткани, а на груди медное распятие величиной с ладонь. Лицо его было изжелта-бледным, раскосые глаза делали его похожим на монгола. Нет, подумал я, не похожим. Это и есть монгол.

В руках, сцепив их за спиной, он держал веревочку от санок, на которых сидела маленькая девочка, тоже наблюдавшая за конькобежцами. Их частые падения вызывали у ребенка улыбку, я заметил, что лицо ее отца оставалось сосредоточенным и он следил за удальством спортсменов со строгостью судьи. Это меня к нему расположило, и я рад был дать ему разъяснение, когда он, голосом мягким и певучим, спросил меня с сильным иностранным акцентом:

Вы не могли бы сказать мне, месье, имя этого конькобежца?

Это Вадас, конькобежец из Будапешта, — ответил я.

Он катается с сердцем, это хорошо.

Я разделяю ваш выбор, — сказал я, — на этом катке есть лучшие виртуозы, чем он, но никто из них не обладает такой грацией.

Грация от Бога, — отвечал мой собеседник, играя своим распятием («поп-расстрига», — подумал я), — остальное дается учебой.

Но разве грация не дается учебой? — полюбопытствовал я.

То, что дается учебой, имеет предел; врожденное развивается безгранично».

Эта встреча завершилась знакомством и подарила нам единственно точное, подробное и беспристрастное свидетельство

последнего публичного выступления великого русского танцовщика Вацлава Нижинского, во время которого он напугал собравшуюся развлечься светскую публику своей хореографической импровизацией, кратко пояснив: «Это война».

«И. мы увидели Нижинского, под звуки похоронного марша, — вспоминает Морис Сандоз, — с лицом, перекошенным ужасом, идущего по полю битвы, переступая через разлагающийся труп, увертываясь от снаряда, защищая каждую пядь земли, залитой кровью, прилипающей к стопам; атакуя врага; убегая от несущейся повозки; возвращаясь вспять. И вот он ранен и умирает, раздирая руками на груди одежду, превратившуюся в рубище.

Нижинский, едва прикрытый лохмотьями своей туники, хрипел и задыхался; гнетущее чувство овладело залом, оно росло, наполняло его, еще немного — и гости закричали бы: “Довольно!” Тело, казалось, изрешеченное пулями, в последний раз дернулось, и на счету у Великой Войны прибавился еще один мертвец».

Последний день был, может быть, самым долгим и, несомненно, одним из самых важных в его жизни. Вечером, садясь в коляску после последнего выступления, целью которого, очевидно, был оказавшийся последним… гонорар, он объявил своей перепуганной жене, что это был день его свадьбы с Богом. И глубокой ночью, поднявшись в свою комнату, вместо того чтобы спать, он возьмет начатую рано утром тетрадку и новое же самопишущее перо, чтобы продолжать свою ни на что не похожую, единственную в своем роде, — как и все, что он делал в своей жизни, — книгу.

Книга, известная под названием «Дневник Нижинского», впервые была издана в 1936 году по-английски, в переводе с русского Ромолы Нижинской, жены артиста. Достоверно известно, что по-русски она не говорила и не читала. Выполнила ли его Дженнифер Матгангли, которой выражена была благодарность за помощь в переводе, или над текстом трудился кто-то еще, теперь уже не узнать. Но даже не видя оригинала, можно сказать, что перевод сделан невнимательно. Также прочитан он был невнимательно и читателями, и редакторами солидного французского издательства «Галлимар», которое в 1953 году выпустило на французском, переведя с английского, этот интереснейший документ. В таком виде он и попал мне в руки лет десять назад и окончательно поставил в тупик.

Дело в том, что о Нижинском написано столько противоречивого, причем людьми, казалось бы, близко его знавшими, столько пролито чернил в надежде доказать, что он не

гений и вообще никто, или, наоборот, что гений, поэтому исследователь неминуемо бросается в поисках истины к свидетельству из первых рук, то есть к ставшему знаменитым «Дневнику» — а тот ставит множество новых, неожиданных загадок. Именно «Дневник» дал повод некоторым исследователям творчества Нижинского сомневаться в самом факте сумасшествия великого танцовщика. И действительно, те, кто читали эту книгу, согласятся, что явных признаков безумия в ней, в общем- то, нет. Есть странности, есть галлюцинации, которые при желании можно интерпретировать как странности и озарения гения, но есть и тонкие замечания и совершенно блестящие наблюдения. Правда, если внимательно читать, то сразу можно заметить: с точки зрения хронологии тут что-то не так. В версии «Галлимара» дневник Нижинского разделен на три части: «Жизнь», «Смерть», «Чувства». Вторая часть, «Смерть», начинается с даты 27 февраля 1919 года, а третья — с описания последнего публичного выступления Нижинского, о котором известно, что оно состоялось 19 января 1919 года, что подтверждает и сделанная сноска. Причем Нижинский очень подробно описывает все события этого вечера, сообщая, что они произошли «сегодня». Далее помещен «Эпилог», также датированный 27 февраля, с подписью «Бог и Нижинский».

Не считая хронологических противоречий, записки в том виде, в каком они были изданы, заключали в себе ряд логических неувязок. Действительно, как бы ни было повествование отрывисто и бессвязно, все же можно проследить развитие событий, которое и погружает в недоумение. Вот Нижинский живет с женой и дочерью в швейцарском городке Сен-Мориц и отправляется в свои одинокие прогулки по заснеженным горам. Изредка его сопровождает некая А. Из записок видно, что дом часто посещает безымянный доктор. Внезапно появляются новые действующие лица: теща с мужем (между прочим, приезжают они из-за границы, а путешествие это в военное время непростое), и тут же на горизонте возникает город Цюрих, куда Нижинского собираются везти, чтобы показать врачу. Его просят проститься с дочерью и сказать ей, что он больше не вернется. Вдруг все, как по волшебству, исчезает. «Смерть» не конец, далее следуют пространные «Чувства», где уже нет и следа пребывания решительной тещи, но зато снова возникает А. Все это венчает загадочно датированный «Эпилог». Даже не видя оригинала, было ясно, что дневник писался не в одной, а в нескольких тонких тетрадях, и что при переводе их перепутали. Непонятно только, почему ни переводчики, ни издатели не заметили таких явных несоответствий.

Мне, к сожалению, не удалось подержать в руках оригинал. После смерти жены Нижинского его несколько раз перепродавали на аукционе Сотбис, и каждый раз покупатели желали остаться неизвестными. Сейчас он находится в нью-йоркском музее «Метрополитен». Еще при жизни Ромола Нижинская подарила тетради одному из друзей, который решился продать их, чтобы заплатить долги, оставшиеся после ее смерти в наследство двум дочерям, Кире и Тамаре. Она просила дочерей не публиковать эти записки в том виде, в каком они есть, поскольку в тексте были сделаны купюры. К счастью, душеприказчиком Ромолы оказался ее бывший зять, знаменитый композитор и дирижер Игорь Маркевич, первым браком женатый на дочери Нижинского Кире. В последние годы жизни Ромолы они много общались, и скорее всего именно он позаботился, чтобы с тетрадей были сделаны фотокопии. Они сохранились у сына Маркевича, Вацлава, который живет в Швейцарии со своими детьми. Его сын

Юрий очень похож на своего прадеда, Вацлава Нижинского. По-русски они не говорят. Именно Юрий, тогда мальчик лет семи, и уговорил своего отца поделиться со мной драгоценными копиями. С них была сделана очередная фотокопия, которую я и увезла из Швейцарии в Париж десять лет назад.

Эти копии местами были совершенно «слепые», текст приходилось расшифровывать с лупой. И мне довелось, сперва пережив целый вихрь потрясений— настолько эти записки отличались от того, во что они превратились при публикации, — провести над ними долгие дни и ночи прежде чем, отделив приблизительно третью часть текста, считая с конца, переложить эти страницы в начало, тем самым восстановив хронологию книги. Книги, потому что сам Нижинский никогда не называл ее дневником. Правда, это необычная книга, ведь Нижинский не писатель, никогда не писал ничего, кроме писем. И это тоже письмо, послание к человечеству, в которое время от времени врываются события сегодняшнего дня — и по мере их трагического развития, они отвоевывают себе все больше и больше места. И все вдруг стало ясно, просто и страшно — предстала картина конца; конца жизни, конца творческого пути одного человека и катастрофы.

У меня в руках был подлинник уникального документа, написанного гениальным художником, балансирующим, как на краю пропасти, между светом и мраком.

Но к этому уникальному документу, и без того хронологически запутанному, при первой публикации был применен какой-то кулинарный метод: он был изрезан на кусочки, одни из которых отбраковали из соображений этики,

другие — из соображений интереса массового читателя, третьи— из соображений вовсе непонятных, а все оставшееся было перемешано и подано читателю под соусом подлинника. Это сделало бессвязными многие высказывания Нижинского, например, неизвестно откуда возникшие долгие пассажи о Вильсоне[1] и Ллойд-Джордже[2]. На самом деле, они явились простым следствием покупки субботнего выпуска «Иллюстрасьон»[3], как это видно в оригинале (Нижинский аккуратно помечает: 25 января 1919 года). Всего одна фотография повлекла за собой целые страницы рассуждений, сбивающихся на бред (они были даны в сокращении).

После того, как были найдены начало и конец рукописи, она вдруг явила собой уже готовый сценарий, совершенно потрясающий и неумолимый. Стало возможным точно датировать записки, над которыми Нижинский работал не в течение полутора-двух лет, как думал Игорь Маркевич, а вслед за ним— многие другие, а полтора месяца, создавая их на одном дыхании, поэтому относиться к ним надо не как к книге и судить их за огрехи нельзя, хотя Нижинский задумывал писать именно книгу. В этой рукописи-скорописи, которую он начал писать накануне своего последнего злосчастного выступления, местами попадаются ошибки, чаще всего описки, имеются неточности, галлицизмы и полонизмы — всего десяток на весь текст (естественный результат десятилетнего пребывания человека на чужбине, для которого русский язык вдобавок еще и не родной, по крайней мере, почти все русские, пожив полгода в Париже, неизменно начинают употреблять выражения типа «брать метро»). Готовя рукопись к печати, я посчитала уместным не переносить эти погрешности в окончательный текст.

Итак, 19 января 1919 года. Нижинский начинает писать карандашом, внезапно, с другого конца тетради, где ранее записывал свои упражнения по балетной нотации*.

«Я назову эту книгу “Чувством”. Я люблю чувство, а поэтому буду писать много. Я хочу большую книгу о чувстве, ибо в ней будет вся твоя жизнь. Я не хочу печатать книгу после твоей смерти. Я хочу напечатать теперь. Я боюсь за тебя, ибо ты боишься за себя. Я хочу сказать правду. Я не хочу обижать людей. Может быть, тебя посадят в тюрьму за эту книгу. Я буду;с тобой. Ибо ты любишь меня. Я не могу молчать. Я должен говорить…»

Так, почти что с самого начала, в строку, начинается диалог с Богом. Чувство не подводит Нижинского. Он понимает, что у него мало времени, поэтому обрывает свои предыдущие записи, чтобы успеть сказать главное. Он чувствует, что его ждет:

«Ты будешь сидеть в сумасшедшем доме и ты поймешь

сумасшедших. Я хочу, чтобы тебя посадили в тюрьму или в сумасшедший дом. Достоевский был в каторжных работах, а поэтому ты можешь тоже сидеть где-нибудь. Я знаю любовь людей, у которых не замолкает в груди, а поэтому они не позволят тебя посадить. Ты будешь свободен как птица, ибо эта книга будет издана во многих тысячах экземпляров. Я хочу подписаться Нижинским для рекламы, но мое имя есть Бог».

О каком же «чувстве», превратившемся в малопонятный подзаголовок в английском и французском изданиях, идет речь? Нижинский именует «чувством» интуицию —

*Разработанная им система, продолжавшая идею Степанова, сразу же потеряла свою актуальность с появлением пригодной видеозаписи.

инструмент творчества, тот слух, в который обращается художник, чем тоньше этот слух, тем более художник, и уже не художник — пророк. И сам он несколькими страницами позже назовет себя проповедником. Это чувство ни разу не подвело Нижинского-артиста, когда он потрясал души всех, кто видел его на сцене. «Кто видел, как танцует Нижинский, останется навеки обездолен этой утратой и долго будет думать с содроганьем о его уходе в бездну печального безумия», — писала поэтесса Анна де Ноай. Оно же вело его, хореографа, когда он, не ведая дороги, пошел в неизвестность. И кто знает, может быть, оно же присматривало за ним, когда он, уже полубезумный, блуждал по окружающим городок Сен-Мориц горам, не один раз рискуя соскользнуть в заснеженную пропасть.

«Я пошел к пропасти, затем я упал вниз, но меня удержали ветки дерева, которые я не заметил. Тогда я удивился и подумал, что это чудо. Бог хотел проверить меня. Я понял его, а поэтому хотел отцепиться, но он мне не позволил. Я держался долго, но после некоторого времени испугался. Бог мне сказал, что я упаду, если не отцеплю одну ветвь. Я отцепил ветвь, но не упал. Бог мне сказал: “Иди домой и скажи жене, что ты сумасшедший”. Я понял, что Бог хочет мне хорошего, а поэтому пошел домой и намеревался ей объявить эту новость. На дороге я увидел следы крови, но я больше этому не поверил».

Самые лучшие отрывки текста рукописи, надо отдать должное Ромоле Нижинской, присутствовали в изданном варианте тетрадей Нижинского, правда, перевод грешил неточностями. В ряде случаев они меняли смысл на противоположный. Например, по «Дневнику» Роден отказался от замысла скульптуры, найдя Нижинского чересчур совершенным. На самом деле Нижинский пишет: «Роден хотел меня зарисовать, ибо он хотел сделать из меня мрамор. Он посмотрел на мое голое

тело и нашел его неправильным, а поэтому зачеркнул свои кроки». А вот откуда взялся ставший притчей во языцех «клоун божий»: «Я шут в Боге, потому что я люблю шутить. Я хочу сказать, что шут там хорош, где есть любовь», — пишет Нижинский просто так, вскользь. Но, скользнув, мимолетная мысль царапнула, задела что-то в душе больного артиста, и вот в другом месте он повторит, что он сумасшедший клоун. Трудно во всех огрехах винить переводчика. Ведь по тексту прошлась рука всевластного редактора, Ромолы Нижинской.

Ромола прожила с Нижинским пять лет до заключения его в больницу. И ей ли было не знать, что с ним, с блаженным, можно все, чего нельзя с другими. И эта свобода, безнаказанность по отношению к человеку была перенесена на последний труд его жизни. Сокращения в тексте, необходимые или напрасные, были сделаны скорой и бестрепетной рукой. В результате спутались не только все причинно-следственные связи, но и сама нить повествования, ход событий, тот самый трагический сценарий, который в какой-то момент обрывают слепые, глухие. Абсолютно чужие — родственники. Когда читаешь последнюю страницу, сбивчивую, теряющую нить, то так и слышишь, как они нетерпеливо кричат, торопя: «На один поезд уже опоздали (что дало Нижинскому возможность написать несколько заключительных страниц), и может уйти другой». Нижинского увозят. Вот чем на самом деле заканчиваются его записки:

«Я пойду на вокзал пешком, а не на извозчике. Если все поедут, то я тоже поеду. Бог хочет показать людям, что я такой же человек, как и они…

Я поеду сейчас…

Я жду…

Я не хочу…

Я пойду к матери моей жены и буду с ней разговаривать, ибо я не хочу, чтобы она думала, что я люблю Оскара[4] больше. Я проверяю ее чувства. Она еще не умерла, ибо она завистлива…»

Так заканчивается вторая и последняя часть записок Нижинского, «Смерть». Нижинский не успевает даже подписаться, как под первой частью, «Жизнь»: «Бог Нижинский», а вовсе не «Бог и Нижинский», как в изданном Галлимаром «Дневнике». Не успевает поставить дату. Это было 4 марта, день отъезда Нижинского из Сен-Морица в Цюрих в сопровождении жены и ее матери с мужем, которые никуда, раз приехав, не исчезали и, собственно, за этим и приезжали. В Цюрихе его осмотрят врачи, и по их рекомендации он будет помещен в санаторий Бельвю — лечебницу для душевнобольных. В недавно вышедшей книге американского психиатра Оствальда подробно описана

тридцатилетняя одиссея Нижинского- душевнобольного. Как отмечает доктор Оствальд, состояние Нижинского в больнице резко ухудшилось, и о каком бы то ни было творчестве — а он не только писал свою «книгу», но и много рисовал в предшествовавшие заключению в больницу месяцы, клеил макеты декораций — уже не было речи. Тетради Нижинского, после того как с ними ознакомились лечащие врачи и другие психиатры, остались у Ромолы Нижинской. Когда в тридцатые годы она решит их издать, то скажет; что случайно нашла в одном из старых чемоданов. Издать их полностью, без купюр, очевидно, было тогда невозможно. С безымянным доктором, а на самом деле доктором Френкелем, первым врачом Нижинского, что-то у нее произошло, чуть ли не роман, а затем разрыв. Незнакомка А. на самом деле была родная сестра Ромолы, Тэсса. В те не столь далекие времена к этике и приличиям относились более внимательно. Вдобавок то, что представляло интерес для специалиста-психиатра, было бы скучно и непонятно широкому кругу читателей. Но то, что отобранные отрывки перетасовали как попало, безусловно, жаль. Многие в течение пятидесяти лет ломали голову над «Дневником», теряясь в догадках.

О переиздании не могло быть и речи: Ромола категорически это запретила. Даже после ее смерти в 1978 году не решались нарушить волю матери вплоть до 1994 года, когда издательство «Акт Сюд» взялось за подготовку книги к печати.

Полный текст записок Нижинского труден, он предназначен скорее для специалистов, историков искусства, хорошо знакомых с творчеством Нижинского, или психиатров — хотя в то же время это уникальный человеческий документ, и литературный тоже. Вопреки некоторым попыткам представить Нижинского как существо примитивное, малообразованного юношу, все хореографические постановки которого созданы не им (а Дягилевым, как утверждал, например, Сергей Лифарь), перед нами настоящий художник— правда, художник, осваивающий новый для него вид искусства. Благодаря восстановленной хронологии, т. е. расположению тетрадей (они лежали в порядке: вторая, первая, и так и были переведены на английский), мы видим, как быстро Нижинский осваивает писательское мастерство. И хотя он вряд ли стал бы писателем, но сам факт, что «Дневником» — даже в искаженном виде — зачитывались, что он стал чуть ли не бестселлером, и это послужило дополнительным доводом в пользу переиздания, говорит сам за себя.

Итак, только семьдесят с лишним лет спустя дано было Нижинскому сказать то, что он так хотел успеть сказать людям,

недоедая, недосыпая, работая до боли в глазах и спине, колеблясь, как над пропастью, между светом и мраком. Эти тетради — а книг а подлинных записок Нижинского вышла на французском в 1995 году под названием «Тетради» — своего рода «черный ящик» погибающего самолета. В них, кроме неизбежности болезни, предчувствия конца, отражено состояние души артиста, поднявшегося до самых вершин искусства, когда уже некуда идти. Дальше идти уже некуда, дальше — только небо и Бог. Так было с Гоголем, Толстым.

Большую важность приобретают его записи еще и потому, что мы видим великого танцовщика, одиноко противостоящего головному, рассудочному мироощущению, отрицающего саму основу творчества — интуицию, путающего дар Божий с образованностью, а веру в Него — с необразованностью. Видим Нижинского, утверждающего эту веру, вечные общечеловеческие ценности, сбрасываемые как раз в те годы с «парохода современности» видим его отзывающимся сердцем безупречно правильно на события, обессмысливающие, делающие неуместным само существование искусства, а следовательно, и художника— войну, убийство миллионов людей, гибель огромной державы, которая была его родиной; парижской околобалетной публике, винившей в трагедии Нижинского его молодую легкомысленную жену. Это было неблизко, но мы сейчас, особенно на собственной судьбе, можем это понять. Нижинский одним из первых заговорил о грозящей миру экологической опасности, высказывал смелые технические идеи, оставленные, конечно, без внимания, но реализованные другими много лет спустя, например шариковая ручка или устройство, отпугивающее птиц, используемое в настоящее время на аэродромах. Многое из переживаемого Нижинским в свое время было не понято — или понято превратно, как некоторые пассажи, с удовольствием воспринимаемые читающей публикой как эротические, а на деле преследующие совсем иную цель. И конечно, читать записки Нижинского надо с большой осторожностью, отделяя явь от бреда больного рассудка. Но и эти больные строки, вознесенные страданием гибнущего духа, стоят на равной высоте с чудными отрывками, озаренными последним светом его детского гения.

Настоящее издание полного текста записок Нижинского является первым в России. По мере возможности были сохранены авторская орфография и пунктуация. Некоторые имена собственные и слова иностранного происхождения приведены в соответствие с привычным русским написанием: Шекспир вместо Шэкспир, индустрия вместо индюстрия, другие оставлены как есть: Ллойд-Жордж.

Остается надеяться, что этот интереснейший документ найдет у нас многочисленных читателей и встретит то понимание, о котором Нижинский мечтал. Тем более, что русскому читателю не понадобится переводчик, ведь все тетради Нижинского написаны по-русски (за исключением писем, некоторые из которых писались по-польски или по-французски). «Я русский человек, — писал Нижинский. — Я знаю, что русский тот, кто любит Россию. Я люблю Россию».

А любит ли Нижинского Россия? Пока что не нашлось в Москве и Петербурге ни одной улицы (а в Париже — нашлось!), которая носила бы его имя. Не нашлось ни одного корабля у отечественного пароходства, на борту которого золотыми буквами засветилось бы оно — мне неизвестно, продолжают ли свое плавание все эти «Феликсы Дзержинские» и «Советские России», но если они будут переименованы, о Нижинском вряд ли вспомнят…

Зато Польша активно заявляет свои права на Нижинского: там к его столетию была выпущена памятная медаль с надписью: «Нижинский — великий польский артист», и на презентации этой медали в Париже директор Варшавской Оперы сказал, что Нижинский жил и работал в Петербурге, потому что Польша тогда была в рабстве у России. Конечно, подобные мероприятия не имеют никакого отношения ни к польской, ни к русской культуре, ни к нашему общему великому культурному наследию и уж нисколько не могут повредить дружбе нескольких творческих поколений, в частности— русских поэтов, сознательно учивших польский язык и способствовавших распространению у нас в стране польской культуры, и польских писателей и артистов, отвечавших тем же и с удовольствием гастролировавших и издававшихся в нашей стране. Хочется надеяться, что в обеих странах имя Нижинского будет не поводом к раздорам или банкетам, а спокойно и достойно займет свое место в истории культуры, не только имя, но и творчество его станет широко известно и будет не тенденциозно, а серьезно и бережно изучаться. Этому служит и данная публикация записок Нижинского, такое своего рода духовное завещание.

Галина Погожева

Жизнь

Я хорошо позавтракал, ибо съел два яйца всмятку и жареный картофель с бобами. Я люблю бобы, только они сухие. Я не люблю бобы сухие, ибо в них нет жизни. Швейцария больная, ибо она вся в горах. В Швейцарии люди сухие, ибо в них нет жизни. Я имею горничную сухую, ибо она чувствует. Она много думает, ибо ее иссушили в другом месте, где она прислуживала долго. Я не люблю Цюриха, ибо он город сухой, в нем много фабрик, а затем много людей деловых. Я не люблю людей сухих, а поэтому не люблю людей деловых.

Горничная прислуживала завтрак моей жене, двоюродной сестре (если не ошибаюсь, так называется родитель. Сестра моей жены) и Кире с сестрой Красного Креста. Она носит кресты, но не понимает их значения. Крест есть то, что носил Христос. Христос носил большой крест, а сестра носит маленький крестик на ленточке, которая прикреплена к головному убору, а убор съехал назад для того, чтобы показать волосы. Сестры креста думают, что так красивее, а поэтому оставили ту привычку, которую доктора хотели им внушить. Сестры не слушаются докторов, ибо исполняют вещи, которые не понимают. Сестра не понимает своего назначения, ибо, когда маленькая ела, она хотела ее оторвать от пищи, думая, что маленькой хочется сладкого. Я ей сказал, что «сладкое получит, когда съест то, что на тарелке». Маленькая не обиделась, ибо знает, что я ее люблю, но сестра почувствовала другое. Она думала, что я ее поправил. Она не исправляется, ибо любит есть мясо. Я много раз говорил, что мясо есть скверно. Меня не понимают. Они думают, что мясо необходимая вещь. Они хотят много мяса. После завтрака смеются. Я после еды скучен, ибо чувствую мой желудок. Они не чувствуют желудка, но чувствуют игру крови. Они возбуждаются после еды. Ребенок возбужден тоже. Его кладут в постель, думая, что он слабое существо. Ребенок силен и не нуждается в помощи. Я не могу писать, мне жена мешает. Она все думает о моих вещах. Я не забочусь. Она боится, что я не буду готов. Я готов, только мой желудок еще работает. Я не хочу танцевать с переполненным желудком, а поэтому не пойду танцевать до тех пор, пока у меня желудок будет полон. Я буду танцевать, когда все успокоится и когда у меня из кишок все вывалится. Я не боюсь насмешек, а поэтому пишу открыто. Я хочу танцевать, потому что чувствую, а не потому, что меня ждут. Яне люблю, чтобы меня ждали, а поэтому пойду одеваться. Я оденусь в костюм городской, ибо публика будет городская. Я не хочу ругаться, а поэтому буду все

исполнять, что мне прикажут. Я сейчас пойду наверх в мою одевальную комнату, ибо у меня много платьев и белья дорогого. Я пойду и оденусь в дорогие одежды так, чтобы все думали, что я богат. Я не оставлю людей меня ждать, а поэтому пойду сейчас наверх.

Я был наверху долго. Я спал немного и, проснувшись, я оделся. После одежды я пошел пешком к портнихе. Портниха исполнила свою работу хорошо. Она меня поняла. Она любит меня, ибо я ей дал подарок для своего мужа. Я хотел ей помочь, но она не любит врачей. Я ее заставил пойти к врачу. Она не хотела. Я хотел ей показать, что мне не жалко денег. Я подарил ее мужу кальсоны с фуфайкой. Она дала этот подарок. Этот подарок она взяла с любовью. Она поняла меня, ибо не отказалась. Я люблю Негри, ее так зовут. Она хорошая женщина. Она живет очень бедно, но я вошел к ней и закрыл электричество, которое она жгла без цели. Она поняла мою поправку и не обиделась. Я ей сказал, что она очень хорошо исполнила свою работу. Она получит деньги и подарок. Она не имеет теплой одежды. Я ей дам теплую фуфайку с шапкой для ее верхней одежды. Яне люблю подарков, но я люблю давать бедным то, что им не хватает. Ей холодно. Она голодает, но она не боится работы, а поэтому у нее водятся деньги. У нее есть мальчик около 6 лет и девочка около двух. Я хочу дать подарок детям, ибо они очень бедно одеты. Я ей дам мои фуфайки или что-нибудь другое для ее детей. Я люблю детей. Они меня тоже любят. Она знает, что я люблю детей. Она чувствует, что я не притворяюсь, ибо я человек. Она знает, что я артист, а поэтому она меня понимает. Она меня любит. Я ее люблю. Ее муж скрипач в Паляс отеле, где люди балуются всякими безделушками. Он беден, ибо играет ночью. Ему холодно, ибо он не имеет теплой одежды. Он любит играть на скрипке. Ему хочется учиться, но он не знает как, ибо ему некогда. Я хочу ему помочь, но боюсь, что он меня не поймет. Я могу играть на скрипке без учения. Я хочу играть, но мне мало времени осталось. Я хочу жить долго. Моя жена меня очень любит. Она боится за меня, ибо я играл сегодня очень нервно. Я играл нервно нарочно, ибо публика меня поймет лучше, если я буду нервен. Они не понимают артистов, не нервных. Надо быть нервным. Я обидел пианистку Гельбар[5]. Я ошибся в предыдущих строках, сказав, что ее зовут Бельвар. Я хочу ей хорошего. Я был нервен, ибо Бог хотел возбудить публику. Публика пришла веселиться. Она думала, что я танцую для веселья. Я танцевал вещи страшные. Они боялись меня, а поэтому думали, что я хочу их убить. Я не хотел никого убивать. Я любил всех, но меня никто не любил, а поэтому я разнервничался. Я был нервен, а поэтому

передал это чувство публике. Публика меня не любила, потому что хотела уйти. Тогда я стал играть вещи веселые. Публика стала веселиться. Она думала, что я скучный артист, но я показал, что я умею играть вещи веселые. Публика стала смеяться. Я стал смеяться. Я смеялся в танце. Публика смеялась тоже в танце. Публика поняла мои танцы, ибо хотела тоже танцевать. Я танцевал плохо, ибо падал на пол, когда мне не надо было. Публике было все равно, ибо я танцевал красиво. Она поняла мои затеи и веселилась. Я хотел еще танцевать, но Бог мне сказал: «Довольно». Я остановился. Публика разошлась. Аристократы и богатая публика меня упрашивали станцевать еще раз. Я сказал, что я устал. Меня не поняли, ибо настаивали. Я сказал, что у одной аристократки есть движения возбужденные. Она подумала, что я хочу ее обидеть. Тогда я ей сказал, что она чувствует движения. Она поблагодарила за комплимент. Я ей дал руку, и она почувствовала, что я прав. Я люблю ее, но я чувствую, что она пришла познакомиться со мною. Она любит молодых людей. Я не люблю эту жизнь, а поэтому попросил ее оставить меня, дав ей почувствовать. Она чувствовала, а поэтому не дала мне возможности продолжать говорить. Я хотел говорить с нею, но она чувствовала обратное. Я ей показал кровь на моей ноге. Она не любит крови. Я ей дал понять, что кровь есть война и что я не люблю войну. Я ей дал вопрос о жизни, показав ей танец кокотки. Она почувствовала, но не ушла, ибо знала, что я играю. Другие думали, что я буду ложиться на пол и буду любить. Я не хотел усложнять вечера, а поэтому вставал в тех моментах, когда надо было. Я чувствовал весь вечер Бога. Он меня любил. Я его любил. Мы были обвенчаны. Я сказал в карете моей жене, что сегодня день моего венчания с Богом. Она почувствовала в карете, но потеряла чувство на вечере. Я любил ее, а поэтому дал ей руку, сказав, что мне хорошо. Она почувствовала обратное. Она думала, что я ее не любил, ибо я был нервен. Звонят по телефону, но я не подойду, ибо я не люблю говорить по телефону. Я знаю, что жена хочет подойти к телефону. Я вышел и увидел жену в пижаме. Она любит спать в пижаме. Она меня любит, а поэтому дала мне почувствовать, что надо подняться в спальную. Я поднялся и лег в постель, но я взял тетрадь для того, чтобы записать все, что я сегодня пережил. Я пережил много, а поэтому хочу записать. Все, что я пережил, были одни ужасы. Я боюсь людей, ибо они меня не чувствуют, а понимают. Я боюсь людей, ибо они хотят, чтобы я жил той же жизнью, которую они ведут. Они хотят, чтобы я танцевал веселые вещи. Я не люблю веселья. Я люблю жизнь. Моя жена спит около, а я пишу. Моя жена не спит, ибо у нее открыты глаза. Я ее погладил. Она чувствует хорошо. Я

пишу плохо, цотому что мне трудно. Моя жена вздыхает, ибо чувствует меня. Я чувствую ее, а поэтому не отвечаю на ее вздохи. Она меня любит сегодня чувством. Я ей скажу один раз, что нам надо жениться по чувству, ибо я не хочу любить без чувства. Теперь я оставлю, ибо она меня боится. [Зачеркнуто: Она думает, что я с ума сошел, но я знаю ее нер.] Я не могу писать, ибо подумал

ободном человеке на вечере. Этот человек хочет учить музыку, но не может, ибо она ему наскучила. Я его понимаю очень хорошо, ибо я ему сказал, что я тоже не люблю ученья. Моя жена мешает мне, ибо чувствует. Я засмеялся нервно. Жена слушает телефон, но она думает о том, что я пишу. Я пишу скоро. Она спросила меня, что я пишу. Я закрыл тетрадь перед ней, ибо ей хочется читать, что я пишу. Она чувствует, что я пишу о ней, но не понимает. Она боится за меня, а поэтому не хочет, чтобы я писал. Я хочу писать, ибо я люблю писать. Я хочу писать сегодня долго, ибо мне хочется сказать многое. Я не могу писать скоро, но моя рука пишет скоро. Я уже лучше пишу, ибо не устаю скоро. Мое письмо ясно. Я пишу четко. Я хочу еще писать, но я хочу, чтобы моя жена спала. Он не может заснуть. Она нервна. Ей хочется спать, потому что она думает. Ей не хочется спать, потому что она не спит. Я знаю, что я произвел сильное впечатление на нее. Она поняла мои чувства. Она знает, что я умею играть, ибо согласна с тем, что я играл как Дузэ или Сара Бернар. Я ей дал задачу трудную. Ей не понять, что такое смерть. Она не думает о смерти, ибо не хочет умереть. Я думаю о смерти, ибо я не хочу умереть. Она зевает, думая, что я хочу спать. Ей не хочется спать. Она боится, что я пишу скверное о людях. Я не боюсь писать, ибо я знаю, что пишу хорошее. Жена кашляет и зевает, подчеркивая их значение, думая, что она может меня заставить лечь и заснуть. Она смотрит и думает, что я не знаю ее замыслов. Я знаю ее хорошо. Она не говорит, но страдает. Ей хочется меня заставить лечь спать, ибо она думает, что она устала. Она нервна, а нервы есть вещь скверная. Она думает, что я должен спать. Я ей ответил на зевок. Она не понимает меня. Она думает, что я устал. Яне устал. Мои мышцы устали, но я не устал. Я обещал им танцевать, т. е. аристократам, я не буду танцевать для них, ибо они думают, что могут иметь все.

Я не хочу им дать мои чувства, ибо я знаю, что они меня не поймут. Я буду играть в Париже очень скоро. Я буду танцевать один в пользу бедных артистов-французов. Я хочу, чтобы артисты меня чувствовали, а поэтому возьму их жизнь. Я буду пьян для того, чтобы их понять.

Если Бог захочет, я пойду в кабаре с ними. Им я нужен, ибо

они потеряли чувство. Им нужны деньги, а я им дам. Они меня забудут, но их чувство будет живое. Я хочу, чтобы они чувствовали, и поэтому буду танцевать в Париже […] в пользу бедных артистов. Если они хотят, я организую. Если они хотят, они организуют. Только мне надо заплатить мое пребывание в Париже. Я спрошу Астрюка[6], чтобы он созвал бедных артистов для разговора, ибо я буду им говорить. Я скажу им: — Слушайте! Я артист, вы тоже. Мы артисты, а поэтому мы любим друг друга. Слушайте, я хочу вам сказать хорошее. Хотите? — Я им задам вопрос о жизни. Если они почувствуют, я спасен. Если они не почувствуют, я бедный и жалкий человек, ибо я буду страдать от этого. Я не хочу танцевать в С.-Морице, ибо люди меня не любят. Я знаю, что они думают, что я больной. Мне жалко их, потому что они думают, что я болен. Я здоров, и мне не жалко моих сил. Я буду танцевать больше, чем всегда. Я хочу учить танец, а поэтому буду заниматься каждый день немного. Я буду писать тоже. Я не пойду больше на вечера. Мне достаточно на всю жизнь этого веселья. Я не люблю веселиться. Я понимаю, что такое веселье. Я не весел, ибо я знаю, что веселье есть смерть. Веселье есть смерть разума. Я боюсь смерти, а поэтому люблю жизнь. Я хочу пригласить людей заходить ко мне, но моя жена меня боится. Я хочу пригласить старого еврея, который родственник барону Гинцбургу. Барон Гинцбург хороший человек. Он не понимает жизни. Ему надо жениться и иметь детей, а он мучает свою жену тем, что хочет от нее веселой жизни. Я знаю, что все скажут: «Нижинский сошел с ума», — но мне все равно, ибо я уже изобразил сумасшедшего в доме. Все будут думать, но меня не посадят в сумасшедший дом, ибо я очень хорошо танцую и даю деньги всем, кто у меня спрашивает. Люди любят чудаков, а поэтому меня оставят, говоря, что я сумасшедший клоун. Я люблю сумасшедших, ибо умею говорить с ними. Когда мой брат был в сумасшедшем доме, я любил его, а он меня чувствовал. Его приятели меня любили. Мне было тогда 18 лет от роду. Я понимал жизнь сумасшедшего. Я знаю психологию сумасшедшего. Я не противоречу сумасшедшему, а поэтому сумасшедшие меня любят. Мой брат умер в сумасшедшем доме. Моя мать живет последние свои часы. Я боюсь не повидать ее. Я ее люблю, а поэтому прошу Бога дать ей долгие годы. Я знаю, что моя мать с сестрой убежали из Москвы от максималистов. Максималисты утомили их. Они с Кочетовским, мужем моей сестры, и дочкой Ирой убежали, оставив все свое хозяйство. Они люди хорошие. Я люблю сестру Броню. Коче+овский хороший человек. Ему мешает жизнь, ибо надо много думать о деньгах. Он тоже думает о живописи. Он думает писать. Ему нравится быть

писателем. Он пишет хорошо, но не знает искусства. Я знаю искусства, ибо их изучал. Моя жена мне переводила вещи, которых я не понимал. Звонят. Это Тэсса, которая пошла веселиться после моих танцев. Она меня не любит, ибо думает о веселье. Она хочет, чтобы я ее взял в свою труппу. Я не могу ее брать, ибо она не чувствует работу. Ей хочется вступить в труппу для ее удобства. Она хочет помочь своему мужу, но она не думает обо мне. Ей все равно, что я делаю. Она забавляется, когда я работаю. Она не чувствует моей любви. Я ей подарил кольцо и одежды для того, чтобы она меня почувствовала. Я притворился влюбленным, но она меня не почувствовала, ибо она пьет вино. Жена ей дает вино, ибо знает, что она пьет в секрете. Она пьяница. Пьяницы не чувствуют, ибо думают о вине. Мой печник тоже пьяница. Он пьет без устали. Он заболел. Я предчувствовал и сказал ему, что я заболел многими днями раньше. Он заболел и оставил весь дом мерзнуть в то время, когда я должен был готовить мои костюмы с Негри. Я не люблю Тэссу, потому что она пьет и веселится, но я ее люблю, потому что она чувствует искусство. Она глупа. Она не понимает жизни. Она не может заставить своего мужа не пить, а напротив, сама пьет. Она пьет мадеру, ликеры и пр. и пр. Я боюсь за нее, ибо, когда она чувствует танец, она качается. Моя жена не качается, когда чувствует танец. Она здоровая женщина, только она думает много. Я боюсь за нее, ибо думаю, что ей может помешать мысль меня понять. Я боюсь за нее, ибо она не понимает моих целей. Она чувствует много, но не знает их значений. Я боюсь ей сказать, ибо знаю, что она испугается. Я хочу на нее повлиять другим путем. Она меня слушается. Я слушаюсь ее. Она меня поймет, если другие скажут, что все, что я делаю, есть хорошо. Я нахожусь перед пропастью, в которую я могу упасть, но я не боюсь упасть, а поэтому не упаду. Бог не хочет, чтобы я падал, ибо мне помогает, когда я падаю.

Один раз я пошел гулять, и мне показалось, что на снегу кровь, тогда я побежал по следам. Мне показалось, что кто-то убил человека, но он жив, тогда я побежал по другому направлению и увидел большой след крови. Я боялся, но я шел по направлению к пропасти. Я понял, что следы не есть кровь, а ссаки. Я не знаю другого выражения, а поэтому пишу это выражение. Я могу себя заставить выучить все выражения, но мне жалко терять время. Я хочу описать мои гулянья.

Когда я шел по снегу, я увидел след лыж, которые остановились перед следом с кровью. Я боялся, что люди захоронили человека в снегу, ибо они его укокошили палками. Я испугался и побежал обратно. Я знаю людей, которые боятся. Я не

боюсь, а поэтому вернулся, тогда я почувствовал, что это Бог меня проверяет, боюсь ли я его или нет. Я сказал громко: «Нет, я не боюсь Бога, ибо он есть жизнь, а не смерть». Тогда Бог меня заставил пойти по направлению к пропасти, говоря, что там человек повис и его надо спасти. Я боялся. Я думал, что меня искушает дьявол, точно искушал Христа, когда тот был на горе, говоря: «Прыгни вниз, тогда я тебе поверю». Я испугался, но постояв несколько времени, я почувствовал силу, влекущую меня по направлению к пропасти. Я пошел к пропасти, затем я упал вниз, но меня удержали ветки дерева, которые я не заметил. Тогда я удивился и подумал, что это чудо. Бог хотел проверить меня. Я понял его, а поэтому хотел отцепиться, но он мне не позволил. Я держался долго, но после некоторого времени испугался. Бог мне сказал, что я упаду, если я отцеплю одну ветвь. Я отцепил ветвь, но не упал. Бог мне сказал: «Иди домой и скажи жене, что ты сумасшедший». Я понял, что Бог хочет мне хорошего, а поэтому пошел домой и намеревался ей объявить эту новость. На дороге я увидел снова следы крови, но я больше этому не поверил. Бог мне показал след для того, чтобы я почувствовал его. Я почувствовал его и вернулся обратно. Он мне сказал, чтобы я лег на снег. Я лег. Он мне велел лежать долго. Я лежал до тех пор, пока не почувствовал холод в руке. Моя рука начала замерзать. Я оторвал мою руку, говоря, что это не Бог, ибо у меня болит рука. Бог был доволен и велел мне вернуться, но после нескольких шагов он велел мне снова лечь в снег у дерева. Я уцепился за дерево и лег, медленно падая назад. Бог велел мне снова остаться в снегу. Я лежал долго. Я не чувствовал холода, когда Бог мне велел встать. Я встал. Он сказал, что я могу идти домой. Я пошел домой. Бог мне сказал: «Стой». Я остановился. Я попал на след крови. Он мне велел повернуть обратно. Я повернул обратно. Он сказал: «Стой». Я остановился. Я знаю, что все будут думать, что все, что я пишу, выдумано, но я должен сказать, что все, что я пишу, есть сущая правда, ибо я все это пережил на практике. Я все проделывал, что пишу. Я буду писать до тех пор, пока моя рука не одеревенеет. Я не устаю, а поэтому буду еще писать. В дом стучат. Люди спят. Я не хочу спать, ибо много чувствую. Человек снаружи сказал: «Ойга». Он продолжает кричать: «Ойга». Я не хочу разбудить мою жену, а поэтому не хочу встать с постели. Моя жена спит хорошо. Я надеюсь, что прислуга проснется и откроет дверь. Моя тетрадь неудобна, ибо скользит. Кто-то идет по лестнице. Я не боюсь. Я думаю, что это Тэсса вернулась с веселья, но это неверно, но, впрочем, не знаю. Бог знает. Я не знаю, ибо я еще человек, а не Бог. Если Бог захочет, я узнаю, ибо он меня заставит сойти с кровати. Бог дал мне понять,

что это Тэсса. Тэсса живет рядом с нашей комнатой, а рядом с комнатой Тэссы комната Киры. Кира спит крепко, а поэтому она не могла стучать. Дверь скрипела. Я почувствовал, что это Тэсса. Я знаю движения Тэссы. Она всегда нервна, а поэтому дверь заскрипела очень нервно. Она вернулась домой в 1 */4 ночи. Я посмотрел на мои золотые часы, которые ходят очень хорошо. Я не боюсь моего рассказа, только люди боятся смерти. Я буду продолжать мой рассказ о прогулке в С.-Морице.

После того как я увидел след, я повернул резко и побежал быстро назад, ибо был уверен, что кто-то убит. Я понял, что следы крови были замаскированы палкой для того, чтобы думали, что это ссаки. Я присмотрелся и понял, что это ссаки. После всего этого я повернул обратно. Все расстояние, на котором я ходил, не было больше 10 аршин, может быть, немного больше. Я бегал хорошо. Я люблю бегать. Я себя чувствую мальчиком.

Я побежал домой, будучи обрадован, что конец моим испытаниям, но Бог велел мне обратить внимание на человека, идущего мне навстречу. Бог велел мне повернуть обратно, говоря, что этот человек убил другого. Я побежал обратно. Вернувшись обратно, я почувствовал кровь и спрятался на пригорке. Я нагнулся на корточках, чтобы этот человек меня не увидел. Я притворился, что я. упал в снег и не могу встать. Я лежал долго. После некоторого времени я повернул обратно. Когда я повернул, я увидел человека, который ковыряет палкой в снегу. Этот человек ломал дерево. Я понял, что человек ищет что-то. Я прошел по дороге, которая была ниже. Этот человек меня заметил, но ничего мне не сказал, тогда я хотел ему сказать: «Здравствуй, старик». Старик был занят чем-то. Я не знал чем, но после некоторого времени Бог мне велел повернуть назад. Я повернул назад и увидел человека, роющего снег усиленно палкой. Я боялся, что его палка сломается. Я почувствовал, что это убийца. Я знал, что я неправ, но я чувствовал. Моя ошибка оправдалась. Я хотел уходить, но вдруг заметил скамейку, на которой был устроен бугорок, а в нем был воткнут кусок дерева. Дерево было елка. Елка была сломанная надвое, в бугре была дыра большая. Я посмотрел в дыру и подумал, что человек построил нарочно этот бугорок. Бугорок был маленький, а на нем был крест, а под крестом была надпись. Я понял, что это кладбище его жены. Я понял, что человек построил это кладбище, ибо он подумал о своей жене. Я испугался и побежал, думая, что моя жена заболела. Я боюсь смерти, а поэтому не хочу ее. Я повернул назад и снял дерево. Думая, что человек узнает мою наглость, я снова воткнул дерево, но я зачеркнул крест, думая, что человек не понимает смерти. Смерть есть жизнь. Человек

умирает для Бога. Бог есть движение, а поэтому смерть нужна. Тело умирает, но разум живет.

Я хочу писать, но рука умирает, ибо не хочет мне повиноваться. Я буду писать долго сегодня. Бог хочет, чтобы я писал мою жизнь. Он считает ее хорошей. Я сказал хорошей, но я думал другое. Я боюсь, что моя жизнь не хороша, но я чувствую, что жизнь у меня хорошая. Я люблю всех, но меня не любят. Я буду продолжать писать завтра, ибо Бог хочет моего отдыха.

Что человек произошел от обезьяны, не Ницше говорил, а Дарвин. Я спросил жену утром, ибо мне стало жалко Ницше. Я люблю Ницше. Он меня не поймет, ибо он думает. Дарвин человек ученый. Моя жена мне сказала, что он писал ученые вещи по-французски, называется «История натуры». Натура Дарвина была выдумана. Натура есть жизнь, а жизнь есть натура. Я люблю натуру. Я знаю, что такое натура. Я понимаю натуру, ибо я чувствую натуру. Натура чувствует меня. Натура есть Бог, я есть натура. Я не люблю выдуманную натуру. Моя натура живая. Я живой. Я знаю людей, которые не понимают натуры. Натура есть вещь великолепная. Моя натура великолепная. Я знаю, что мне скажут, что я изучаю тоже. Но я изучаю натуру по чувству. Мои чувства большие, а поэтому я знаю без учения, что такое натура. Обезьяна есть натура. Человек есть натура. Обезьяна не есть натура человека. Я не есть обезьяна в человеке. Обезьяна есть Бог в натуре, ибо чувствует движения. Я чувствую движения. У меня движения простые. У обезьяны движения сложные. Обезьяна есть глупа. Я есть глуп, но у меня есть разум. Я разумное существо, а обезьяна не разумная. Я думаю, что обезьяна произошла от дерева, а человек от Бога. Бог не есть обезьяна. Человек есть Бог. У человека есть руки, и у обезьяны тоже. Я знаю, что по органическим веществам человек походит на обезьяну, но по духовным он не походит. Они думают, что я не понимаю того, что они говорят по-венгерски. Я пишу и в одно время слушаю разговор. Мое письмо мне не мешает думать о другом. Я человек с чувством, а поэтому чувствую речь венгерскую. Я жил у матери моей жены во время войны. Я понял войну, ибо я воевал с матерью моей жены. Я хотел зайти в ресторан, но внутренняя сила меня удержала, внутренней силой я называю чувство. Я остановился, точно вкопанный, перед маленьким ресторанчиком, куда заходят рабочие люди. Я думал зайти, но боялся им помешать, ибо я не рабочий. Рабочие проделывают то же, что и богатые люди. Я хотел писать о матери моей жены, а начал писать о ресторанчике рабочих. Я люблю рабочий люд. Они больше чувствуют, чем богатые. Рабочий человек тот же, что и богатый, разница только в том, что у него денег мало. Я сегодня

видел рабочих, а поэтому хочу сказать о них. Рабочие есть так же развратные, как и аристократы. У них меньше денег. Они пьют вино дешевое. Вино дешевое одно и то же. Я любил парижских кокоток, когда был вместе с Дягилевым. Он думал, что я гулял, но он бегал к кокоткам. Я бегал по Парижу и искал дешевых кокоток, ибо боялся, чтобы не заметили мои поступки. Я знал, что у кокоток нет болезней, ибо они присматривались полицией. Я знал, что все, что я делаю, ужасно. Я знал, что если меня заметят, я пропаду. Я знаю, что Тэсса любит молодых людей, но она боится, чтобы не заметили. Она одно и то же, что и я, когда был молод. Я сегодня имею 29 лет, мне стыдно говорить мои годы, ибо все думают, что я моложе. Я хотел переменить карандаш, ибо мой карандаш маленький и выскользает из пальцев, но я заметил, что другой хуже, ибо ломается. Бог мне подсказал вслух, что лучше писать маленьким, ибо я не теряю время. Сейчас я переменю карандаш, ибо боюсь устать от письма, а я хочу писать много. Я пошел искать карандат, но не нашел его, ибо шкап был заперт, где находятся карандаши. После я переменил несколько карандашей на пробу, думая, что лучше писать большим, чем маленьким. Я знаю, карандаши ломаются, а поэтому буду писать фонтен-плюмом[7]. Вставочка, которой писал Толстой и многие деловые люди в сегодняшнее время. Я переменю привычку, ибо знаю, что все, что пишу, не надо поправлять. Завтра я буду писать чернилами, ибо чувствую, что Бог этого хочет. Я пишу теперь чернильным карандашом. Мои затеи с кокотками я хочу описать. Я был очень молод, а поэтому делал глупости. Все молодые люди делают глупости. Я потерял равновесие и пошел по улицам Парижа искать кокоток. Я их искал долго, ибо хотел, чтобы девушка была здоровая и красивая. Я искал иногда целый день и не находил, ибо мои искания были неопытны. Я любил нескольких кокоток в день. Я знал, что мои деяния ужасные. Я не любил то, что делаю, но мои привычки усложнились, и я стал бегать каждый день. Я знал ужасное место, где водятся кокотки. Это место называлось бульвар. Я гулял по бульвару и часто встречал кокоток, которые меня не чувствовали. Я прибегал ко всем хитростям, чтобы меня кокотки заметили. Они меня замечали мало, ибо я был одет просто. Я не хотел быть одет богато, ибо боялся быть замеченным. Один раз я гнался за одной кокоткой, которая повернула в сторону Лафайет [магазин]. Я вдруг заметил пристальный взгляд одного молодого человека, который был на извозчике со своей женой и двумя детьми, если не ошибаюсь. Он меня узнал. Я получил моральный удар, ибо повернул, весь покраснев, но я продолжал мою охоту за кокотками. Если моя жена все это будет читать, то она сойдет с

ума, ибо она мне верит.

Я ей наврал, что она первая женщина, которую я люблю. До моей жены я знал много других. Они были простые и красивые. Я любил один раз одну женщину, у которой были регулы. Она мне показала все, тогда я ужаснулся и сказал ей, что жалко заниматься таким делом, когда человек болен. Она мне сказала, что если она не будет заниматься таким делом, то она умрет с голоду. Я ей сказал, что я ничего не хочу, и я ей дал деньги. Она меня упрашивала, но я не соглашался, ибо у меня появилось чувство отвращения к ней. Я ее оставил одну и ушел. Комнаты я находил в маленьких отельчиках Парижа. Париж переполнен такими отельчиками. Люди таких отельчиков простые. Я знаю много таких отельчиков, которые живут наймом комнат на короткое время, для свободной любви. Я называю свободной любовью ту любовь, когда люди любят раздражать член и чрево женщины. Я не люблю раздражений, а поэтому не хочу есть мяса. Сегодня я съел мясо и почувствовал к одной уличной женщине похоть. Я не любил эту женщину, но похоть меня гнала за ней. Я хотел ее любить, но Бог меня удержал. Я боюсь похоти, ибо знаю ее значение. Похоть есть смерть жизни. Человек с похотью подобен зверю. Я не есть зверь, а поэтому повернул домой. На дороге Бог меня остановил, ибо он не хотел, чтобы я продолжал идти. Вдруг я заметил ту же девушку с мужчиной, которая не давала ему идти в ресторан, тогда мужчина ее стал уговаривать по-итальянски, чтобы она со своей подругой шла в ресторан. Я стал точно вкопанный. Меня чувство удерживало. Я стоял долго. После того, как девушка с мужчиной вошла в ресторанчик, один пожилой мужчина захлопнул дверь, сказав мне «здравствуй». Я ему ответил тем же. У меня появилась привычка говорить всем «здравствуйте» без того, что я знаком. Я понял, что все люди есть одинаковые. Я часто говорю, но меня не понимают, что у всех есть нос и глаза и т. д., а поэтому мы одинаковы. Я хочу этим сказать, что надо всех любить. Я люблю мою жену больше всех на свете. Я ей сказал сегодня за столом, когда мы ели ужин. Я не ем мяса, но сегодня Бог хотел, чтобы я его ел. Я не знаю, зачем, но ему это надо было. Я исполнил его приказания и ел мясо. Мне было тяжко на душе, а поэтому я ел скоро, проглатывая большие куски. Я не знал наверно, что означает его повеление, но я исполнял его приказания. Он так хотел, ибо я чувствовал. Люди скажут, наверное, что Нижинский притворяется сумасшедшим для его ужасных деяний. Я должен сказать, что ужасные деяния вещь ужасная, а поэтому я не люблю ее и не хочу ею заниматься. Я занимался раньше ею, ибо не понимал Бога. Я чувствовал его, но не понимал. То, что сегодня все люди делают. У всех людей

есть чувство, но они не понимают чувства. Я хочу написать эту книгу, ибо я хочу объяснить, что такое чувство. Я знаю, что многие скажут, что это есть мой взгляд на чувство, но я знаю, что это неверно, ибо этот взгляд исходит от Божеских повелений. Я есть человек, как и Христос, который исполняет Божеские повеления. Я боюсь народа, ибо думаю, что у них зверские намерения и они могут плохо понять меня и тогда сделают надо мною «линча». Я знаю, что такое Линч. Линч есть вещь ужасная. Линч есть зверский поступок. Линч есть зверь. Линч не есть Бог. Я есть Бог. Бог есть во мне. Я делал ошибки, но я их исправил моей жизнью. Я страдал больше всех на свете. Я люблю Френкеля. Он доктор хороший. Он начинает меня чувствовать. Он меня начинает понимать. Его жена умная. Она чувствует меня и поэтому передает свое чувство ему. Он ее любит, а поэтому исполняет все, что она хочет. Он меня пригласил пойти в ресторан посмотреть танцора Вильсона, но я ему отказал, сказав, что я не могу его видеть, ибо мне его жалко. Жена согласилась, и он тоже. Я их пригласил поехать с нами на прогулку в коляске в Малою, много верст от С.-Морица. Прогулка красивая, если погода хорошая. Я люблю природу русскую, ибо я воспитался в России. Я люблю Россию. Жена боится России. Мне все равно, где жить. Я живу там, где Бог хочет. Я буду путешествовать всю жизнь, если того Бог захочет. Я нарисовал Христа без усов и бороды с длинными волосами. Я похожу на него, только у него взгляд спокойный, а у меня взгляд бегает. Я человек бегающий, а не сидящий. У меня другие привычки, чем у Христа. Он любил сидеть. Я люблю танцевать. Я был вчера у девочки Киры, которая задыхалась от бронхита. Я не знаю, почему Кире дали машину для вдыхания паров с лекарствами. Я против всех лекарств. Я не хочу, чтобы люди употребляли лекарства. Лекарства есть вещь выдуманная. Я знаю людей, которые принимают лекарства из привычки. Люди думают, что лекарства есть вещь нужная. Я нахожу, что лекарства есть вещь необходимая только для помощи, но в них нет смысла, ибо они не могут дать здоровья. Толстой не любил лекарств. Я люблю лекарства, ибо рни вещь нужная. Я сказал, что лекарства не нужны, ибо в них нет смысла. Я сказал правду, ибо это так. Если вы мне не верите, не надо. Я верю Богу, а поэтому пишу все, что он мне говорит. Мне жена сегодня сказала, что все, что я делал на вчерашнем вечере, похоже на спиритизм, ибо я останавливался, когда не надо было. На это я ей сказал, что я не качался, как это бывает в спиритических сеансах. Люди в спиритическом трансе похожи на пьяных людей, а я не был пьян, ибо я чувствовал все, что делал. Я не пьяница, но я знаю, что такое пьяница, ибо я попробовал вина

и был пьян. Я не хочу, чтобы люди пили вино и занимались спиритическими сеансами, ибо это вредно для здоровья. Я человек здоровый, но худ, потому что не ем много. Я ем, что мне Бог повелит.

Я буду говорить о Ницше и Дарвине, ибо они думали. Дарвин, то же что и Ницше, произошли от обезьяны. Они подражают тем, которые уже выдумали. Они думают, что открыли Америку. Я называю открытием Америки, когда человек говорит то, что уже было сделано. Дарвин не первый выдумал обезьяну. Обезьяна произошла от обезьяны, а обезьяна от Бога. Бог произошел от Бога, а Бог от Бога. Я чувствую хорошо, ибо понимаю все, что пишу. Я есть человек от Бога, а не от обезьяны. Я обезьяна, если я не чувствую, я Бог, если я чувствую. Я знаю, что многие будут восхищаться моим разумом и я стану радоваться, ибо моя цель будет оправдана. Я буду танцевать для того, чтобы заработать денег. Я хочу дать моей жене дом с хозяйством. Она хочет иметь ребенка, мальчика, от меня, ибо боится, что я умру скоро. Она думает, что я сумасшедший, ибо думает очень много. Я думаю мало и поэтому все понимаю, что чувствую. Я чувство во плоти, а не ум во плоти. Я плоть. Я чувство. Я Бог во плоти и чувстве. Я есть человек, а не Бог. Я прост. Меня не надо думать. Меня надо чувствовать, а через чувство понимать. Ученые задумаются над многим и сломают свои головы, ибо думание не даст им никаких результатов. Они глупы. Они звери. Они мясо. Они смерть. Я говорю просто, но безо всяких ужимок. Я не обезьяна. Я человек. Мир произошел от Бога. Человек от Бога. Людям невозможно понять Бога. Бог понимает Бога. Человек есть Бог, а поэтому понимает Бога. Я Бог. Я человек. Я хороший, а не зверь. Я животное с разумом. У меня есть плоть. Я плоть. Я не происхожу от плоти. Плоть происходит от Бога. Я Бог. Я Бог. Я Бог…

Я счастливый, ибо я любовь. Я люблю Бога, а поэтому улыбаюсь сам себе. Люди думают, что я сойду с ума, ибо думают, что я свихну голову. Свихнул себе голову Ницше, ибо он думал. Я не думаю, а поэтому не свихну голову. У меня голова крепкая, и в голове тоже крепко. Я стою на голове в балете «Шехеразада», где мне пришлось изобразить подбитого зверя. Я изобразил зверя хорошо, а поэтому меня публика поняла. Теперь я изображу чувство, и публика меня поймет. Я знаю публику, ибо я ее изучил хорошо. Публика любит удивляться, она знает мало, а поэтому удивляется. Я знаю, что надо для того, чтобы удивлять публику, а поэтому уверен в успехе. Хотите поспорить со мною, что у меня будут миллионы? Я хочу иметь миллионы для того, чтобы биржа затрещала. Я хочу разорить биржу. Биржа есть бордель. Я не есть

бордель. Я есть жизнь, а жизнь есть любовь к людям. Биржа есть смерть. Биржа грабит бедных людей, которые приносят свои последние деньги, для умножения в надежде дать возможность осуществить свои задачи жизни. Я люблю бедных, а поэтому буду играть на бирже для того, чтобы разбить биржевиков. Биржевики есть все люди, которые играют на бирже огромными суммами. Огромные суммы есть смерть, а поэтому сумма не есть Бог. Я хочу выиграть деньги на бирже, а поэтому поеду на днях в Цюрих. Моя жена меня зовет поехать в Цюрих к врачу нервов для исследования моей нервной системы. Я ей обещал 100 ООО франков, если она будет права, что у меня нервы не в порядке. Я ей дам, если доктор заметит, что я болен нервами. Я не дам ей этих денег, если она проиграет. Я не имею этих денег, но я ей обещался. Бог хочет, чтобы я играл на бирже. Я буду играть, но для того надо остаться несколько недель в Цюрихе. Я поеду в Цюрих на днях. Я не имею денег, но я надеюсь, что жена мне их даст. Я поеду с женою. Она меня возьмет на свои деньги. У меня есть в банке немного денег, около 200 франков. Я пойду на биржу и буду играть на них. Я хочу проиграть последние мои деньги для того, чтобы Бог мне дал другие. Я уверен, что Бог мне даст выиграть, а поэтому пойду играть на бирже. Я не боюсь биржи, ибо знаю, что Бог хочет, чтобы я выиграл. Он хочет, чтобы я разбил биржу. Я буду иметь деньги от биржи, а не от моих танцев. Я поеду скоро в Цюрих и пойду утром на биржу. На бирже я посмотрю бумаги, а после этого я их куплю, я их куплю на все мои деньги. Я не умею читать по-немецки, но я пойму то. что мне надо.

Я был пьян сегодня утром перед завтраком, ибо я пошел к Хандзельманну. Я потерял сознание, ибо Бог того хотел. Я не хотел быть глупым, ибо считаю это смертью. Я не могу заставить мою жену есть овощи вместо мяса. Она ест мясо, ибо любит мясо. Она почувствовала удар моего кулака об орех. Я ударил неожиданно с силой великана. Я очень силен. У меня кулак крепкий. Она меня испугалась и сказала, что я ударил Нарочно. Она почувствовала верно, ибо я ударил нарочно. Она чувствует меня больше. Я сегодня притворился больным от вина, выпитого у Хандзельманна. Я пил одну рюмку, после съеденных пирогов. Я почувствовал головокружение гораздо позже. Я вышел с Тэссой на улицу и, пройдя несколько шагов, я почувствовал слабость в голенях. У меня колени подкашивались. Я почти падал, а Тэсса была довольна мною. Она любит пьяных, а поэтому она пьяница. Я знаю ее привычки. Она любит мужчину. Она пьянствует сообща. Она скверная женщина, ибо у нее много привычек. Я скверен, ибо я делаю сообща. Бог хотел, чтобы я понял Тэссу. Она вчера пошла

гулять со мною, для того, чтобы я ей дал сапоги. Я ей купил сапоги сегодня, ибо у нее их нет. У меня есть сапоги, а поэтому я в них не нуждаюсь. Я ей дал мои сапоги, ибо они ей впору. Мои ноги немного больше Тэссы, но она их надевает неловко, ибо не понимает, что делает. Она чувствует вино, мясо и пр. и пр. Она меня не чувствует. когда я ей говорю за столом. Она чувствует мясо и пр. и пр. Я говорю жене: «Нехорошо есть мясо» под всякими предлогами. Жена меня понимает, но не хочет есть только овощи, думая, что это мои выдумки. Я хотел ей хорошего и просил ее не есть колбасу вечером, ибо знаю ее действие. Она мне говорит, что то, что тебе хорошо, то мне не хорошо. Она меня не поняла, когда я говорил, что каждый должен делать то, что чувствует. Она думает, а поэтому у нее нет чувств. Я не боюсь, если она меня бросит, ибо я не женюсь снова. Я ее очень люблю, а поэтому попрошу прощения, если этого Бог захочет. Бог не хочет, чтобы я просил прощения, ибо не хочет, чтобы жена ела мясо. Она ест скоро, ибо чувствует, что это нехорошо.

Я жене дал все деньги, а она их не бережет. Я ей часто говорил, что если мы не будем есть мясо, то у нас будет хорошая экономия. Она меня слушает, но после не делает того, что я ее просил. Я проверял. Она меня любит, а поэтому боится за мое здоровье. Я ей сказал, что если она не любит все, что я делаю, то мы можем развестись. Я ей найду хорошего мужа и богатого. Я сказал, что я не могу так жить, ибо у меня терпение велико. Я разнервничался по повелению Бога и ударил кулаком по ореху. Моя жена испугалась и разнервничалась. Я, увидев нервы моей жены, ушел писать.

Тэсса меня чувствует только потому, что я ей даю много подарков. Она любит подарки. Тэсса, кроме того, чувствует музыку и танец, а поэтому понимает все, что я делаю. Ромола не чувствует мои затеи, но она их понимает, ибо знает, что все, что я затеял, удавалось в смысле денег и предприятий. Ромола есть название моей жены. Она называется итальянским именем, ибо ее отец Карл Пульский, человек большого ума и который любил Италию прошлых столетий. Я не люблю прошлых столетий, ибо я живой. Я не могу писать этими чернилами, ибо я их не чувствую. Я люблю карандаш, Ибо я привык к карандашу. Я не знаю, зачем я взял вставочку, ибо я могу хорошо писать карандашом. Я не пишу красиво, ибо я не понимаю фонтен-плюма. Я люблю фонтен-плюм, ибо он очень удобен. Его можно носить в кармане с чернилами. Эта выдумка очень хитрая, ибо многие хотят иметь эту вставочку. Я не люблю фонтен-плюма, ибо он неудобен. Я буду писать им, ибо я получил в подарок от моей жены на рождество Христово. Рождеством Христовым называется та

привычка, которая имеется на всем земном шаре, где встречаются люди-христиане. Я не люблю христианства, а поэтому я не есть христианин. Католичество и православие есть христианство. Я есть Бог, а не христианин. Я не люблю христиан. Я есть Бог, а не христианин. Я норил сегодня крестик, который был подарен моей маленькой Кире бабушкой Эммой. Эммой называют Эмилию Маркуш, мать жены. Она меня любит, и Киру тоже, а поэтому думает, что надо дарить все эти глупости. Она думает, что любовь в подарках. Я считаю, что подарок не есть любовь. Подарок есть привычка. Подарок надо давать бедным людям, а не тем, у которых много. Кира имеет достаточно, а поэтому ей не надо подарков. Я даю Кире достаточно, ибо зарабатываю танцами. Эмилия дает в банк на имя Киры деньги, в то время когда Тэсса, ее дочь, не имеет сапог. Эмилия не понимает деньги, а поэтому их бросает. Она знает, что я ее понимаю, и поэтому меня любит. Она думает, что для того, чтобы я ее любил, надо, чтобы она давала подарки моей Кире. Я предпочел бы, чтобы она эти подарки дарила людям неимущим. Эмилия хорошая женщина, она любит бедных и дает им много. Я считаю, что недостаточно давать многое, а надо постоянно помогать бедным. Бедных надо искать, а не давать деньги обществам. Я буду танцевать для общества только потому, что это дает мне возможность рекламировать мою персону. Я хочу быть персоной для моих задач. Мои задачи есть задачи Бога, а поэтому я буду все делать для осуществления их. Я пишу, потому что мне Бог велит. Я не хочу зарабатывать письмом этой книги, ибо у нас денег достаточно. Я не хочу разбогатеть. Бог хочет, чтобы я разбогател, ибо знает мои намерения. Я не люблю деньги. Я люблю людей. Люди меня поймут после того, когда я им буду давать на существование. Люди бедные не могут зарабатывать. Люди богатые должны им помогать. Я не помогаю, если я отдам все свои деньги обществу для бедных. Общество для бедных богатеет и не умеет организовывать. Общества бедных надевают форму для того, чтобы бедные их пугались. Бедный человек не ищет общества, ибо он стыдится, чтобы не подумали о нем плохо. Бедные любят подарки случайные. Я дарю случайно безо всяких прибауток. Я не говорю о Христе, когда я даю подарок. Я убегаю от бедного, когда он хочет меня благодарить. Яне люблю благодарностей. Я не даю для благодарностей. Я даю, ибо я люблю Бога. Я есть подарок. Я есть Бог в подарке. Я люблю Бога, а Бог хочет, чтобы я давал подарки, потому что я знаю, как их надо давать. Я не буду ходить, как Христос, по квартирам. Я буду знакомиться со всеми, и меня будут приглашать. После я буду изучать семейства и буду им помогать всяческими способами.

Способом я называю всякого рода помощь. Деньги есть средство для помощи, а не помощь. Я не буду давать денег, ибо бедный человек не умеет их употреблять. Тэсса есть бедный человек. У нее нет одежды и нет разума. Я прибегаю ко всем хитростям для ее помощи. У нее муж пьяница, а поэтому она тоже пьяница. Я не люблю пьяниц, а поэтому прибегаю ко всяким хитростям, чтобы ее убедить. Она меня поняла, но она не хочет изменить свою жизнь. Те люди, которые не хотят изменить своей жизни, не есть люди. Они происходят от обезьяны Дарвина. Я не происхожу от обезьяны Дарвина, а поэтому у меня нет привычек. Я происхожу от Бога. Моя жена лучше, только Тэсса ей мешает развиваться. Она ей говорит по-венгерски вещи глупые. Я понимаю по-венгерски. Венгерская речь простая, а поэтому очень легко понимать, если человек чувствует. Понимать не значит знать все слова. Слова не есть речь. Я понимаю речь на всех языках. Я знаю мало слов, но у меня слух очень развит. Я люблю развивать слух, ибо мне надо понимать все, что говорят. Я люблю грязных евреев, у которых вши на теле. Я знаю, что если они меня будут слушать, они согласятся, что я прав. Они меня послушают и поймут. Вши не есть нужное животное, а поэтому вшей можно убивать. Я еврей по происхождению, ибо я Христос. Христос есть еврей. Христа не поняли евреи. Еврей не Христос, ибо он еврей. Еврей Будда. Будды есть люди глупые, ибо они любят вшей. Я вшей(убиваю. Я убиваю зверей. Я есть хищник, который убивает все, что вредно для существования. Я не называю убийством, когда я не даю пищу вшам. Вши есть там, где грязь. Грязь есть вещь нужная, но не на теле. Тело должно быть чисто, ибо эпидемия убивает человека. Человек есть более нужное существо, чем вша. Вша есть вещь глупая, человек есть существо разумное. Буддийцы не понимали Бога, ибо говорили, что нельзя убивать тварь. Тварь есть вещь, а не Бог. Бог не есть тварь в вещах. Я есть тварь, но. не вещь. Я люблю пейсы, но не со вшами. Вши любят пейсы, ибо пейсы есть гнезда вшей. Вши ненавидят людей со стриженными волосами. Евреи не любят стриженых волос. Я люблю еврея со стриженными волосами и с пейсами без вшей. Я ненавижу грязь, которая размножает вшей. Еврей, царапающий себе голову, подобен обезьяне Дарвина. Дарвин был обезьяной, но не имел вшей.

Я люблю Дарвина за его чистоту. Он писал опрятно. Я люблю писать опрятно, но у меня вставочка скверная. Я получил подарок, а поэтому люблю эту вставочку. Я буду писать этой вставочкой до тех пор, как Бог захочет. Я чувствую усталость руки. На пере написано «Идеал», а моя вставочка не есть идеал. Я люблю идеалы, но о которых не говорят. Я есть идеал. Моя вставочка не есть идеал. Идеалом называется вещь совершенная.

Я нашел способ для идеальной вставочки, а поэтому заработаю много денег, только я спрошу патент, ибо я хочу иметь много денег. Я знаю ошибку пера, и когда поеду а Америку, возьму патент, ибо я хочу иметь много денег. Я эти деньги дам для бедных. Бедных я буду искать с помощью всяких хитростей. Я буду притворяться умирающим, больным и пр. и пр. для того, чтобы я мог войти в хижину бедного. Я чувствую бедных, точно собака, нюхая дичь. Я есть добрая собака, которая ищет бедных по нюху. Я нюхаю очень хорошо. Я найду бедных без их объявлений. Мне не надо объявлений. Я пойду на нюх. Я не обманусь. Я не дам денег бедному, я ему дам жизнь. Жизнь не есть бедность. Бедность не есть жизнь. Я хочу жизни. Я хочу любви. Я чувствую, что моя жена меня боится, ибо она сделала движения выдуманные, когда я ее попросил мне дать чернила. Она почувствовала холод, и я тоже. Я боюсь холода, ибо холод есть смерть. Я'буду писать скоро, ибо мне не достаточно времени. Я бы очень хотел, чтобы Костровский[8] мне помогал, ибо он меня понимает. Я бы говорил, а он бы писал, и таким образом я мог бы еще чем-нибудь заниматься. Я могу писать и думать о другом. Я пишу одно, а думаю другое. Я есть Бог в человеке. Я то, что Христос чувствовал. Я есть Будда. Я есть Бог буддийский и всяческий. Я знаю всех. Я знаком со всем. Я притворяюсь сумасшедшим для моих целей. Я знаю, что если все будут думать, что я сумасшедший без вреда, то меня не будут бояться. Я не люблю людей, думающих, что я сумасшедший, который вреден людям. Я есть сумасшедший, который любит людей. Мое сумасшествие есть любовь к людям. Я сказал моей жене, что я выдумал перо, которое даст мне много денег, а она не верит, ибо думает, что я не понимаю того, что делаю. Я ей показал перо и карандаш для объяснения пера, которое я сейчас выдумал. Я пошлю Стайнхарту, моему адвокату и другу, мою выдумку и попрошу, чтобы он мне сделал перо фонтен-плюма простым и прислал мне патент. Стайнхарт человек ума, а поэтому поймет силу моей выдумки и пришлет мне патент, но я хочу ему дать урок, а поэтому попрошу, чтобы он дал это перо на исследование, ибо я не знаю, как надо его сделать. Я его попрошу мне прислать деньги из продажи патента. Я хочу продать патент на 5 миллионов долларов. Если согласятся, я этот патент продам, если не согласятся, я его разорву. Я попрошу Стайнхарта напечатать в одном из журналов, большими буквами, о моей выдумке, сказав, что патент у Нижинского. Это перо будет называться Бог. Я хочу называться Богом, а не Нижинским, а поэтому попрошу назвать это перо Бог. Я хочу иметь много денег, а поэтому буду прибегать ко всем уловкам для их добывания. Я поеду скоро в Париж и там

найду бедного человека, с которым я сговорюсь. Он мне зарисует мою выдумку, а я ему заплачу. Он будет мой инженер. Я буду строить мост, а он будет его зарисовывать. Я построю мост между Европой и Америкой, который не будет дорого стоить. Я уже знаю способ этого моста, ибо Бог мне говорит. Я знаю способ постройки его, а поэтому по приезде в Париж займусь осуществлением этого моста. Мост будет вещь великолепная. Я знаю великолепные вещи.

Я буду их давать, если люди будут меня просить. Я не богат и не хочу богатства. Я хочу любви, а поэтому хочу сбросить всю денежную грязь. Вши денежные разбегутся без их смерти… Я им дам жизнь. Они не умрут с голоду. Я есть голод. Я есть тот человек, который не умирает с голоду, ибо я знаю, что надо для того, чтобы не умереть с голоду. Я знаю, что надо мало есть, тогда организм привыкнет к пище, которая ему дает жизнь. Человек будет другой, и у него привычки будут другие. Он испорчен, а поэтому не может понять вещи простые. Я не вундеркинд, которого надо сажать напоказ. Я человек разумный. Миллионы лет прошли от существования людей. Люди думают, что Бог там, где техника велика. Бог был там, где люди не имели индустрии. Индустрией называется все, что придумано. Я придумываю тоже, а поэтому я есть индустрия. Люди думают, что раньше не было индустрии, а были индюки, а поэтому историки думают, что они Боги, у которых перья из стали. Сталь есть вещь нужная, но перья из стали вещь ужасная. Индюк со стальными перьями ужасен. Аэроплан вещь ужасная. Я был на аэроплане и плакал на нем. Я не знаю, зачем я плакал, но мне чувство дало понять, что аэропланы уничтожат птиц. Все птицы разбиваются от вида аэроплана. Аэроплан вещь хорошая, а поэтому ею не надо злоупотреблять. Аэроплан есть вещь от Бога, а поэтому я ее люблю. Аэроплан не надо употреблять как вещь воинственную. Аэроплан есть любовь. Я люблю аэроплан, а поэтому буду летать там, где нет птиц. Я люблю птиц. Я не хочу их пугать. Один летатель известный летал в Швейцарии и налетел на орла. Орел птица большая. Орел не любит птиц. Орел есть вещь хищная, но орла не надо убивать, ибо Бог ему дал жизнь. Я снова пишу Бог с большой буквы, ибо Бог хочет, но я изменю, ибо проще писать с маленькой. Я не люблю письма без твердых и мягких знаков, потому что они усложняют письмо и чтение. Я люблю буквы і, Ъ потому что они выделяют слова. Слово должно быть вьщелено, а поэтому прошу переводчика исправлять мои слова. Я неученый, а поэтому не знаю писать букву Я умею писать мягкий и твердый знаки. Я люблю поправки других, а поэтому прошу меня всегда и во всем поправлять. Я есть человек с ошибками. Я люблю ученых,

но я не люблю их учений, ибо от них теряется чувство. Я не повторяюсь, когда я пишу о вещах, интересующих весь мир. Я знаю мир, а поэтому хочу Міра всем. Я написал мир с буквой і для выделения, но я не уверен в этой букве, а поэтому прошу меня исправить. Я буду исправлять все, когда все, что я теперь пишу, будет напечатано с ошибками. Я хочу иметь ошибки, а поэтому их ставлю нарочно. Я учился правописанию в двух школах Петербурга, где, мне дали достаточное учение. Я не нуждался в университете, ибо мне не надо было знать столько. Я не люблю университетов, потому что они занимаются политикой. Политика есть смерть. Политика внутренняя и внешняя. Все, что выдумано для правительства, есть политика. Люди заблудились и не могут друг друга понять, а поэтому разделились на партии. Я забыл про аэроплан, который налетел на орла. Орел птица Божья, и его не надо убивать, а поэтому не надо убивать царей, императоров, королей и подобных им птиц. Я есть птица не хищная, а поэтому не буду убивать хищную птицу. Я знаю, что мне скажут, что хищная птица вредное существо, тогда я им скажу одно и то же, что сказал про вшей, находящихся в пейсах. Я люблю царей и аристократов, но их деяния не хорошие. Я им дам пример, а не то, что буду их уничтожать. Я дам им лекарство от пьянства. Я им помогу всячески, ибо я есть бог, но я прошу всех мне в этом помочь, ибо я не могу один исполнить всего, что Бог хочет. Я хочу, чтобы все мне помогали, а поэтому прошу обращаться ко мне за помощью. Я есть бог и мой адрес в боге. Я не живу на Мойке за №…, а живу в людях. Я не хочу писем, я хочу работать над чувством. Спиритизм не есть чувство. Спиритизм есть наука выдуманная. Я есть чувство простое, которое всякий имеет. Я не хочу людей с плохим чувством. Я буду чувствовать, а Ты будешь писать. Я пишу, потому что Ты пишешь. Я остановлюсь, когда Ты остановишься, Война не остановилась, потому что люди думают. Я знаю, как можно остановить войну. Вильсон хочет остановить войну, но люди его не понимают. Вильсон не есть танцор. Вильсон есть бог в политике. Я есть Вильсон. Я есть политика разумная. Вильсон хочет разумной политики, а поэтому он не любит войны. Он не хотел войны, но англичане его заставили. Он хотел уйти от войны. Он не продажный. Я хочу говорить, но бог не позволяет. Я хотел назвать одно политическое имя, но бог не позволяет, ибо он не хочет мне зла. Ллойд-Жордж человек простой, но у него ум великий. Его ум уничтожил чувство, а поэтому у него нет разума в политике. Если бы он слушал Вильсона, он бы мог остановить войну. Ллойд-Жордж человек ужасный. Дягилев человек ужасный. Я не люблю людей ужасных. Я не буду им вредить. Я не хочу, чтобы их

убивали. Они орлы. Они мешают жить маленьким птицам, а поэтому их надо оберегаться. Я не хочу их смерти. Я их люблю, ибо бог им дал жизнь и он имеет право на их существование. Не я должен быть их судьей, а бог. Я есть бог, и я им буду говорить правду. Говоря правду, я уничтожу все зло, которое они сделали. Я им буду мешать творить зло. Я знаю, что Ллойд-Жордж не любит людей, которые ему мешают, и прибегает к их убийствам, а поэтому прошу всех меня оберегать, ибо он меня убьет. Дягилев тоже. Дягилев меньше Ллойд-Жорджа, но он тоже орел. Орел не должен мешать маленьким птицам, а поэтому ему надо дать есть то, что им дает возможность уничтожить хищные намерения. Ллойд-Жордж питается политикой для англичан империалистических идей. Дягилев человек злой и любит мальчиков. Им надо мешать исполнять эти намерения всяческими путями. Не надо их запирать в тюрьмы. Они не должны страдать. Христос страдал, но ему не надо было страдать. Христос не есть антихрист, как это говорит Мережковский. Достоевский писал о палочке с двумя концами. Толстой говорил о дереве, которое имеет корни и ветви. Корень не есть ветвь, а ветвь не есть корень. Я люблю корень, ибо он нужен. Я люблю антихриста, ибо он есть обратная сторона Христа. Христос есть Бог, антихрист не есть Бог. Я люблю антихриста, потому что он не Бог. Он есть отбросок пережитого. Отбросок пережитого есть музеи и история. Я не люблю историю и музеи, ибо они пахнут кладбищем. Дягилев есть кладбище, а поэтому есть палка с обратной стороны. Достоевский не есть палка. Достоевский есть великий писатель, который писал свою жизнь в виде различных изображенных лиц. Толстой сказал, что Достоевский есть с запятой. Я говорю, что Достоевский есть Бог. Достоевский говорил о Боге по-своему. Он любил Бога и понимал его. Он ошибся, когда послал Николая в церковь. Николай или другое имя в «Братьях Карамазовых», я не знаю, но тот, кто пошел в церковь, не есть запятая. Он пошел в церковь, потому что там ищут Бога, а Бог не в церкви. Бог в церкви и везде, где его ищут, а поэтому я пойду в церковь. Я не люблю церковь, потому что в церкви *не говорят о боге, а говорят о науке. Наука не есть бог. Бог есть разум, а наука есть антихрист. Христос не есть наука. Церковь не есть Христос. Папа есть наука, а не Христос, а поэтому люди, целующие его туфли, подобны вшам, которые водятся в пейсах. Я говорю нарочно сильно для того, чтобы меня лучше поняли, но не для того, чтобы обижать людей. Люди будут обижаться, ибо будут думать, а не чувствовать. Я знаю, что весь мир заражен этой болезнью гниения, которая не дает возможности жить дереву. Дерево Толстого есть жизнь, а поэтому его надо читать. Я знаю его

Каренину, но немного забыл. «Войну и мир» я читал до половины. «Война и мир» его произведение, а поэтому надо читать, но нет его последних произведений. Толстой великий человек и писатель. Толстой стыдился писательства, ибо думал, что он есть только человек. Человек есть писатель. Писатель есть журналист. Я люблю журналистов, которые любят людей. Журналисты, пишущие глупости, есть деньги. Деньги есть журналисты. Я есть журнал без денег. Я люблю журнал. Журнал есть жизнь. Я есть журнал в жизни. Человек, журнал, жизнь, писатель, Толстой, Достоевский. Мережковский и Философов есть Дягилевы. Они были в журнале «Мир искусства». Они писали вещи глупые, ибо изучали. Мережковский пишет красиво. Философов пишет умно. Я знаю журнальную полемику между Философовым и другим журналом, который называется «Новое время». «Новое время» была свеча, а «Речь» бензин. Ни свеча ни бензин не есть Бог, ибо свеча есть наука о церкви, а бензин есть наука о безбожии. Философов не понимал Мережковского. Мережковский искал Бога и не нашел. Философов был обезьяной Дарвина. Я хотел массировать мою руку, ибо она устала писать, но почувствовал, что массирование есть Философов, и оставил мою руку в покое. Массирование есть ум. Я не люблю массирование. Доктор Бернар не массировал мою ногу, но он велел мне прийти еще раз для показа моей ноги, которую я немного поцарапал. Мое царапание не ужасно, а поэтому не надо было ходить к доктору. Я люблю доктора Бернара, а поэтому зашел к нему. Он, я думал, обидится на меня, если я не буду ходить к нему, думая, что я его считаю скверным доктором. Он заметил, что я его люблю как хирурга, а не доктора медицины. Доктор медицины есть доктор Френкель, а поэтому я ему даю заработать деньги тоже. Доктор Френкель и доктор Бернар люди богатые. Я знаю очень хорошего доктора, который называется..-, я забыл его название. Доктор Бог есть тот доктор, которого я забыл. Я забыл, ибо я думал о докторе, который лечил мою маленькую Киру. Я его позвал, ибо думал, что он беден. Этот доктор не беден, но он завистлив, ибо говорит о докторе Бернаре скверные вещи. Я знаю доктора Бернара. Он человек богатый, и я надеюсь, что он не спросит у меня деньги за визит. Я ему покажу мою ногу и в ожидании буду играть вещи грустные, ибо он оперирует людей. Бог не хочет операций. Бог не любит науки. Бог не любит философию Дарвина и Ницше. Бог уничтожает болезни без помощи лекарств. Лекарства не помогают. Лекарства есть деньги. Деньги не помогают жизни, а усложняют. Если Вильсон захочет, он сумеет уничтожить деньги. Если он не хочет, то не может понять Бога. Я понимаю его, а поэтому помогу Вильсону в его задачах. Я знаю способ, как

уничтожить деньги. В прошлой[9] книге я буду описывать способы [зачеркнуто: уничтожений]. Я буду описывать способы уничтожения их. «Я прислал комара на твою тетрадь для твоей ошибки». Я хочу, чтобы печатали мои ошибки. Я бы предпочел фотографию моего письма вместо печати, ибо печать уничтожает письмо. Письмо есть вещь красивая, а поэтому ее надо запечатлевать. Я хочу, чтобы мое письмо сфотографировали для объяснения моей руки, ибо моя рука Божья. Я хочу писать по-Божески, а поэтому не буду поправлять моего письма. Я не поправляю мое письмо. Я пишу нарочно плохо. Я могу писать очень красиво, я знаю письмо, ибо я его чувствую. Я не пишу красиво, ибо я не хочу быть совершенным. Я есть народ, а не аристократ с деньгами. Я люблю деньги.

Я люблю аристократов, но я хочу любви к людям. Я люблю кухарку и я люблю мою жену. Жена меня не любит и кухарку тоже. Я понимаю жену. Я знаю ее привычки. Она любит любезничания. Я не умею любезничать, потому что не хочу. Моя любовь простая. Я пишу не задумываясь. Я поцарапал под носом, думая, что мне щекотно, но я понял, что Бог это сделал нарочно, для того, чтобы я поправил мою тетрадь. Бог все это пишет для моего и людского [].

Бог не хочет говорить вещи заранее, а поэтому остановился. Он не хочет говорить вещи вперед. Я знаю, что я не Бог, а поэтому мне все равно, что моя рука пишет. Моя рука деревенеет. Бог мне показал, как может отдохнуть рука, и поэтому я знаю, как лечить. Я оставлю письмо и смогу снова писать.

Я встал очень поздно, в 9 часов утра, и первое, что сделал, пошел писать. Я пишу хорошо, ибо моя рука не устала. Я буду писать хорошо для того, чтобы все видели, что я умею писать. Я люблю письмо красивое, ибо в нем есть чувство. Я люблю письмо, но не люблю письма без чувства. Я знаю, что если я покажу мое письмо человеку, умеющему читать будущее, он скажет, что этот человек необыкновенный, ибо его письмо прыгает. Я знаю, что письмо прыгающее означает доброту, а поэтому буду различать добрых по письму. Я не боюсь добрых, и злые не могут сделать зла добрым, ибо я знаю способы. Дягилев человек злой, но я знаю способ беречься от его злой полемики. Он думает, что весь ум в жене, а поэтому боится жены. Меня он не боится, ибо я играл человека нервного. Он не любит людей нервных, а сам нервный. Дягилев нервен, ибо он занимается нервом. Дягилев возбуждает нерв Мясина[10], а Мясин возбуждает нерв Дягилева. Мясин очень хороший человек, только скучен. У Мясина цель простая. Он хочет разбогатеть и выучиться всему, что Дягилев знает. Мясин ничего не знает. Дягилев ничего не знает. Дягилев думает, что он

Бог искусства. Я думаю, что я есть Бог. Я хочу Дягилева вызвать на поединок, так, чтобы весь свет видел. Я хочу доказать, что все дягилевское искусство есть сущая глупость. Если мне будут помогать, я помогу людям понять Дягилева. Я работал с Дягилевым 5 лет без отдыха. Я знаю все его хитрости и привычки. Я был Дягилевым. Я знаю Дягилева лучше его самого. Я знаю его слабые стороны и сильные. Я не боюсь его. Мадам Эдвардс[11] его боится, ибо она думает, что он Бог искусства. Серт[12] ее муж без бумаги. Он муж, ибо он живет с нею. Серт не женится на ней, ибо думает, что это не по-светски женить женщину, уже жившую с Эдвардсом. Мадам Эдвардс чувствует деньги. Серт человек богатый, ибо его родители ему оставили наследство. Серт глупый художник, ибо не понимает того, что делает. Серт думает, что я глуп, Серт думает, что я оставил Дягилева из глупости. Серт думает, что я глуп, а я думаю, что он глуп. Я ему дам первый пощечину, ибо я чувствую любовь к нему. Серт меня застрелит, если я ему дам пощечину. Серт испанской крови. Испанцы любят кровь быка, а поэтому любят убийства. Испанцы люди ужасные, ибо занимаются убийством быка. Церковь во главе с Папой не может остановить быкоубийства. Испанцы думают, что бык зверь. Тореадор плачет перед убийством быка. Тореадору платят много, но он не любит этого занятия. Я знаю многих тореадоров, у которых бык распорол живот. Я говорил, что я не люблю бычьей бойни, тогда меня не поняли. Дягилев говорил с Мясиным, что бычий бой есть великолепное искусство. Я знаю, что Дягилев с Мясиным скажут, что я сумасшедший и на меня нельзя обижаться, ибо Дягилев всегда прибегает к этой умственной уловке. Ллойд- Жордж то же самое делает с политическими деятелями. Он есть Дягилев, ибо он думает, что его не понимают. Я понимаю обоих, а поэтому вызываю их на бой не бычий, но бычачий. Я есть бычачий, а не бычий. Я бычу, а бык убитый не бычит. Я Бог и Бык. Я Апис. Я египтянин. Я индус. Я индеец. Я негр, я китаец, я японец. Я чужестранец и иностранец. Я морская птица. Я земная птица. Я дерево Толстого. Я корни Толстого. Толстой есть мой. Я есть его. Толстой жил в одно время, что я. Я его любил, но я его не понимал. Толстой есть великий, а я боялся великих. Журналы не поняли Толстого, ибо его возвеличили в виде великана в одном из журналов после его смерти, думая унизить государя. Я знаю, что государь человек, а поэтому не хотел его убийства. Я говорил об его убийстве всем иностранцам. Мне жалко государя, ибо я его любил. Он умер от мортир людей-зверей. Звери есть большевики. Большевики не есть Боги. Большевики есть звери. Я не большевик. Я люблю всякую работу. Я работаю руками, и ногами, и головой, и глазами, и носом, и

языком, и волосами, и кожей, и желудком, и кишками. Я не индюк в стальных перьях. Я индюк с Божьими перьями. Я булюкаю, как индюк, но я понимаю, что я булюкаю. Я буль-буль дог, ибо у меня глаза большие. Я буль-буль, потому что люблю англичан. Англичане не есть Джон Буль. Джон Буль наполнен в животе деньгами, а я кишками. У меня кишки здоровые, ибо я не ем много денег. Джон Буль ест много денег, а поэтому его кишки вздуты. Я не люблю кишки вздутые, ибо они мне мешают танцевать. Англичане не любят танцевать, ибо у них в животе много денег. Я не люблю сидеть, заложив ногу за ногу, но сижу иногда для того, чтобы меня не боялись. Я знаю людей, которые скажут, что все, что я пишу, есть спиритический транс. Я бы хотел, чтобы все были в таком трансе, ибо Толстой был в таком трансе. Достоевский и Золя тоже. Я люблю Золя, хотя очень мало читал его. Я знаю его маленькую историю, которая мне дала понять о Золя. Я хочу читать много Золя, ибо он много писал. Я очень горюю по Золя, ибо его укокошили газом[13]. Я знаю, кто его укокошил. Его укокошили люди, ибо боялись правды. Меня укокошат тогда, когда я того захочу. Я не боюсь смерти, а поэтому убийцы могут гулять около меня сколько им угодно. Я дам убийце больше денег, чем тот, который хотел меня убить. Я не хочу смерти убийцы, а поэтому прошу, когда меня убьют, не убивать линчем и другими способами убийцу, ибо это не его вина. Убийца идет на смерть. Убийца есть Ллойд- Жордж, ибо он убил миллионы людей неповинных. Я есть человек в миллионе. Я не один. Я миллион, ибо я чувствую больше миллиона. Ллойд-Жордж подошлет убийц, а поэтому прошу его оберегаться. Ллойд-Жордж есть убийца разума. Разум есть жизнь, а не смерть. Я пишу философию, но не философствую. Я не люблю философствования, ибо философствование есть болтовство. Я ношу галстух индейки и индюка. Женщина и мужчина есть одно, а поэтому не надо представителей женщин. Я предпочту женатых, ибо они знают жизнь. Женатые ошибаются, но они имеют жизнь. Я есть жена и муж. Я люблю жену. Я люблю мужа. Я не люблю. жену и мужа, которые занимаются развратом, смотря на всякие развратные японские и другие книги, а после делая все движения в плотской любви. Я есть плоть, но не плотская любовь. Я хочу писать скоро, ибо хочу напечатать эту книгу раньше того, что я буду в Париже. Я хочу напечатать эту книгу в Швейцарии. Я не боюсь правительства, а поэтому меня могут выгонять сколько им нравится. Я не есть большевик или какой-нибудь бунтовщик. Я есть любовь к людям. Я хочу, чтобы правительство мне позволило жить там, где я хочу. Моя жена хорошая женщина, и мой ребенок тоже, а поэтому их не надо трогать.

Если англичане меня испугаются и подошлют убийц в Швейцарию, я их застрелю раньше, чем они меня застрелят. Меня посадят в тюрьму на всю жизнь, ибо англичане этого желают. Англичане невероятно злые люди. Они прибегают ко всяким уловкам ипокритов. Англичанин есть ипокрит. Англичанин не есть Бог. Бог есть тот англичанин, у которого разум, а не ум. Люди в Англии занимаются спиритизмом для того, чтобы узнать все раньше, чем другие. Я не есть спиритизм. Я есть жизнь, а поэтому хочу жить. Я прошу народ швейцарский меня беречь. Я хочу эту книгу напечатать по-швейцарски, ибо я живу в Швейцарии. Я люблю Швейцарию простую. Я не люблю швейцарца-индюка в стальных перьях. Я хочу напечатать эту книгу в Швейцарии в очень дешевом экземпляре. Я хочу немного заработать, ибо я беден. У меня нет денег, а я живу богато. Я ипокрит-англичанин, ибо я выдумываю всякие способы для продления моих кредитов. Я не люблю кредиторов. Я не люблю быть должником.

Я хочу играть на бирже. Я хочу воровать. Я хочу убить человека богатого, но не смертью тела, а смертью ума. Я не ум. Я разум. С разумом я достигну большего, чем с умом. Я выдумал балет, в котором покажу ум, и разум, и всю жизнь людей, только мне надо в этом помочь. Я думал о Вандербильде, но раздумал, ибо Вандербильд дает деньги взаймы. Я не люблю должников, а поэтому заработаю сам на этот балет. Дягилев есть должник. Дягилев мне должен деньги. Дягилев думает, что он мне все выплатил. Дягилев проиграл процесс в Буэнос-Айресе. Я выиграл процесс в 50 ООО франков. Дягилев еще мне должен около 20 ООО франков. Я не хочу 50 ООО франков, но я хочу мои деньги заработанные, которые Дягилев мне еще должен от процесса, который выиграл мой английский адвокат Луис. Его зовут по-английски сэр Луис. Я не люблю сэров, а поэтому они не умеют срать. Я сру по-человечески, а не деньгами. Я люблю деньги для помощи, а не для набивания кишок Джона Буля. Я есть англичанин, но без денег в животе. Банк есть Джона Буль. Англичане хорошо поняли Джона Буля, но они его не почувствовали.

Я хочу спрятать эту тетрадь, ибо Тэсса почувствовала, что я знаю ее затеи. Она знает, что я умен, ибо я ей доказал. Она называется «Тигренком». У нее ногти на ногах, как у тигра. Она заботится о чистоте своих ногтей, но не о чреве женщины. Я не люблю женщину, которая слишком заботится о чреве. Ее ссаки полны белены. Она забыла в своей комнате ночной горшок, и когда я вошел в комнату, чтобы проветрить от вони, я увидал горшок со ссаками. Ссаки моей жены чистые. Ссаки Тэссы

грязные. Я понял, что она слишком заботится о своем чреве. Она заботится по многим причинам. Во-первых, потому что любит мужчин, а во-вторых, потому что ее муж был один раз болен венерической болезнью. Тэсса мне все это говорила, когда мы были в Вене во время войны. Я не забыл всего, что мне говорили. Гэсса смотрит [на] меня с ненавистью, думая, что я ее не люблю. Она почувствовала, что я ее люблю, и заплакала, ибо я дал понять, что я ей дам кольцо. Она любит кольцо. Я не люблю кольца. Я не хочу, чтобы она была осрамлена. Я хочу говорить всю правду. Я не боюсь ее мужа, а поэтому напечатаю эту книгу при ее жизни. Меня будут судить, но мне все равно. Она скажет, что я одно и то же, что До до Хампель[14]. Додо Хампель есть Дягилев. Додо Хампель должен работать для Дягилева. Я не есть Хампель. Я есть Бог в человеке. Я говорю нарочно, чтобы все знали поступки Тэссы. Я не хочу ей зла, а поэтому ей буду помогать всячески, чтобы она не умерла с голоду. Тэсса женщина ловкая. Она умеет надувать всех. Тэсса думает, что никто не понимает ее затей. Я очень хорошо понял Тэссу, ибо я заметил, что она кокетничает со мною. Она ложилась на кровать в нижнем белье, чтобы возбудить мою похоть. Она думает, что можно возбудить похоть панталонами из шелка. Она носит маленькие панталоны из шелка и тонкие фуфайки для возбуждения. Я понимаю Тэссу хорошо. Я знаю ее уловки. Эти уловки подобны тигру, который ждет дичь. Я приходил нарочно в ее комнату, когда она была голая. Она меня не стыдилась. Женщина светски воспитанная должна стыдиться мужчину. Тэсса видела много мужчин, ибо их не стыдится. Тэсса позвала доктора Френкеля для успокоения домашней ссоры. Я не ссора, а поэтому не ссорился. Я сказал моей жене правду, и Тэссе тоже. Я не боюсь моего развода. Я сказал доктору Френкелю, что он очень хороший человек. Он был тронут, я ему пожал руку. Жена меня испугалась, ибо я прибежал в комнату, где была Тэсса. Тэсса — женщина ловкая, а поэтому позвала доктора. Доктор человек хороший. Я его люблю, ибо он хочет все уладить. Тэсса не любит меня, ибо вошла с кольцом и сапогами, которые я ей подарил, и говорила про меня. Она почувствовала мои слова по-немецки. Я понимаю по-немецки. Я попрошу ее уехать как — можно скорее, если она отдаст мне кольцо и сапоги. Я знаю, что она не отдаст, ибо у нее нет совести. Она любила в С.-Морице нескольких мужчин. Я это заметил, ибо наблюдал за нею. Я знаю ее хитрости. Она меня боится, ибо думает, что я злой. Она знает меня. Я знаю ее. Я ей скажу после, что если она подарит кому-нибудь мои подарки, то она получит пощечину от меня. Я ей скажу на вокзале перед ее отъездом. Я узнаю случайно, если она даст эти вещи другим. Я

найду этих людей и возьму эти вещи. Я пойду искать шарф у мужчины, которому она дала в подарок. Я знаком с этим мужчиной. Я попрошу его вернуть этот шарф и отдам моей жене. Я скажу, что я его нашел. Я не скажу, что взял у Тэссы. Тэсса идет на улицу для находки мужчин. Я знаю, что она продаст сапоги и мое кольцо, а поэтому она получит от меня пощечину. Пощечину я не даю по лицу. Я бью любовью. Я ей дам эту книгу в подарок. Я больше не говорю с Тэссой. Я ей скажу перед ее отъездом, что я знаком с ее хитрым характером и что я все напишу, что знаю о ней. Она будет думать, что я ничего не знаю. Я знаю ее привычки. Она улыбается молодым мужчинам и любит их без денег. Она мужчина, а не женщина, ибо она ищет мужчину. Она любит хуй. Ей нужен хуй. Я знаю хуи, которые не любят ее. Я есть хуй, который не любит ее. Я знаю, что все будут стыдиться этого названия, а поэтому написал, ибо хочу, чтобы все знали, что такое жизнь. Я не люблю ипокритической жизни. Я знаю, что такое жизнь. Жизнь не есть хуй. Хуй не есть жизнь. Хуй не есть Бог. Бог есть хуй, который размножает детей с одной женщиной. Я есть тот человек, который размножает детей с одной женщиной. Мне 29 лет. Я люблю мою жену не для размножения детей, а духовно. Я размножаю детей с нею, если Бог того хочет, а не буду размножать, ибо я ее боюсь. Я не хочу детей умных. Кира девочка умная. Я человек разумный. Я не хочу, чтобы она была умницей. Я ей буду всячески мешать, чтобы она развивалась умственно. Я люблю людей глупых. Я не люблю глупость, потому что я не вижу чувства в глупости. Глупость не есть чувство в человеке. Я знаю, что глупые не чувствуют. Ум не дает людям развиваться. Я есть умный человек, ибо я чувствую. Я чувствую Бога, а Бог меня чувствует. Я люблю Тэссу, а поэтому хочу ей добра. Тэсса меня не любит, ибо знает, что я ее не люблю. Яне люблю привычки Тэссы, ибо они есть смерть. Я люблю Тэссу, ибо она есть человек, я не хочу ее смерти. Я хочу ее напугать, ибо я хочу ей добра. Тэсса забыла меня, ибо думает, что доктор Френкель меня напугал. Тэсса понимает меня, но не чувствует. Тэсса не хочет чувствовать, а поэтому она зверь «Тигр». Я хотел ей дать прозвище «тигренка», но подумал, что это слишком красивое название. Я хочу хорошего Тэссе. Я буду ей мешать всем ее предприятиям. Она меня не любит. Тэсса меня не любит, но она любит доктора Френкеля, надеясь его любви… Доктор не любит Тэссу, ибо чувствует ее взгляды. Доктор Френкель любит свою жену. Жена Френкеля любит его как мужчину. Она очень хитрая. Я заметил ее хитрые ужимки. Она похожа на обезьяну с чувством. Она бегает, точно белка в колесе. Доктор Френкель не белка, а поэтому чувствует любовь к ней больше, чем она к нему. Д. Френкель хороший

человек. Я его не понимал, думая, что он злой. Он не злой, ибо он хочет помочь людям. Я знаю, что помощь не есть обязанность докторов. Помощь медицинская есть обязанность докторов. Я не хочу помощи людей тогда, когда вижу, что доктора вмешиваются в не свои обязанности. Д. Френкель мне говорил как друг, а поэтому я его выслушивал. Я знал, о чем он будет говорить, раньше, чем он заговорил. Он заметил, что я разнервничался. Я ему сказал, что я не Бог, а человек, а поэтому у меня есть ошибки. Я человек с ошибками. Я хочу их исправлять, но я не знаю вперед, смогу ли их исправить. Д. Френкель почувствовал слезу и сказал мне, что ему не надо обещать, ибо я ему сказал, что я все сделаю для того, чтобы моя жена не была нервна. Я сказал, что я хочу, чтобы ее мать поскорее приехала, ибо я не хочу, чтобы моя жена меня пугалась, а для этого я хочу, чтобы Эмма, мать моей жены, жила у нас. Я не боюсь английских авторитетов, а поэтому мне все равно, если они возьмут все мои деньги. Я не хочу, чтобы эти деньги взяли, а поэтому прибегну ко всяким хитростям. Я не хочу разорять мою жену. Я ей дал свои деньги для ее жизни. Я не боюсь жизни, а поэтому мне не нужны деньги. Жена будет плакать, если я умру, но я знаю, что она меня скоро забудет. Моя жена меня не чувствует. Жена Толстого тоже не чувствует. Жена Толстого не может забыть, ибо он ей дал деньги.

Я дал деньги моей жене. Моя жена меня чувствует, потому что я ей дал все мои деньги. Я не люблю хвастаться, а поэтому перестану говорить о деньгах. Я люблю мою жену и Киру больше всех. Я не могу писать скоро, ибо моя рука устает, но я знаю, что скоро привыкну, ибо я не буду думать о букве. Я уже пишу лучше, я не умею останавливаться, а поэтому пишу скверно. Я не люблю Гамлета шекспировского, ибо он думает. Я философ не думающий. Я философ с чувством. Я не хочу писать выдумки. Я люблю Шекспира за его любовь к театру. Шекспир понял театр выдуманным. Я понял театр из жизни. Я не выдумка. Я жизнь. Театр есть жизнь. Я есть театр. Я знаю его привычки. Театр есть привычка, а жизнь это не привычка. Я есть без привычек. Я не люблю театр с прямыми кулисами. Я люблю театр круглый. Я построю круглый театр. Я знаю, что такое глаз. Глаз есть театр. Мозг есть публика. Я есть глаз в мозгу. Я люблю смотреть в зеркало и видеть один глаз на лбу. Я рисую часто один глаз. Я не люблю глаз в красной с черными полосами шапке. Я люблю глаз с волосами на голове. Я есть глаз Божий, а не воинственный. Я не люблю полемики, а поэтому могут писать что угодно про мою книгу, а я буду молчать. Я пришел к убеждению, что лучше молчать, нежели говорить глупости. Дягилев понял, что я глуп, и мне говорил, чтобы я не говорил. Дягилев умница. Василий,

человек, который ему прислуживает, говорил, что у Дягилева нет ни гроша, но ум его есть богатство. Я скажу, что у меня нет ни гроша и ни ума, но со мною разум. Я называю разумом все, что чувствуется хорошо. Я чувствую хорошо, а поэтому есть разумное создание. Я был глуп раньше, ибо думал, что все счастье в деньгах, теперь я не думаю о деньгах. Я знаю, что многие скажут, что я думаю о деньгах, тогда я отвечу, что я глуп и не понимаю ничего в деньгах. Мне деньги нужны для моих задач. Мне скажут, что все имеют задачи, а поэтому зарабатывают деньги для выполнения задач. Я знаю, что задачи бывают разные. Я задача Бога, а не антихристова. Я не антихрист. Я Христос. Я буду помогать людям. Я поеду в Женеву для отдыха, ибо доктор мне приказывает. Он думает, что я устал, ибо моя жена начинает нервничать. Я не нервен, а поэтому останусь дома. Жена может поехать одна. У нее есть много денег. У меня нет ни гроша. Я не хвастаюсь тем, что у меня нет денег. Я люблю иметь деньги, а поэтому их буду искать: для того, чтобы их дать жене и бедным. Я знаю, что многие скажут, что Нижинский притворяется Христом. Я не притворяюсь, ибо я люблю его деяния. Я не боюсь нападок, а поэтому буду говорить все. Я знаю Тэссу. Она ушла на улицу так же, как и я ходил будучи женат. Я обманывал мою жену, ибо имел такое количество семени, что мне надо было выбрасывать. Я выбрасывал семя не в кокотку, но на постель. Я надевал гондон, таким образом не заразился болезнью Венеры. Яне Венера, а поэтому не буду больше обманывать моей жены. У меня много семени, и я его берегу для нового ребенка, ибо я надеюсь, что я буду подарен мальчиком. Я люблю мою жену, а поэтому не хочу ей зла. Она меня чувствует, а поэтому меня боится. Она думает, что я все делаю нарочно для ее пугания. Я все делаю для ее здоровья. Она ест мясо, а поэтому нервна. Я сегодня ел мясо, ибо Бог этого хотел. Бог хотел доказать, что дело не в мясе, а в правильной жизни. Моя жена знает, что правильная жизнь вещь хорошая, но она не знает, что такое есть правильная жизнь.

Жизнью правильной называется такая жизнь, когда человек послушен Богу. Люди не понимают Бога, а поэтому спрашивают себя, что это за Бог, которого надо послушаться. Я знаю, что Бог, а поэтому знаю его желания. Я люблю Бога. Я не знаю, что мне писать, ибо я думал о Френкеле и моей жене, которые говорят в другой комнате. Я знаю, что они не любят мои затеи, но я буду их продолжать до тех пор, пока Бог того хочет. Я не боюсь никаких осложнений. Я попрошу всех мне помочь, и поэтому, не испугаюсь, если мне скажут: «Ваша жена сошла с ума, ибо вы ее замучили, а поэтому мы посадим вас-в тюрьму на всю жизнь». Я не боюсь тюрьмы, ибо я там найду жизнь. Я умру в тюрьме, если

меня посадят на всю жизнь. Я не хочу зла моей жене. Я ее слишком люблю для того, чтобы я ей сделал зло. Я люблю прятаться от людей, а поэтому привык жить один. Мопассан ужасался одинокости. Монте-Кристо не любил одинокости для мести. Мопассан ужасался одинокости, ибо любил людей. Я буду ужасаться одинокости, но я не буду плакать, ибо я знаю, что Бог меня любит, а поэтому я не одинок. Я чувствую заранее, что будет со мною, если Бог меня покинет. Я знаю, что если меня Бог покинет, то я умру. Я не хочу умирать, а поэтому буду жить, как другие, для того, чтобы меня люди понимали. Бог есть люди. Бог не любит тех, кто мешает его целям. Я не мешаю его целям, а наоборот. Я есть орудие Божие. Я есть человек Божий. Я люблю Божьих людей. Я не попрошайка. Я возьму деньги, если богач мне оставит. Я люблю богача. Я знаю, что такое богач. Богач имеет много денег, а я не имею. Я знаю, что, когда, все узнают, что я не богат, все испугаются меня и отвернутся, а поэтому я буду богатеть не по дням, а по часам. Я знаю способ разбогащения. Я возьму внаймы лошадь и велю лошади везти меня домой без платы. Моя жена заплатит. Если она не заплатит, то я найду способ для уплаты. Я хочу, чтобы жена меня любила, а поэтому проделываю все для ее развития. Ее развитие ума велико, но развитие чувства маленькое. Я хочу уничтожить ум для ее развития. Я знаю, что многие скажут, что человек без ума есть сумасшедший или болван. Я скажу, что человек с умом сумасшедший и болван. Человек сумасшедший не есть разумное существо. Сумасшедший есть тот, кто не понимает своих поступков. Я понимаю свои скверные и хорошие поступки. Я есть человек с разумом. В книге Толстого на каждый день говорится много о разуме. Я читал много эту книгу, а поэтому знаю, что такое разум. Я не боюсь умных людей. Умные люди боятся разумных, ибо чувствуют их силу. Я силен, ибо я чувствую, что говорят обо мне. Я знаю, что они выдумывают, как бы меня успокоить. Д. Френкель человек хороший. Моя жена тоже хорошая, но они много думают. Я боюсь за их ум. Я знаю людей, которые от больших мыслей сошли с ума, и я боюсь за них, ибо они много думают. Я не хочу, чтобы они сошли с ума, а поэтому сделаю все для их здоровья.

Я обижал жену, не понимая ее, и я извинялся, тогда мне повторяли все ошибки постоянно при случае. Я боюсь моей жены, ибо она меня не понимает. Она думает, что я сумасшедший или злой человек. Я не злой, ибо я ее люблю. Я пишу жизнь, а не смерть. Я не Нижинский, как они думают. Я Бог в человеке. Я люблю доктора Френкеля, ибо он меня чувствует. Доктор Френкель хороший человек. Моя жена тоже хорошая. Моя жена

думает, что я все делаю нарочно. Я ей сказал в секрете мои планы, она рассказала Френкелю, думая сделать мне хорошо. Жена не понимает моей цели, ибо я ей не открыл. Я не хочу ей открывать. Я буду чувствовать, а она будет понимать. Я понимаю, а она будет чувствовать. Я не хочу думать, ибо думание есть смерть. Моя жена меня боится, ибо думает, что я злой человек. Я знаю, что я делаю. Я не хочу тебе зла. Я люблю тебя. Я хочу жизни, а поэтому буду с тобой. Я говорил с тобою. Я не хочу умственной речи. Речь Френкеля умственная, жены тоже. Я боюсь обоих. Я хочу им дать почувствовать тебя. Я знаю, что тебе больно. Жена страдает от тебя. Я не хочу смерти, а поэтому прибегаю ко всем уловкам. Я не скаЖу моей цели. Пусть думают, что ты эгоист. Пусть тебя посадят в тюрьму. Я тебя освобожу, ибо я знаю, что ты мой.

Я не люблю Ромолу умную. Я хочу, чтобы она тебя бросила. Я хочу, чтобы ты был мой. Я не хочу, чтобы ты любил ее любовью мужчины. Я хочу, чтобы ты любил ее любовью чувства. Я знаю способ упрощения всего того, что совершилось. Я хочу, чтобы доктор Френкель чувствовал тебя. Я хочу обвинять тебя, ибо он думает, что твоя жена нервная женщина. Твой крест наделал столько зла, что тебе не распутаться. Я знаю твои ошибки, ибо я их исполнил. Я надел крест нарочно, ибо она тебя чувствовала. Доктор Френкель тебя чувствует. Он нарочно пришел для исследования твоих намерений и ничего не понимает. Он чувствует, что ты прав, он чувствует, что Ромола права. Он думает, и поэтому ему трудно понять. Я знаю, как можно понять. Я думаю лучше, чем доктор Френкель. Я боюсь за тебя, ибо ты боишься. Я знаю твои привычки. Ты любишь меня бесконечно, ибо подчиняешься моим приказаниям. Я знаю, что думаю. Ты знаешь, что думаешь. Мы будем знать, что думаем. Я буду все делать для твоего уразумения. Я люблю твою жену и тебя. Я хочу ей добра. Я Бог в тебе. Я буду твой тогда, когда ты поймешь меня. Я знаю то, что ты думаешь. Он здесь и смотрит пристально на тебя. Я хочу, чтобы он смотрел на тебя. Я не хочу поворачиваться, ибо чувствую его взгляд. Я хочу ему показать твое письмо. Он будет думать, что ты болен, ибо ты пишешь много. Я знаю твои чувства. Я понимаю тебя хорошо. Я пишу нарочно, ибо он тебя чувствует. Я хочу, чтобы ты писал все, что я тебе говорю. Люди поймут тебя, ибо ты чувствуешь. Жена тебя поймет, ибо ты чувствуешь. Я знаю больше тебя, а поэтому прошу тебя не поворачиваться. Я люблю Френкеля. Френкель человек хороший. Я знаю твои намерения. Я хочу их исполнить, но ты должен страдать. Все будут чувствовать, если увидят твои страдания. Я знаю, что он наверху. Ты ошибся, ибо ты чувствовал меня. Я хотел, чтобы ты чувствовал, что доктор

Френкель здесь.

Я хочу рассказать разговор мой с женою и доктором Френкелем в столовой комнате. Я притворился человеком-эгоистом для того, чтобы растрогать доктора Френкеля. Я знаю, что он обидится, если узнает мои затеи, но мне все равно, ибо я не злой человек. Я люблю мою жену и доктора Френкеля одинаково. Я человек с одинаковою любовью. У меня та же любовь· ко всем. Я не разграничиваю любовь. Я писал, что люблю мою жену больше всех, ибо я хочу показать мои отношения к моей жене. Я люблю Тэссу одинаково, только она меня не понимает. Я знаю ее затеи. Она меня чувствует, ибо уезжает на этих днях. Я не хочу ее присутствия. Я хочу, чтобы мать моей жены приехала, ибо хочу изучить ее для ее помощи. Я не изучаю для того, чтобы после о них писать. Я хочу писать для того, чтобы объяснить людям привычки, от которых чувство умирает. Я хочу назвать эту книгу чувством. Я назову эту книгу «Чувством». Я люблю чувство, а поэтому буду писать много. Я хочу большую книгу о чувстве, ибо в ней будет вся твоя жизнь. Я не хочу печатать книгу после твоей смерти. Я хочу напечатать теперь. Я боюсь за тебя, ибо ты боишься за себя. Я хочу сказать правду. Я не хочу обижать людей. Может быть, тебя посадят в тюрьму за эту книгу. Я буду с тобой, ибо ты любишь меня. Я не могу молчать. Я должен говорить. Я знаю, что тебя не посадят в тюрьму, ибо у тебя нет юридической ошибки. Если люди захотят тебя судить, то ты скажешь, что все, что ты говоришь, говорит Бог. Тогда тебя отправят в сумасшедший дом. Ты будешь сидеть в сумасшедшем доме и ты поймешь сумасшедших. Я хочу, чтобы тебя посадили в тюрьму или в сумасшедший дом. Достоевский был в каторжных работах, а поэтому ты можешь тоже сидеть где- нибудь. Я знаю любовь людей, у которых не замолкает в груди, а поэтому они не позволят тебя посадить. Ты будешь свободен как птица, ибо эта книга будет издана во многих тысячах экземпляров. Я хочу подписаться Нижинским для рекламы, но мое имя есть Бог. Я люблю Нижинского не как Нарцисс, а как Бог. Я его люблю, ибо он мне дал жизнь. Я не хочу говорить комплименты. Я его люблю. Я знаю его привычки. Он меня любит, ибо он знает мои привычки. Я без привычек. Нижинский с привычками. Нижинский есть человек с ошибками. Нижинского надо слушаться, ибо он говорит устами Бога. Я есть Нижинский. Нижинский есть я. Я не хочу, чтобы Нижинскому сделали больно, а поэтому буду его оберегать. Я боюсь за него, ибо он боится за себя. Я знаю его силу. Он хороший человек. Я хороший Бог. Я не люблю Нижинского плохого. Я не люблю Бога плохого. Я Бог. Нижинский Бог. Нижинский есть человек добрый, а не злой. Люди его не поняли и

не поймут, если будут думать. Я знаю, что если бы меня слушались в продолжение нескольких недель, получились бы большие результаты. Я знаю, что все захотят у меня учиться, а поэтому надеюсь на понимание моего учения. Все, что я пишу, есть учение, которое необходимо человечеству. Ромола боится меня, ибо она чувствует, что я Проповедник. Ромола не хочет иметь мужа как проповедника. Ромола хочет мужа молодого, красивого и богатого. Я есть богатый, красивый и молодой. Она меня не чувствует, ибо не понимает моей красоты. Я не имею правильные черты лица. Правильные черты лица не есть Бог. Бог не есть правильные черты лица. Бог есть чувство в лице. Горбатый человек есть Бог. Я люблю горбатых. Я люблю урода. Я есть урод с чувством. Я танцую горбатых и прямых. Я есть тот артист, который любит все сложения и всяческую красоту. Красота не есть вещь относительная. Красота есть Бог. Бог есть красота с чувством. Красота в чувстве. Я люблю красоту, ибо я ее чувствую, а поэтому я ее понимаю. Люди думающие пишут глупости о красоте. О красоте нельзя толковать. Красоту нельзя критиковать. Красота не есть критика. Я не есть критика. Критика есть умничание. Я не умничаю. Я красуюсь. Я чувствую любовь к красоте. Я не ищу прямых носов. Я люблю прямые носы. Я люблю нос моей жены, ибо у нее он с чувством.

Я не хочу зла. Я хочу любви. Меня принимают за злого человека. Я не есть злой человек. Я люблю всех. Я написал правду. Я сказал правду. Я не люблю неправды. Я хочу добра, а не зла. Я не пугало. Я любовь. Меня принимают за пугало, ибо я один раз надел крестик, который мне нравился. Я его надел, чтобы показать людям, что я католической веры. Люди поняли, что я сумасшедший. Я не был сумасшедшим. Я надел крестик для того, чтобы люди обратили на меня внимание. Люди любят людей спокойных. Я не есть спокойный человек. Я люблю жизнь. Я хочу жизни. Я не люблю смерти. Я хочу любви к людям. Я хочу, чтобы мне верили. Я сказал правду про Тэссу, Дягилева, Ллойд-Жорджа и меня. Я есть злой человек, ибо я хочу добра. Я не хочу войн, а поэтому хочу дать людям понять меня. Я не хочу убийств. Я сказал своей жене, что я застрелю человека, который тронет мои тетради. Я буду плакать, если я застрелю. Я не убийца. Я люблю людей. Я знаю, что все меня не любят. Они думают, что я больной. Я не есть больной. Я человек с разумом. Горничная пришла и встала около меня, думая, что я больной. Я не больной. Я здоровый человек. Я боюсь за себя, ибо я знаю, что Бог хочет. Бог хочет, чтобы меня жена бросила. Я не хочу этого, ибо я люблю ее. Я буду молиться для того, чтобы она была со мною. Я не знаю, что телефонируют сейчас. Я думаю, что меня хотят посадить в

тюрьму. Я плачу, ибо я люблю жизнь. Я не боюсь тюрьмы. Я буду жить в тюрьме. Я объяснил моей жене про револьвер. Она больше меня не боится, но у нее чувство скверное. Она думает, что я разбойник. Я сказал резко для того, чтобы вызвать плач, ибо я люблю слезы. Я не люблю слезы, вызванные горем, а поэтому пойду ее поцеловать. Я хочу ее целовать не для того, чтобы она думала, что я хочу показать любовь. Я ее люблю без показа. Я хочу ее. Я хочу ее любви. Тэсса почувствовала, что я ее люблю, и она остается с нами. Она не уезжает. Она телефонировала, чтобы ее билет продали. Я не знаю наверное, но я чувствую. Моя девочка поет: А! А! А! А! Я не понимаю этого значение, но чувствую его смысл. Она хочет сказать, что все А! А! не ужас, а веселье.

Я не могу больше доверять моей жене, ибо я почувствовал, что она хочет отдать эти тетради доктору Френкелю для исследования. Я сказал, что никто не имеет права трогать мои тетради. Я не хочу, чтобы их смотрели. Я их запрятал, а эту тетрадь я буду носить. Я буду прятать все мои тетради, ибо люди не любят правды… Я боюсь за людей, ибо думаю, что они меня укокошат. Я люблю людей, если они меня укокошат, ибо они Божьи создания, но я их буду ненавидеть за их зверские поступки. Я люблю мою жену. Она меня любит, но она думает, что доктор Френкель Бог. Я есть Бог, а не доктор Френкель. Я люблю доктора Френкеля. Я знаю его привычки. Я понимаю его. Он хочет исследовать мой мозг. Я хочу исследовать его разум. Я уже исследовал его разум. Он не может исследовать мой мозг, ибо его не видел. Я написал ему стихи. Эти стихи я сделал нарочно, чтобы он мог видеть мой мозг. Я написал вещи разумные. Доктор Френкель спросил вещи неразумные, ибо хотел исследовать нервы. Я ему отвечал быстро и всклад. Моя жена ответила быстро и не всклад. Я ему написал стихи нарочно, чтобы он их спрятал на память. Он не хотел взять одного стиха, ибо думал, что этот стих не важен для исследования психологии. Доктор все это сделал нарочно, думая, что я не понимаю, что делаю. Я понимаю все, что делаю, а поэтому не боюсь их нападок. Доктор Френкель сегодня в Самадэне. Он думает. что я не знаю его затеи. Он думает, что все, что делает, я не ионимаю. Он думает, что я потерял понятие. Я играл нарочно человека без понятия для того, чтобы он меня посадил в сумасшедший дом. Я знаю, что Тэсса телефонировала доктору Френкелю обо мне. Я не боюсь их затей. Я знаю любовь моей жены. Она меня не оставит. Она меня боится, но она меня не оставит. Я боюсь, что меня возьмут в сумасшедший дом и я потеряю всю работу. Я спрятал тетради за шкаф. Я люблю слишком мои тетради, чтобы их потерять. Я

написал вещи нужные. Я не хочу смерти чувства. Я хочу, чтобы люди понимали. Я не могу плакать так, чтобы слезы лились на мои тетради. Я плачу в душе. Мне грустно. Я люблю всех. Я пишу скоро, но чисто. Я знаю, что люди любят мое письмо. Я люблю писать чисто, ибо я хочу, чтобы понимали мое письмо. Я не боюсь печатанья. Я люблю печатанье, но печатанье не может передать чувство письма. Я не люблю писать на машине. Я не люблю стенографию. Я люблю стенографию тогда, когда хотят записать вещи быстро. Я считаю необходимым знать стенографию. Я буду говорить быстро, а мою речь будут записывать стенографией. Я люблю стенографов. Я не хочу, чтобы стенограф отдавал всю свою жизнь на стенографию. Я люблю стенографию, которая записывает речи Вильсона. Я не люблю стенографию, которая записывает речи Ллойд-Жорджа. Я люблю обе стенографии, но я хочу, чтобы люди поняли их смысл. Без речи Ллойд-Жорджа нельзя понять речи Вильсона. Я хочу, чтобы Вильсон осуществил свои задачи, ибо его задачи ближе к правде. Я чувствую смерть Вильсона. Я боюсь, что ему пустят пулю в лоб или какой-нибудь другой орган, который не выдержит. Я боялся за смерть Клемансо[15]. Клемансо человек хороший. У него политика глупая, а поэтому его жизнь на волоске. Люди чувствуют его ошибки. Люди думают, что Клемансо француз. Я думаю, что Клемансо англичанин. Я знаю, что он воспитан во Франции. Я знаю, что его мать и отец французы. Я знаю, что его ум у англичан. Он не знает этого, а поэтому его жизнь на волоске. Я люблю Клемансо, ибо он дитя. Я знаю детей, которые нехотя делают вещи ужасные, ибо их мадмазели ужасные. Клемансо дитя, а Англия мадмазель, которая поучает его английскому языку. Француз не может оставить свой язык и изучать чужой, ибо француз человек живой. Англичане хотят заставить Францию носить колпак на петух английский. Петух французский не любит противоречий, а поэтому петуха хотят застрелить. Петух не умеет летать, ибо много ест. Англичане не едят много, а поэтому их трудно убивать. Англичанин ест много тогда, когда он накормит петуха французского. Французский петух, наевшись много, лопнет, а тогда англичанин подберет. Ллойд-Жордж не знает, что его поймут, а поэтому носит свою голову высоко. Я хочу понизить голову Ллойд-Жорджа, а поэтому хочу напечатать эту книгу после того, как он умрет. Его смерть будет неожиданная, ибо он думает, что его все любят. Я его люблю, но я пишу правду. Я знаю, что если прочтет Клемансо эту тетрадь, он поймет меня. Я хочу ему показать эту тетрадь раньше всех. Я поеду во Францию и переведу эту тетрадь на французский язык. Я скажу Клемансо, что в этой тетради сказано про него, а поэтому он должен читать все. Я

произведу на него впечатление. Он испугается, ибо чувствует свои ошибки. Я защищал Клемансо вчера, говоря президентше Гартман[16], что Клемансо человек, а не зверь. Я знаю, что Клемансо не подкуплен, ибо я чувствую его речи. Я знаю, что Клемансо любит Вильсона. Клемансо — политика Франции. Пуанка-

рэ, то же, что король английский, ничего не делает. Клемансо человек, работающий много. Клемансо любит Францию. Клемансо есть человек с любовью. Клемансо ошибался, когда посылал Францию на смерть. Клемансо человек, который ищет хорошего. Клемансо дитя с огромным умом. Ллойд-Жордж ипокрит. Ллойд-Жордж есть Дягилев. Дягилев не хочет любви ко всем. Дягилев хочет любви к самому себе. Я хочу любви ко всем. Я буду писать вещи, которые Клемансо поймет. Я люблю Клемансо за то, что он дал почувствовать Вильсону, что он согласен с его идеями. Я боюсь за жизнь Клемансо. Клемансо человек свободный. Его журнал говорит все, что он чувствует. Его журнал ошибался, когда говорил, что надо воевать. Я знаю, что все скажут, что он убийца многих миллионов. Я знаю, что все его ненавидят. Я знаю, что он человек хорошей, у которого не было в мыслях убивать Францию. Я понимаю затеи Ллойд-Жорджа. Затеи Ллойд-Жорджа ужасны. Он хочет убить Клемансо за то, что он повернул ему спину. Я знаю, что Клемансо ищет правды, и поэтому его политика хорошая. Я хочу помочь Клемансо, а поэтому скоро поеду во Францию. Я скажу авторитетам английским, что я поляк и хочу танцевать в пользу бедных поляков во Франции. Я поляк по матери и отцу, но я русский человек, ибо я там воспитан. Я люблю Россию. Я есть Россия. Я не люблю ипокритизм поляков. Поляки ужасный народ, ибо Педеревский[17] сговорился с Ллойд-Жорджем. Педеревский человек политики. У Педеревского нет педери. Я не педеревщина. Педеревский не педер. Педеревский пианист ума. Я не люблю пианистов с умом. Музыка умная есть машина. Музыка с чувством есть Бог. Я люблю пианиста, который играет с чувством. Я не люблю технику без чувства. Я знаю, что мне скажут, что Педеревский музыкант с чувством. Я скажу, что Педеревский музыкант без чувства. Я не люблю политику. Педеревский любит политику. Я ненавижу политических деятелей, которые ищут увеличения государств. Я люблю политику, в которой защищают государства от войн. Англия любит ссорить. Англия хочет ссоры Америки с Японией. Я знаю, зачем Англия хочет ссоры Америки с Японией. Я знаю затеи японцев, японцы хитры, а поэтому поймут Англию, если я им скажу все. Я знаю японцев. Я люблю японцев. Я не люблю флот японский, ибо он угрожает Америке. Я люблю

Америку. Я заработал деньги в Америке. Я хочу Америке счастья. Я знаю, что убили Тафта[18]. Я знаю, кто убил Тафта. Тафт понял свою ошибку и согласился с Вильсоном, тогда Англия подослала разбойника, который его застрелил. Я знаю этого разбойника. Этот разбойник не виноват. Ему дали большие деньги, он удрал из Америки. Я не буду ему мешать жить. Я его люблю. Этот человек беден и хотел пожить хорошо. Я знаю, что полиция его ищет, но англичане его берегут. Я знаю сыщиков. Я понимаю, что надо для того, чтобы его найти. Я не буду его искать. Не надо его искать, не он виноват в смерти Тафта. Смерть Тафта есть политика английская. Я не боюсь смерти, а поэтому могут стрелять в меня сколько им угодно. Я боюсь быть раненым. Я не люблю боли. Я знаю, что если англичане прочтут то, что я пишу, они меня застрелят. Я не боюсь быть застреленным. Они боятся, что я скажу всю правду. Я буду говорить всю правду после моей смерти, ибо оставлю после себя наследников. Мои наследники будут продолжать то, что я начал.

Я буду писать правду. Я — Золя, но я не люблю писать романы. Я хочу говорить, а не писать романы. Романы мешают пониманию чувства. Я люблю романы, ибо Ромола, их любит. Я ищу в романах не романы, а правду. Золя замаскировал правду романами. Я не люблю замаскировываний. Замаскировывание есть ипокритическое начало. Я есть начало. Я есть правда. Я есть совесть. Я есть любовь ко всем. Я не хочу, чтобы сажали в тюрьмы или убивали разбойника. Разбойник или вор не есть вещь ужасная. Я не боюсь разбойника. Я боюсь револьвера. Я знаю, что все были револьверы во время войны всего мира земного шара. Я знаю, что все были разбойниками. Я знаю, что правительство разбойников защищало, ибо разбой правительства оберегается правительством. Я знаю, что Бог не оберегает правительство воюющее. Я знаю, что Бог хотел этой войны. Я знаю, что Бог не хочет войн, а поэтому послал людям ужасы. Я сам разбойник, ибо убиваю ум. Яне хочу умственности. Я люблю умных, а поэтому не буду их убивать из револьвера. Я не револьвер. Я Бог. Я любовь. Я хочу послать доктору Френкелю письмо. Я буду писать это письмо в тетради, а не на бумаге для писем.

Милый друг Френкель. Я тебя обидел, но я не хотел тебя обижать, ибо я тебя люблю. Я хочу тебе добра, а поэтому притворился сумасшедшим. Я хотел, чтобы ты почувствовал меня. Ты меня не почувствовал, ибо думаешь, что я сумасшедший. Я притворился человеком нервным, чтобы ты почувствовал, что я не нервен. Я человек, который притворяется. Я не хочу зла моей жене. Я ее люблю. Я тебя люблю. Я есть политика Христа. Я есть Христос. Я нё люблю насмешек. Я не смешон. Я люблю всех, а

любить всех не смешная вещь. Я знаю тебя. Ты чувствуешь. Ты любишь твою жену. Я люблю тоже. Ты не любишь вещи неспокойные, ибо твои нервы слабые. У меня нервы крепкие. Я не хочу пропаганды для уничтожения нервных людей. Я не пропаганда. Я не люблю пропагандировать. Я знаю, что ты немец. Ты родился в Швейцарии, но твое воспитание немецкое. Я люблю немцев. Немцы делали войны, а ты их любил. Я не любил немцев, но я звал тебя для моей жены. Ты ее вылечил. Я тебя люблю, ибо ты ее любишь. Лечить надо без денег, ибо ты богатый. Я понимаю тебя. Ты хочешь дать твоей жене все, что может ее осчастливить, но ты забываешь, что есть много людей страдающих. Ты говоришь, что любишь Германию. Я люблю тоже. Ты богат, а не даешь деньги бедным немцам. Немцы мрут с голоду. Я знаю, что ты мне скажешь, что Швейцария не может помогать немцам, ибо у них самих мало. Я отлично понимаю положение Швейцарии. Швейцария попала между двух огней. Огонь английский и немецкий. Оба огня ужасные. Я не люблю огонь, уничтожающий жизни. Я люблю огонь греющий. Я знаю, что без огня нельзя натопить, а поэтому прошу всех мне помочь. Не надо организовывать общества для правления. Я есть правление. Любовь уничтожит правления. Я люблю правление Вильсона. Я хочу любви. Я хочу, чтобы Вильсон уничтожил правления. Я понимаю, что это невозможно сделать немедленно. Всякая вещь должна назреть. Я не люблю нарывы. Я хочу их уничтожить. Нарыв вещь ужасная. Когда нарыв лопается, он причиняет боль, а после боли оставляет дыру, из которой выливается кровь. Я не хочу крови, а поэтому прошу доктора Френкеля мне помочь. Я его люблю и надеюсь, что он мне поможет. Я не хочу смерти моей жены. Я ее люблю. Я сделал плохо для того, чтобы доктор мне помог. Я хочу, чтобы доктор сделал надрез. Я не хочу, чтобы нарыв причинял боль моей жене. Я не есть нарыв. Я есть любовь. Я знаю, что жена нервная от моей затеи. Я знаю, что меня заставят уехать.

Я знаю, что мои багажи уже уложены. Я знаю гибель. Гибель вещь ужасная. Я пойду просить прощения у жены, когда доктор мне скажет. Я знаю лекарство, но я не скажу тебе. Я хочу, чтобы ты вылечил мою жену. Я не могу исправиться. Я не хочу исправиться. Я злой, ибо я хочу хорошего моей жене. Я не боюсь ничего. Я боюсь смерти разума. Я хочу смерти ума. Моя жена не сойдет с ума, если я убью ее ум. Ум есть глупость, а разум есть Бог. Доктор думает, что я все строю на чувстве, а поэтому думает, что я без ума. Человек, строящий на чувстве все, не ужасен. Его чувства ужасные. Я не люблю скверные чувства, а поэтому пойду целовать мою жену.

Я хочу уйти из дома и не завтракать, но Бог хочет, чтобы все видели мой аппетит, а поэтому я буду есть. Я пойду есть, когда меня позовут. Я буду говорить, что мне Бог велит. Я не боюсь Френкеля. Френкель меня поймет. Френкель будет моим близким другом. Френкель чувствует меня. Я хочу ему помочь. Он человек, который чувствует стихи. Я чувствую тоже. Я хочу ему написать сейчас стих для того, чтобы он его почувствовал. Я этот стих скопирую.

Я любовь, я есть кровь.
Я есть кровь Христа.
Я люблю тебя.
Я люблю всех.
Я любовь в тебе самом.
Ты любовь во мне.
Я хочу сказать тебе, что любовь есть кровь.
Я не кровь в тебе.
Я есть кровь в тебе.
Я люблю кровь, но не кровь в крови.
Я люблю кровь.
Я люблю Христа.
Я не кровь Христа.
Я — Христос.
Я люблю писать стихи, но их трудно писать, ибо я не привык. Я попробую еще написать один.
Я хочу сказать про кровь,
Но моя любовь не там,
Я хочу любить…
Я хочу сказать…
Я хочу…
Я…
Я тебя люблю…
Я хочу любить всех —
Я не хочу

Я не могу говорить стихами, ибо их не чувствую. Я буду писать стихи, когда Бог того захочет. Я хотел показать пример для стиха, который не готов. Я не люблю приготавливать стихи, а поэтому бросил стих, который я не почувствовал. Я хочу писать стихи.

Я хочу любить тебя Я хочу ругать тебя Я хочу Тебя Я хочу Его.
Я могу любить его, если ты любила Я могу тебя любить, если Он полюбит.
Я хочу тебя любить, я хочу любовь в тебе Я могу любить тебя, я есть твой и Ты мой Я хочу тебя любить, ты не можешь чувствовать.
Я хочу тебя любить, ибо ты меня не любишь.
Я хочу тебе сказать. Ты умна. Ты глупа Я хочу тебе сказать. Ты есть Бог, а я в тебе.
Я хочу сказать тебе. Я люблю тебя, мой Бог.
Ты не хочешь мне добра. Я хочу тебе добра.
Я не буду плакать так, но я буду плакать так.
Я хочу тебе любви. Ты не можешь мне сказать.
Я люблю тебя всегда. Я твоя, а ты мой.
Я хочу тебя, мой Бог. Ты моя, а я твой.
Я хочу сказать тебе. Ты любовь во мне.
Я хочу сказать тебе. Ты любовь в моей крови.
Я не кровь в тебе самой. Я есть кровь.
Я есть кровь в тебе самой. Я не есть кровь.
Я кровь в душе. Я душа в тебе.
Ты не кровь в душе. Я душа в тебе.
Я люблю тебя всегда. Я хочу любить тебя.
Я люблю тебя всегда. Я хочу любви всегда.
Я хочу тебя, тебя. Я есть Бог, я есть Бог.
Я есть тот, кто чувствует. Я люблю тебя всегда.
Я хочу тебя, тебя. Я хочу тебя, тебя.
Я есть твой всегда.
Я всегда в тебе самой. Я всегда в тебе самой.
Я люблю тебя всегда. Баю-бай, баю-бай.
Ты не спишь, я не сплю, ты не можешь спать всегда.
Я люблю, твой сон растет. Я расту, как твой сон.
Я люблю твой сон в тебе. Я хочу тебе добра.
Я люблю, твой сон могуч. Я хочу любви к тебе.
Я не знаю, что сказать, я не знаю, что молчать.
Я-люблю тебя всегда, я хочу любить всегда.
Я хочу тебе добра. Я не знаю, что всегда.
* Я всегда, всегда, всегда. Я есть все, я есть все.

Я хочу тебе добра. Я люблю тебя всегда.
Я хочу тебе…

Я не могу больше писать стихами, ибо я повторяюсь. Я предпочитаю писать просто. Простота мне позволяет

объяснять то, что я чувствую. Я люблю Френкеля. Я знаю, что он очень хороший человек. Я знаю его. Он не хочет зла моей жене. Он хочет уладить. Я люблю улаживание. Я люблю любовь. Я чуть не заплакал, когда он мне сказал, что он мне друг. Я знаю, что он меня чувствует, ибо он почувствовал мои стихи. Я ему дал мои стихи. Я плачу, и мои слезы чуть не выпадают. Я не хочу плакать, ибо люди будут думать, что я притворяюсь. Я люблю людей, а поэтому не хочу их расстраивать. Я буду есть очень мало. Я хочу худеть, ибо моя жена меня не чувствует. Она пойдет к Френкелям. Я останусь один. Я буду один плакать. Я плачу сильнее, но я не оставляю моего письма. Я боюсь, что доктор Френкель, мой друг, зайдет и увидит мой плач. Я не хочу его трогать моим плачем. Я буду писать и вытирать мои слезы. Я не плачу громко и меня не слышат в другой комнате. Я так плачу, что никому не мешаю. Я чувствую кашель доктора, у которого кашель плача. Он чувствует плач и кашель. Кашель есть плач, если кашель чувствуешь. Я люблю Френкеля. Я люблю Тэссу. Я не знаю плача. Я хочу…

Я не могу плакать, ибо я чувствую плач Тэссы. Она меня чувствует. Я ее люблю. Я не хочу зла ей. Я ее люблю. Она меня чувствует, когда я плачу. Я не пойду ее провожать. Я знаю ее мысли. Она думает, что я притворяюсь, но я не притворяюсь. Я пойду к жене после того, что она уедет. Я не хочу сцен. Я люблю спокойствие. Я не буду плакать теперь, ибо все будут меня жалеть. Я не люблю, чтобы меня жалели, я хочу, чтобы меня любили. Я не пошел ее провожать, ибо Бог не хочет, чтобы я оставлял письмо. Я поцеловал Тэссу на прощание, пиша эти слова. Я не хочу, чтобы она думала, что я слабый человек. Она видела мои слезы, но не видела мою слабость. Я притворился слабым, ибо Бог этого хотел. Я знаю любовь моих людей, которые не хотят оставить мою жену одну. Я не пойду к жене, ибо доктор не хочет. Я останусь писать. Пусть мне дадут еду здесь. Я не хочу есть с накрытым скатертью столом. Я беден. Я не имею ничего и я не хочу ничего. Я не плачу, пиша эти строки, но у меня чувство плачет. Я не хочу зла моей жене. Я люблю ее больше всех. Я знаю, что если нас разлучат, то я умру от голода. Я плачу… Мне нельзя удержать мои слезы, которые капают на мою левую руку и галстук из шелка, но я не хочу их удерживать. Я буду писать

много, ибо чувствую мою гибель. Я не хочу гибели, а поэтому хочу ей любви. Я не знаю, что мне надо, но я хочу писать. Я пойду есть и буду есть с аппетитом, если Бог того хочет. Я не хочу есть, ибо я его люблю. Бог хочет, чтобы я ел. Яне хочу расстраивать моих людей. Если они будут расстроены, то я умру с голоду.' Я люблю Луизу и Марию. Мария дает мне пищу, а Луиза подает.

Я хочу спать, но моя жена не чувствует, она думает во сне. Я не думаю, а поэтому не пойду спать. Я не сплю от порошков. Мне могут дать какое угодно лекарство, а я не буду спать. Если мне впустят морфин под кожу, я не засну. Я знаю мои привычки. Я люблю морфин, но я не люблю смерти. Смерть есть морфин. Я не есть морфин. Моя жена приняла порошок с морфином, а поэтому чувствует дурь в голове. Она не спит. Я знаю, что доктор хочет, чтобы она спала. Я не хочу, чтобы она спала, но я ей дам сон. Сон будет великий. Она не умрет. Она будет жить. Ее смерть уже настала, ибо она не верит Френкелю. Она приняла порошок и не может заснуть. Я был с нею долго. Я сидел долго. Я притворился спящим. Я притворяюсь по чувству. Я чувствую и я исполняю. Я не противоречу чувству. Я не хочу притворства. Я не есть притворство. Я есть чувство Божье, которое меня заставляет. Я не факир. Я не колдун. Я есть Бог в теле. Все имеют это чувство, только никто им не пользуется. Я пользуюсь им. Я знаю его действие. Я люблю его действие. Я не хочу, чтобы думали, что мое чувство есть спиритический транс. Я не транс. Я — любовь. Я есть чувство в трансе. Я есть транс любовный. Я есть человек в трансе. Я хочу сказать и не могу. Я хочу писать и не могу. Я могу писать в трансе. Я есть транс с чувством, а этот транс называется разумом. Все люди есть разумные существа. Я не хочу неразумных существ, а поэтому хочу, чтобы все были в трансе чувства. Моя жена в трансе порошка, а я в трансе Бога. Бог хочет, чтобы я спал. Я сплю и пишу. Я сижу и сплю. Я не сплю, ибо я пишу. Я знаю, что многие скажут, что я пишу глупости, но я должен сказать, что все, что я пишу, имеет глубокий смысл. Я человек со смыслом. Я не люблю людей без смысла. Я хочу описать другую прогулку.

Я был раз в горах и попал на дорогу, ведущую на одну гору. Я пошел по ней и остановился. Я хотел говорить на горе, ибо почувствовал желание. Я не говорил, ибо подумал, что все скажут, что этот человек сумасшедший. Я не был сумасшедший, ибо я чувствовал. Я почувствовал не боль, а любовь к людям. Я хотел кричать с горы в городок Санкт-Мориц. Я не кричал, ибо почувствовал, что надо пойти дальше. Я пошел дальше и увидел дерево. Дерево мне говорило, что здесь нельзя говорить, ибо люди не понимают чувства. Я пошел дальше. Мне было жалко

расставаться с деревом, ибо оно меня почувствовало. Я пошел. Я зашел на высоту 2000 метров. Я стоял долго. Я почувствовал голос и закричал по-французски: «Parole!» Я хотел говорить, но мой голос был настолько силен, что я не мог говорить и закричал: «Я всех люблю и я хочу счастья!», «Я люблю всех!», «Я хочу всех!» Я не могу говорить по-французски, но я научусь, если я буду гулять один. Я хочу говорить громко для того, чтобы меня чувствовали. Я хочу любить всех, а поэтому хочу говорить на всех языках. Я не могу говорить на всех языках, а поэтому пишу и мое письмо будут переводить. Я буду говорить по-французски как умею. Я начал изучать речь французскую, но мне помешали, ибо мне шли люди навстречу, которые были удивлены. Я не хотел людей удивлять, а поэтому закрыл рот. Я его закрыл сейчас после того, что почувствовал. Я чувствую раньше того, что вижу. Я знаю раньше всех то, что будет. Я не буду [говорить] людям заранее. Я знаю, что надо для моей вставочки, чтобы она хорошо писала. Я понимаю мою вставочку. Я знаю ее привычки, а поэтому смогу выдумать лучшую. Я выдумаю лучшую, ибо я чувствую, что надо. Я не люблю нажимать, а фонтен-плюм любит нажим. Я привык писать карандашом, ибо он меня меньше утомляет. Фонтен-плюм утомляет мою руку, ибо приходится нажимать. Я придумаю вставочку без нажима. Нажим фонтен-плюма не дает красоту письма, а поэтому не надо нажимать. Нажимание мешает письму, но я не оставлю мою вставочку до тех пор, пока не придумаю другую. Если моя вставочка сломается, я ее отдам починить. Если перо устанет, я пойду купить другое. Я не брошу эту вставочку до тех пор, пока она будет писать. Я не оставлю вставочку до тех пор, пока не придумаю новую. Я хочу, чтобы люди работали для усовершенствования, а поэтому буду писать этой вставочкой. Я люблю усовершенствованные вещи. Я не люблю вещи. Я люблю вещи, если они нужные. Я не люблю рекламу, ибо она врет. Я люблю рекламу, ибо она правда. Я люблю правду, а поэтому буду писать этой вставочкой всю правду.

Я гулял и думал о Христе. Я христианин — поляк и католического вероисповедания. Я русский человек, ибо я говорю по-русски. Моя дочь не говорит по-русски, ибо война устроила мою жизнь так. Моя маленькая поет по- русски, ибо я ей пою песни русские. Я люблю песни русские. Я люблю речь русскую. Я знаю многих русских, которые не русские, ибо говорят по-иностранному. Я знаю, что русский тот, кто любит Россию. Я люблю Россию. Я люблю Францию. Я люблю Англию. Я люблю Америку. Я люблю Швейцарию. Я люблю Испанию, я люблю Италию, я люблю Японию, я люблю Австралию, я люблю Китай, я люблю Африку, я люблю Трансваль, я хочу любить всех, а

поэтому я есть Бог. Я не русский и не поляк. Я человек не чужестранец и не космополитанец. Я люблю землю русскую. Я буду строить дом в России. Я знаю, что поляки будут меня ругать. Я понимаю Гоголя, ибо он любил Россию. Я тоже люблю Россию. Россия чувствует больше всех. Россия мать всем государствам. Россия любит всех. Россия не политика. Россия любовь. Я поеду в Россию и покажу эту книгу. Я знаю, что меня многие поймут в России. Россия не большевики. Россия мать моя. Я люблю мою мать. Моя мать живет в России. Она полячка, но у нее разговор русский. Она питалась в России. Я питался хлебом русским и щами. Я люблю щи без мяса. Я Толстой, ибо я его люблю. Я хочу любви к моей России. Я знаю ее недостатки. Россия разрушила планы войны. Война бы кончилась раньше, если бы Россия не впустила большевика. Большевик не народ русский. Большевик не рабочий народ. Народ русский есть дитя. Его надо любить и им хорошо управлять. Я хочу назвать голову большевиков и не могу вспомнить его имени, ибо я не большевик. Большевики уничтожают все, что им не нравится. Я знаю людей, которые скажут, что я тоже большевик, ибо я люблю Голстого. Я скажу, что Толстой не есть большевик. Большевик есть партия, а Толстой не любил партийностей. Я не партия. Я есть народ. Я хочу, Костровского как правителя, а не Керенского. Керенский есть партия. Сазонов есть партия. Я не хочу называть имени головы большевиков, ибо я его не чувствую. Я знаю его имя. но я не чувствую, а поэтому не буду произносить. Я не хочу его смерти, ибо он человек с совестью. Он не хочет моей смерти, ибо я человек, а не зверь. Я знаю его привычки. Он убивает всех без исключения. Он не любит противоречий. Ллойд-Жордж тоже не любит противоречий. Ллойд-Жордж тот же, что голова большевиков. Я не люблю обоих, а поэтому не хочу им зла. Я знаю, что если все будут меня слушаться, то не будет войн. Я не могу заниматься политикой, ибо политика есть смерть. Я люблю политику Вильсона, но демократия есть тоже партия. Я не люблю партийностей, но я люблю усовершенствованную партию. Демократия есть совершенная партия, ибо все имеют права одинаковые. Я не люблю право, ибо никто не имеет прав. Я есть Бог и я имею права. Я не хочу людских прав. Все людские права выдуманы. Наполеон выдумал права. Его права были лучшими, но не значит, что эти права есть право Божье. Я знаю, что многие скажут, что без прав нельзя жить, ибо люди убьют друг друга. Я знаю, что люди не дошли до любви друг к другу. Я знаю, что люди будут любить друг друга, если я им скажу правду. Я судился не раз. Я судился с Дягилевым. Я выигрывал процессы, будучи прав. Я знаю, что Дягилев надеялся выиграть процесс, будучи

неправым. Я знаю одного человека, который называется Батт. Он директор в мюзик-холле «Паляс» в Лондоне. Я с ним сужусь уже 5 лет с лишком. Права дают возможность тянуть процесс бесконечно. Я знаю, что мой адвокат один из самых лучших в Лондоне. Я знаю, что он взял меня.

потому что надеялся заработать много больше, чем я ему даю. Я знаю, что он проиграет мой процесс, ибо маркиза Рипон, мой друг, умерла. Я знаю, что он надеялся на протекцию у маркизы Рипон. Маркиза Рипон не хотела ему помогать, ибо он есть еврей. Я люблю евреев, а поэтому мне было все равно. Я знаю, что он может выиграть процесс, если я ему дам возможность заработать. Я не могу ему платить тех денег, которые ему нужны. Я знаю, что Педеревский человек деловой и он понимает дела. Я ничего не понимаю в делах, а поэтому боюсь доверять мои дела сэру Луису. Я его люблю, но я ему не доверяю, ибо я заметил, что он тянет процесс. Я понимаю достаточно, чтобы понять его уловку. Я не боюсь проиграть процесс, ибо знаю, что я прав. Я не боюсь, что меня не впустят в Англию, ибо я проиграл процесс и не заплатил. Я не могу платить процесс, который я не должен. Я должен тогда, когда я не прав. Я знаю, что многие скажут, что все правы по-своему. Я скажу, что нет, ибо тот прав, кто чувствует, а не понимает. Я чувствую, что я прав, выиграв процесс у Дягилева, а поэтому не хочу пользоваться моими правами. Я не хочу денег от Дягилева, которые я не заработал. Батт хочет меня заставить платить неустойку, когда я ему дал работу, которая мне стоила жизни. Есть доктор английский, который может засвидетельствовать. Моя жена есть тоже свидетель. Она по правам не имеет никаких прав быть свидетелем, но я буду судиться так, что моя жена будет иметь все права. Я знаю, что Бог мне поможет.

Я не могу писать очень скоро, ибо эта вставочка
скверная.
Я не хочу умирать, а поэтому пойду гулять.
Я люблю говорить в рифму, ибо я есть рифма.

Я пошел гулять, но я не видел знакомых. Я знаю, что Богу нужно. Я не могу писать хорошо. Моя рука не пишет. Бог не хочет, чтобы я нажимал. Я не буду нажимать, ибо моя рука не может писать. Моя рука устала. Я хочу писать глупости. Я знаю, что моя жена глупа, а поэтому буду писать глупости. Я не могу больше писать, ибо у меня рука не пишет. Я не могу писать, ибо я хочу, чтобы мне дали воды. Горничная Луиза не чувствует меня, ибо думает, что я плакал из-за Тэссы. Я люблю Тэссу, но я плакал

не из-за нее. Я хотел плакать не потому, что я плакун. Я не плакун. Я человек очень большой воли. Я не плачу часто, но у меня чувство не выдерживает тяжести. Я люблю Ллойд-Жорджа. Я купил журнал «L'Illustration», Французский журнал, в котором фотографии Вильсона. Вильсон изображен выходящим из заседания. Он одет очень хорошо. В цилиндре и в жакете. Вильсон очень плохо вышел на фотографии, а Ллойд- Жордж очень хорошо. На первых страницах показаны заседания. Я видел мельком фотографии, а поэтому пойду их смотреть.

Журнал большой. В нем ничего нет, кроме глупостей. Этот журнал служит для богатого класса. Богатый класс любит Ллойд-Жорджа. Вильсона не любят, ибо его лицо скучное. Вильсон скучает на фотографии. Ллойд-Жордж блаженствует. Ллойд-Жордж притворяется веселым. Вильсон не притворяется скучным. Я заметил страницу первую в «L'Illustration», где показан портрет Вильсона. Этот портрет зарисовал Lucien Tonas. Рисовальщик англичанин. Ллойд-Жордж имеет рисовальщиков, которые все делают, что он хочет. Они зарисовали лицо Вильсона прямым и с натянутыми жилами. Рука его прямая. Ллойд-Жордж хочет дать понять, что Вильсон скучен. Я понимаю Вильсона хорошо, а поэтому этот портрет мне объяснил всю политическую интригу Ллойд-Жорджа. Я люблю Вильсона, а' поэтому не хочу ему зла. Я хочу, чтобы он жил, ибо он человек свободной мысли, а не мысли с натянутыми жилами на лбу. У Ллойд-Жорджев много жил на лбу, ибо они не умеют рисовать. Они показали ошибку. Два англичанина сзади Вильсона сговариваются вместо того, чтобы слушать речь Вильсона. Я понял цель Ллойд-Жорджа. Ллойд-Жордж хочет показать, что речь Вильсона скучна. Клемансо показан как человек не важный и которому скучно. На переднем плане один политический деятель, который не слушает Вильсона. У колонны военный человек с усами, который не то зевает, не то смеется. С другой стороны то же военное лицо с усами вздернутыми, у которого лицо улыбающееся. Напротив Клемансо сидит человек, у которого вид засыпающий. Общее впечатление, что речь Вильсона скучна. На первой странице «L'Illustration» 1919 года 25 января суббота показано то, что должно быть важно. Я понял из этой фотографии скучное впечатление. Я понял цель Ллойд-Жорджа. Цель Ллойд-Жорджа такая, чтобы вильсоновщину не слушали. Вильсоновщину надо слушать, ибо в ней есть смысл. В Ллойд-жорджевской речи много глупостей. Я не люблю речь глупую. Я не хочу глупые речи. Я люблю Ллойд-Жорджа, ибо он умен. Я не люблю его, ибо он глуп. Глуп он потому, что у него нет хороших чувств. Ллойд-Жордж хочет смерти Вильсона. Вильсоновщина не хочет смерти ллойд-жорджев. Клемансо

почувствовал ллойд-жорджевскую политическую интригу, ибо притворился ллойд-жорджем, а поэтому его хотели застрелить. Меня Ллойд-Жордж тоже захочет застрелить, ибо я его не люблю. На одной из страниц этого номера Иллюстрации показан портрет Ллойд-Жорджа. Впереди него стоит лакей, вытянувшись. Этот лакей полон медалей. Лакей получает эти медали от Ллойд-Жорджа, ибо исполняет его приказания. Ллойд-Жордж стоит позади и приготовил движение, которое смешит всех. Ллойд-Жордж всегда прибегает к этой уловке. Ллойд-Жордж смешон. Это верно, но его усмешка злая. Усмешка Ллойд-Жорджа напоминает улыбки Дягилева. Я знаю улыбки Дягилева. Все улыбки Дягилева сделанные. Моя маленькая научилась улыбаться, как Дягилев. Я ее научил, ибо я хочу, чтобы она раз улыбнулась Дягилеву, когда он будет у меня. Я не хочу ничего говорить моей жене, ибо она испугается, если узнает мои затеи. Я ей скажу тогда, когда все узнают. Я ей говорю, что все, что пишу, есть мои мемуары. Я не хочу писать моих мемуаров. Я пишу все, что было, и все, что есть. Я есть, а не то, что было. Ллойд-Жордж было, а не есть. Вильсон есть, а поэтому его надо слушаться.

Я не хочу говорить про портрет на другой странице, где показан Вильсон, ибо фотограф был англичанин.

Фотография Вильсона натянутая. У него цилиндр и длинное пальто. Он застегивается. Ллойд-Жордж нарочно расстегнул свое пальто, чтобы показать, что он другой. У ллойд-жорджев много котелков, у вильсоновщины много цилиндров. Я люблю котелки и цилиндры. Я не люблю шляпы для шляп. Я люблю шляпу по тому, что под шляпой. У Вильсона шляпа богатая, и у него в голове богато. У ллойд-жорджев шляпы бедные, и в голове бедно. Я знаю, что Ллойд-Жордж меня поймет. Я знаю, что он будет притворяться, что все, что я написал, есть глупость, или еще хуже, скажет, что все, что я пишу, есть истина и в то же время будет улыбаться злой знакомой улыбкой. Я убежден, что Вильсон загрустит после прочтенного не потому, что я хорошо пишу о нем. Вильсон меня полюбит, ибо он знает мои идеи. Вильсон будет со мною, ибо он чувствует. Клемансо не боится Ллойд-Жорджа и своих зачинщиков, а поэтому будет со мною.

Ллойд-жорджцы умрут скоро, ибо их затеи будут налицо. Я люблю помощь, а поэтому пойду к Клемансо, сказав ему. что у меня нет револьвера. Я знаю, что Клемансо меня возьмет за руку и скажет: «Слушайте меня. Я не хочу умирать, но если вы меня хотите убить, убейте». Я знаю, что Клемансо растрогает убийцу. Убийцы не англичане. Убийцы французы. Ллойд-Жордж знает, кого надо подослать. Ллойд-жорджцы любят убивать. Ллойджорджцы убийцы. Я знаю все, не будучи на месте

преступления. Я понимаю Каю, которого засадили нарочно, чтобы Клемансо мог выйти в министры. Каю человек не хороший, ибо хотел обмануть Францию. Франция его не поймала, потому что не было улик. Ллойд-Жордж не хочет, %тобы убивали Каю, ибо он его защитил. Ллойджорджцы хотят иметь во Франции человека, который сидел в тюрьме. Я хочу писать правду, а поэтому вру. Я не боюсь печати, ибо печать уже много скверного говорила про меня. Я не умею хорошо писать, а поэтому не могу сказать ловчее. Я пишу так, как придется. Я не притворяюсь. Я пишу правду, ибо хочу, чтобы все знали. Я знаю, что все скажут, что Нижинский сошел с ума, ибо пишет вещи, не видя. Я вижу все. Я знаю все. Я читал полемику Ллойд-Жорджа с Вильсоном. Я знаю, что многие скажут, что Нижинский не умеет читать по-французски. Я умею читать по-французски. Моя жена мне переводит английские журналы. Я люблю читать журналы. Моя жена читает и мне переводит речи очень важные. Я знаю речи Вильсона в Англии. Я знаю, что Вильсон не хотел ехать в Англию, думая, что его не поймут. Я знаю, что Вильсон был в Англии и говорил хорошо. Вильсон произвел большое впечатление на англиканцев.

Англиканцами называются ремесленники. Ремесленники полюбили Вильсона. Вильсон хочет говорить с ремесленниками как с одинаковыми людьми. Вильсон говорил правду. Вильсон не притворялся. Ллойд-Жордж заглаживает то, что Вильсон ему напортил своими речами. Вильсон знает, что такое Ллойд-Жордж. Ллойд-жорджцы есть те французы, которые сослали Дрейфуса, а Золя его освободил, но за то Золя задушили газами. Я спросил жену, что верно ли, что Золя задушили газами. На мой вопрос жена мне ответила, что Золя не задушили. Я промолчал, но я чувствую, что его задушили, а поэтому чувствую, что меня задушат. Я есть Золя. Я есть любовь. Золя говорил правду, и я говорю правду. Я буду всегда говорить правду. Моя жена вздыхает, ибо она думает, что я пишу о политике. Моя жена чувствует, что я пишу на французов. Я знаю мою ошибку, но я не хочу ее исправлять. Моя жена хочет смотреть, но я ей не даю, ибо я закрываю рукой мое письмо. Моя жена продолжает плакать в душе. Я не боюсь плача жены. Я люблю ее, но я не могу бросить моего письма. То, что я пишу, слишком важно, чтобы я прислушивался к плачам моей жены. Моя жена боится, что я пишу вещи непозволительные. Она плачет со слезами внаружу. Я смеюсь ее плачу, ибо я знаю значение ее плача. Я хочу ее успокоить, но моя рука пишет. Я буду продолжать о Вильсоне. Вильсон есть человек, а Ллойд-Жордж зверь. Жена читает то, что я пишу. Она смотрит под руку. Я ей скажу, что если она хочет знать раньше всех, то надо научиться читать по- русски. Я не

хочу, чтобы она читала по-русски, ибо не хочу, чтобы она знала все, что я пишу. Я не люблю, чтобы один человек знал раньше всех. Я напечатаю эту книгу скоро. Я не уверен, что я ее напечатаю в Швейцарии, ибо * я думаю, что швейцарцы запретят. Я знаю, что ллойд-жорджцы, или англикане, имеют везде сыщиков. Я знаю одного сыщика, у которого белая голова. Он притворяется, что он француз. Я знаю, что он англичанин. Он притворяется, что он художник, а я знаю, что его картины ничего не стоят. Он сыщик англиканцев. Моя жена плачет, ибо думает, что я остановлюсь. Я остановлюсь писать, если Бог того захочет.

Я люблю мою жену, ибо она почувствовала то, что я пишу. Она боится за меня. Она боится, что если меня убьют, то она с ребенком останутся сиротами, ибо ее мать не любит ее. Ее мать не любит ее, ибо она моя жена. Мать Ромушки есть женщина ужасная. Я ее люблю, но я знаю, если она узнает, что у меня нет денег, то она меня оттолкнет. Ее муж еврей, а поэтому он ее научил понимать деньги. Она не понимает деньги. Она их любит, потому что ее муж их любит. Мать Ромушки бросает деньги. Она откладывает деньги Кире, но она думает о том, что я ей дам денег, если понадобится. Она меня хорошо почувствовала, ибо сделала уловку хитрее лисицы. Она сговаривается с мужем вечером или ночью о этих вещах в постели, ибо она не спит. Ее муж хочет спать, но она ему не дает. Она любит думать ночью. Я знаю ее привычку, ибо жил с нею. Она меня любит, ибо знает, что я знаменитость. Я не люблю знаменитость.

Я хочу ей дать понять, что я сумасшедший для того, чтобы понять ее. Я люблю ее, но я знаю ее привычки. У нее хорошее сердце, но желчь разливается часто, ибо она ругается со своим мужем. Моя жена очень страдала от матери, когда я жил у них. Я тоже страдал, ибо моя жена страдала. Я знаю людей, которые скажут, что это неправда, ибо она целует мою жену, и меня, и маленькую. Я знаю иудейский поцелуй. Иуда был злой. Он знал, что Христос его любит. Он целовал его для показа. Я целую ее мать для показа. Она целует меня и жену с Кирой для показа. Я целую ее для показа, ибо хочу чтобы она думала, что я ее люблю. Она меня целует для того, чтобы я думал, что она меня любит. Я знаю, что она без души. Я знаю, что в ее сердце стекла лопаются, когда она говорит, что она любит меня. Она умеет притворяться плачущей, ибо она играет в театре. Я знаю, что ее игра не прочувствована, а притворная. Я говорю о ней хорошо, ибо не хочу, чтобы все думали, что я злой. Я не хочу притворяться, а поэтому пишу всю правду. Эмилия Маркуш есть Ллойд-Жордж. Она притворяется, что любит простых людей, а сама дает им пощечины. Я один раз обидел Луизу, но мне после было так

больно, что я не находил места. Эмилия очень счастлива после пощечины. Она всем рассказывает, Я обидел Луизу, а моя жена поправила мою ошибку, ибо она ей говорила, что я нервен и что я не хотел ее обижать, тогда Луиза, стыдясь, пришла ко мне извиняться. Я ей дал руку и сказал, что я ее люблю. Она меня почувствовала, и с тех пор мы любим друг друга. Я люблю мою жену и не хочу ей плохого, а поэтому пойду зарабатывать деньги для того, чтобы ее осчастливить. Я не хочу ей причинять горя, а поэтому заработаю столько, чтобы она могла прожить на всякий случай, еслй. меня убьют. Я не боюсь смерти, но моя жена боится. Она думает, что смерть вещь ужасная. Страдания душевные вещь ужасная. Я хочу, чтобы люди поняли, что смерть тела вещь не ужасная, а поэтому расскажу свою прогулку.

Я пошел гулять раз под вечер. Я шел скоро в гору. Я остановился на горе. Не Синайской. Я зашел далеко. Мне было холодно. Я страдал от холода. Я почувствовал, что мне надо встать на колени. Я встал на колени скоро. После того я почувствовал, что надо положить мою руку на снег. Я держал мою руку и вдруг почувствовал боль. Я закричал от боли и отдернул мою руку. Я смотрел на звезду, которая не говорила мне «здравствуй». Она мне не мигала. Я испугался и хотел бежать, но не мог, ибо мои коленки были прикованы к снегу. Я стал плакать. Мой плач не был услышан. Никто мне не пришел на помощь. Я любил гулять, а поэтому почувствовал ужас. Я не знал, что мне делать. Я не понимал цели моего замедления. После нескольких минут я обернулся и увидел дом заколоченный. Немного поодаль дом со льдом на крыше. Я испугался и закричал во всю глотку: «Смерть!» Я не знаю, почему, но я понял, что надо закричать «Смерть». Я после того почувствовал теплоту в теле. Теплота в теле мне дала возможность встать. Я встал и пошел по направлению к дому, в котором горела лампа. Дом был большой. Я не боялся зайти, но я подумал, что не надо заходить, а поэтому прошел мимо. Я понял, что если люди устают, то им нужна помощь. Я хотел помощи, ибо был очень уставший. Я не мог идти дальше, но вдруг почувствовал огромную силу и побежал. Бежал я не долго. Я бежал до тех пор, пока не почувствовал холод. Холод ударил меня в лицо. Я испугался. Я понял, что ветер идет с юга. Я понял, что южный ветер принесет снег. Я шел по снегу. Снег хрустел. Я любил снег. Я слушал снежное скрипение. Я любил слушать мой шаг. Мой шаг был полон жизни. Я посмотрел на небо и увидел звезды, которые мне замигали. В звездах я почувствовал веселье. Я стал весел и мне больше не было холодно. Я пошел дальше. Я шел скоро, ибо я заметил лесок, у которого не было листьев. Я почувствовал холод в моем теле. Я

посмотрел на небо и увидел звезду без движения. Я шел. Я шел быстро, ибо я почувствовал теплоту в теле. Я шел. Я начал спускаться с дороги, которой не было видно. Я пошел скоро, но был остановлен деревом, которое мне дало спасение. Я был перед пропастью. Я поблагодарил дерево. Оно меня почувствовало, ибо я уцепился за него. Дерево получило мою теплоту, а я получил теплоту дерева. Я не знаю, чья теплота была нужнее. Я пошел дальше и вдруг остановился. Я увидел пропасть без дерева. Я понял, что Бог меня остановил, ибо он меня любит, а поэтому сказал: «Если ты хочешь, я упаду в пропасть, если ты хочешь, я спасусь». Я стоял до тех пор. пока не почувствовал толчок· вперед. Я пошел. Я не упал в пропасть. Я сказал, что Бог меня любит. Я знаю, что все хорошее есть Бог, а поэтому был уверен, что Бог не хочет моей смерти. Я пошел дальше. Я шел скоро, спускаясь с горы. Я прошел отель Чантарелло. Я подумал, что все названия важны, ибо люди будут ходить для того, чтобы увидеть, где я гулял. Я понял, что Христос тоже гулял. Я гулял с Богом. Я уходил от отеля. Я почувствовал плач, ибо понял, что вся жизнь в отеле Чантарелло есть смерть. Люди веселятся, а Бог грустит. Я понял, что не вина людей, что они в таком положении, а по'этому их полюбил. Я знал, что моя жена думает много, а мало чувствует, и стал рыдать так, что мне горло захватывало. Я рыдал, закрывая мое лицо руками. Я не стыдился. Мне было грустно. Я боялся за мою жену. Я хотел ей хорошего. Я не знал, как быть. Я понял, что вся жизнь моей жены, а также всего человечества есть смерть. Я ужаснулся и подумал, как было бы хорошо, если бы жена меня послушалась. Я шел и шел. Я знаю, что все скажут, что жена хорошо живет. Я знаю, что жена хорошо живет. Я знаю, что Стравинский тоже хорошо живет. Я живу тоже хорошо с женою. Я думаю, что я хорошо живу. Стравинский-композитор тоже думает. Я знаю, что такое жизнь. Стравинский Игорь не знает, что такое жизнь, ибо меня не любит. Игорь думает, что я враг его целям. Он ищет разбогащения и славы. Стравинский хороший писатель музыки, но он не пишет с жизни. Он выдумывает сюжеты, в которых нет цели. Я не люблю сюжеты без цели. Я ему часто давал понять, что такое цель, но он думал, что я мальчишка глупый, а поэтому говорил с Дягилевым, который одобрял все его затеи. Я не мог ничего говорить, ибо я считался мальчишкой. Стравинский был мальчишка с длинным носом. Он не был евреем. Его отец был русский и дядька поляк. Я тоже поляк, но без длинного носа. Стравинский вынюхивает. Я не вынюхиваю. Стравинский есть мой друг, который меня в душе любит, ибо он чувствует, но он меня считает врагом, ибо я ему мешаю. Дягилев любит Мясина, а не меня, и поэтому

Стравинскому неудобно. Стравинский не любит свою жену, ибо он ее заставляет исполнять все его прихоти. Стравинский скажет, что я не видел их жизни, а поэтому не могу говорить о их жизни. Я скажу, что я видел их жизнь, ибо я почувствовал любовь его жены к нему. Я почувствовал, что Стравинский не любит его жену, а живет с ней для детей. Он любит своих детей странно. Его любовь сказывается в заставлении своих детей рисовать красками. Его дети хорошо рисуют. Он есть император, а его дети с женою и прислугой солдаты. Стравинский мне напоминает императора Павла, но его не задушат, ибо он умнее императора Павла. Дягилев хотел его задушить не раз; только Стравинский хитер. Ему нельзя жить без Стравинского, а Стравинский не может жить без Дягилева. Оба понимают друг друга. Стравинский борется с Дягилевым очень ловко. Я знаю все ужимки Стравинского и Дягилева.

Один раз, это было во время моего освобождения из Венгрии, я заехал в Морж к Стравинскому и попросил его, в полной надежде не быть отказанным, чтобы Стравинский с женою согласились взять моего ребенка на хранение. Я знал, что у него много детей, а поэтому понимал, что он может сохранить мою Киру, если я поеду в Северную Америку. Я не хотел брать мою маленькую. Я хотел ее оставить на руках другой матери, любящей. Я спросил Стравинского, будучи счастлив, чтобы он взял мою Киру на хранение. Его жена чуть не заплакала, а Стравинский сказал, что он сожалеет о том, но он не может взять ребенка, ибо он боится заразы и не хочет отвечать за смерть моей маленькой Киры. Я его поблагодарил и больше ничего не говорил ему. Я посмотрел печально на его жену и почувствовал ответ тот же. Она мне ничего не сказала, но я ей сказал моим плачем, который она почувствовала. Она женщина и поэтому чувствует, что такое ребенок в поезде и пароходе. Она меня жалела. Я знаю, что она не была согласна с мужем, потому что ее муж объявил все очень быстро и настойчиво дал почувствовать своей жене, что он этого не хочет. Я ему сказал, что я заплачу все расходы по Кире. Он не хотел соглашаться. Он мне посоветовал, когда я был с ним один, отдать мою Киру одной из гувернанток, которая будет жить в отеле. Я ему сказал, что я не могу оставить моего ребенка на чужие руки, ибо я не знаю, любит ли эта женщина Киру. Я не люблю людей, оставляющих своих детей на чужие руки. Я не могу писать, ибо мне помешали, говоря о глупостях. Я хочу сказать, что дети должны быть всегда с матерями. Я взял мою Киру в Америку. Стравинский провожал меня на вокзале. Я ему Дал руку очень холодно. Я не любил его, а поэтому хотел дать ему почувствовать, но он меня не почувствовал, ибо он меня

поцеловал. Я не знаю, поцелуй был ли иудейский или дружеский, но я имел скверное чувство. Я уехал в Америку. Я был в Америке год с половиной. Я не любил ездить с ребенком, а поэтому его оставил в Нью- Йорке. Стравинский мне ничего не писал. Я ему тоже ничего. не писал. Теперь я уже живу почти полтора года, а о нем ничего не знаю. Стравинский человек сухой. Я человек с душой. Я не люблю комплименты, а поэтому не хочу отвечать, когда меня спрашивают, «эгоист ли я или нет». Я испугался кашля жены, ибо она подумала, что я ее не люблю, потому что я ей не ответил на ее вопрос. Я не могу писать, ибо мое сиденье твердое. Я люблю сидеть на твердом кресле.

Жена получила телеграмму. Я не знаю, что жена думает. Она…

Она не понимает меня. Она любит меня. Моя Ромушка любит меня, но она меня не понимает. Она думает, что все, что я говорю, плохо. Она меня критикует. Доктор Френкель всегда прав. Я не прав. Я не понимаю ее, если Бог не хочет. Бог хочет, чтобы я понимал, а поэтому велит мне писать. Я пишу все, что думаю. Я думаю все, что чувствую. Мои чувства хороши. Я хожу, когда чувствую походку, я говорю, когда чувствую, что говорю. Я не думаю заранее, что буду говорить. Я не хочу обдумывать речи. Мои речи искренни, ибо я не думаю. Всякая моя речь не обдуманная, а поэтому я делаю ошибки. Мне Бог помогает. Я люблю Бога. Он меня любит. Я знаю, что все забыли, что такое Бог. Все думают, что это враки. Ученые говорят, что Бога нет. Я говорю, что Бог есть. Я чувствую его, а не думаю. Я знаю, что матери меня поймут скорее, ибо они чувствуют смерть каждый раз перед родами. Мать знает, что если Бог не будет с нею, то никакой акушер или оператор не спасет ее жизни. Я знаю людей, думающих, что люди живут не от Бога. Я знаю, что люди скажут, что Бога нет, что все, что мы делаем, есть движущие материи. Я знаю людей, у которых мало материи. Я знаю людей больных. Больные больше чувствуют, ибо думают, что умрут скоро. Больные работают над Богом, не зная того. Я работаю над ним, когда я здоров. Я не больной человек. Мне жена верит, что я здоров, и не хочет более докторов. Она мне поверила, ибо увидала вещи, которые простой человек не может выдумать. Я выдумал новый фонтен-плюм и мост— железная дорога по проволоке, которая может уничтожить все пароходы. Я знаю, что все скажут, что я говорю глупости, но я могу доказать ученым в технике.

которые меня поймут. Я знаю, что с моей находкой можно уничтожить все железные дороги. Я знаю, что если я уничтожу все железные дороги, то скорость сообщения увеличится в 10 раз,

если не больше. Я не умею считать, но у меня говорит чувство. Я знаю способ уничтожения угольных копей. Я не люблю людей, которые заставляют бедных рыть землю. Я не хочу разорять людей. Я выдумал способ получать физическую силу без угля. Я могу доказать ученым мою выдумку, если они у меня спросят. Я знаю, что если уголь уничтожится, то не будет дымов, вредящих людскому здоровью. Я знаю, что такое поезд. Я не люблю поездки в поезде, а поэтому буду ездить на аэроплане. Я знаю, что все боятся аэроплана, ибо он подвержен погоде. Я знаю способ для сообщения, который не подвержен погоде. Я знаю технику, но я не могу сказать, ибо мои рукописи у жены. Жена хочет денег, а поэтому ей их надо дать. Если мне обещают деньги, то я покажу эти рукописи. Я не Ллойд-Жордж. Я говорю правду. Я люблю людей и хочу им хорошего. Я знаю, что все скажут, что я эгоист и отдал моей жене эти рукописи вместо того, чтобы отдать людям. Я знаю, что меня скорее поймут, если я буду играть человека того же, что и другие, а поэтому я буду понят скорее. Мне осталось мало жить, а поэтому я хочу поскорее исполнить мои задачи. Мои задачи есть задачи Бога. Я не притворство. Я правда. Я знаю, что если я буду говорить всю правду, то меня убьют люди. Я не боюсь одного человека. Я боюсь людей. Мне жалко людей. Я хочу им помочь. Я буду прибегать ко всем уловкам, которые мне Бог укажет, но я знаю, что Бог не хочет ни моей жене страданий, ни людям. Я люблю мою жену, так же как и людей, а поэтому хочу ей того же счастья, что и людям. Люди скажут, что не надо любить одного человека, когда весь народ страдает. Я скажу, что не надо страданий одного человека для счастья людского, ибо я знаю, что Христос пострадал, а его никто не понял. Я знаю людей, которые его поняли, но они маскировали романами и стихами. Толстой и другие писатели писали после своих романов вещи на Бога. Они поняли, что такое Бог, но они боялись жизни. Я не боюсь жизни. Моя жена боится за меня, а поэтому она мне передает страх. Я не боюсь. Я испытал страх смерти в пропасти. Меня никто не хотел убивать. Я шел и упал в пропасть, и меня удержало дерево. Я не знал, что дерево было на дороге. Я был мальчиком, и отец меня хотел научить плавать. Он меня бросил в купальную воду. Я упал и пошел на дно. Я не умел плавать, но я почувствовал, что не имею воздуха, тогда я закрыл рот. Воздуха у меня было мало, но я его хранил, думая, что если Бог захочет, то я спасусь. Я пошел прямо, куда, не знаю. Я шел и шел и вдруг под водой почувствовал свет. Я понял, что там, куда иду, мелко, и пошел быстро. Я дошел до стены. Стена была прямая. Я не видел неба. Я видел над собою воду. Вдруг я почувствовал силу физическую и прыгнул. Когда я прыгнул, то увидел веревку. Я уцепился за

веревку и был спасен. Я говорю все, что было со мною. Вы можете спросить мою мать, если она не забыла про эту историю, которая была в Петербурге на Неве в купальной для мужчин. Я видел, как мой отец кувыркался и падал в воду, но я боялся. Я не любил кувырканий. Я боялся. Я был 7- или 6-летним мальчиком и не забыл эту историю, а поэтому произвожу впечатления на мою маленькую очень хорошие, ибо знаю, что ребенок не забывает того, что было с ним. Доктор Френкель мне сказал, чтобы я ничего скверного не делал по отношению Киры, ибо ребенок не забывает того, что отец или мать делают. Он мне сказал, что его отец был один раз зол на него, и он не может до сегодняшнего дня забыть этой злости. Доктор Френкель искривил лицо, и я почувствовал обиду его отца. Я чуть не заплакал. Мне было жалко. Я не знаю, кого надо было жалеть, мальчика или отца. Я знаю, что оба бедные. Я цх обоих люблю. Я понял, что ребенок потерял любовь отца, а отец потерял любовь Бога. Бог хотел его любви, но он потерял ее. Я сказал доктору Френкелю, что я понимаю его и больше не буду прибегать к зверским поступкам. Я знаю, что такое, что моя жена телефонирует доктору Френкелю. Она думает, что я ушел гулять, и говорит с доктором откровенно. Я понимаю, что жена меня любит, ибо она не говорила ничего скверного на меня. Она дала ему понять, что я консервативен и что меня трудно убедить, но со временем можно изменить все, что я говорю. Я понимаю, что жена хочет мне хорошего, а поэтому притворюсь изменяющимся. Я покажу изменение на практике. Я хочу много денег, а поэтому поеду в Цюрих, чтобы добыть деньги за работу. Все думают, что биржа есть работа, а поэтому я буду играть на бирже с моими деньгами. Я возьму мои последние деньги. Их немного. Около 300 франков. Я знаю, что Бог мне поможет, но я боюсь, ибо я думаю, что я обижу бедных, играющих на маленькие деньги. Я не хочу грабить маленьких, ибо маленькие бедные. Маленькие ищут счастье, а богатые подбирают упавших такими способами, что маленькие пускают пули себе в лоб. Я не хочу пули маленьких и богатых, а поэтому буду так играть, чтобы не ограбить ни одних и ни других. Я знаю, что я выиграю, ибо я с Богом.

Я показал моей жене мою любовь, ибо я не взял мои рукописи, когда она хотела мне их отдать. Она сказала, что я должен их спрятать, а я сказал, нарочно, что лучше спрятать у нее, ибо у меня своруют. Она взяла рукописи и спрятала. У нее чувство хорошее, но она думает, что эти рукописи принесут ей деньги. У нее очень мало денег. Вес думают, что у нее миллионы, а она носит жемчуги фальшивые и одно кольцо фальшивое. Я ей дал это для того, чтобы все думали, что она богата. Я заметил,

что люди доверяют богатым, ибо думают, что деньги вещь нужная. Я понял обратное и поэтому хочу разбогатеть. Бог хочет счастья моей жене и людям, а поэтому я буду искать деньги. Я не хочу этого счастья, но я чувствую, что через это счастье я дам другое. Вильсон понимает политику. Он не любит политику. Я знаю, что он пойдет со мною, если я ему покажу способ. Вильсон человек хороший, его надо беречь. Разбойники должны его бояться. Яне хочу смерти Вильсона, ибо он человек нужный для человечества. Я ему выдумаю охрану. Я ему скажу, что надо для того, чтобы он оберегся. Я знаю способ оберегания. Я чувствую взгляд пристальный сзади. Я есть кошка. Я хочу, чтобы люди испытали на мне, и они' увидят, что я прав. Все разбойники будут бояться меня. Я знаю, что сыщик чувствует. Я есть сыщик с чувством. Я чувствую не носом, а разумом.

Я не боюсь нападок. Если меня хотят побить, я не буду драться, а поэтому мой враг будет обезоружен. Я знаю, что мне скажут, что есть люди, которые будут бить человека до смерти, если он не будет им отвечать. Я знаю, что Бог их остановит. Я уверен, что этот человек почувствует злость на минуту, но после остановится. Хотите попробовать, то попробуйте. Я знаю, что Ллойд-Жордж и Дягилев и им подобные люди попробуют. Но я более убежден, что их попытки будут безрезультатны. Они меня не убьют. Они могут ранить, но не убьют. Я не боюсь страданий, ибо Бог будет со мною. Я знаю, что такое страдание. Я умею страдать. Я покажу Вильсону, что я знаю, если он придет ко мне. Я не пойду к нему, ибо я считаю его человеком, а не президентом Америки.

Вильсон есть большой человек. У него величина головы маленькая, но в ней очень много.

У Ллойд-Жорджа голова большая и ум большой, но у него нет разума. Ломброзо говорил о головах и он их изучал. Яне читал Ломброзо. Я знаю-из того, что мне жена говорила. Я спросил ее. что «о головах» говорил Ломброзо или другой ученый, а на это мне жена ответила, что Ломброзо говорил не только «о головах», но и о других вещах. Тогда я ей нервно ответил, что я знаю, но я ей дал понять, что мне нужны «головы».

Голова Ллойд-Жорджа больная, а Вильсона здоровая. Голова Ллойд-Жорджа вздутая, а Вильсона правильная. Вильсоновщина чувствует, а Ллойд-Жорджевские головы думают. Вильсоновщина тоже думает, но у нее головы чувствуют. Я знаю, что скажут, что головы не чувствуют, а нервы. Тогда я скажу, что нервами чувствуют люди больные, как например: сумасшедшие, у которых нет разума. Я есть сумасшедший с разумом, а поэтому мои нервы воспитанные. Я нервничаю, когда хочу. Я не нервничаю, когда

мне надо убедить людей, что я не нервен. Я знаю, что Ллойд-Жордж человек нервный, но он себя рисует спокойным и румяным. В его журналах показывают Вильсона нервным, а его румяным. Ллойд- Жордж боится, что все заметят его уловку, а поэтому прибегает к этой мальчишеской уловке. Я знаю, что мальчишки показывают языки, но Ллойд-Жордж не показывает языков. Он хочет, чтобы все думали, что он не показывает языков. Но он хочет, чтобы все думали, что Вильсон показывает. Клемансо не мальчишка. Клемансо хороший человек. Я люблю Клемансо. Я страдаю за его боль в плече. Я боюсь за него, ибо он испугался. Я знаю, что он человек, а поэтому он не испугается выстрела Ллойд-Жорджа. Ллойд-Жордж всегда прибегает к этой уловке, чтобы людей заставлять делать все. что он хочет. Ллойд-Жордж имеет полицию, которая занимается всей этой уловкой. Я знаю этих людей. Я могу показать вам их, если вы мне обещаете их потрогать. Я не хочу линча. Я люблю этих людей. Эти люди все это делают, ибо им показали деньги. Эти люди бедны, им нужно для пропитания своих детей. Я люблю этих людей и знаю, что они меня поймут, если Ллойд-Жордж им позволит читать эту книгу. Я знаю, что Ллойд-Жордж не позволит им читать посредством очень хитрой уловки. Он позволит напечатать, но в газетах Ллойд-Жорджа будут смеяться. Ллойд- Жордж меня поймет. Я знаю, что он меня испугается, но я знаю, что он притворится улыбающимся. Я знаю, что Ллойд-Жордж работает ночью, ибо у него глаза слабые. Он много пишет. Он говорит мало. Он выдумывает на бумаге. У него много бумаги, а поэтому ему не жалко писать. Он пишет все, что думает, а после того люди разрабатывают его мысли. Я тоже пишу, но мне жалко бумаги, а поэтому мое письмо маленькое. Я иногда пишу большими буквами для подчеркивания моей мысли. У Ллойд- Жорджа все буквы большие. Я не видел письма Ллойд- Жорджа, но я уверен, что он пишет большими буквами, ибо боится, что его не поймут. Он пишет скоро и ловко. У него много привычки. Его понимают, ибо он потратил много времени на письмо. Я знаю, что он занимался рукописью. Его рукопись очень красивая. Он пишет четко. Я не пишу четко, ибо я не хочу, чтобы меня все понимали. Ллойд-Жордж боится, что его не все поймут, ибо он чувствует свои ошибки. Ллойд-Жордж человек ужасный, его не надо убивать. Я хочу с ним говорить, если меня допустят. Я не хочу его убивать из револьвера. Я хочу ему доказать, что все, что он сделал, принесло столько вреда, что ему нельзя заплатить его волосами, ибо у него недостаточно на голове. Я ему скажу, что для того, чтобы заплатить все, что он истребил, он не в состоянии без Бога. Для того, чтобы заплатить, надо любить Бога.

Я хочу, чтобы он понял Бога, а поэтому я хочу ему

объяснить, что Бог может ему помочь, если он меня послушается. Я знаю, что он покажет мне улыбку, но я ему не отвечу, ибо я не улыбающийся человек. Я люблю людей с улыбкой, но не деланной. Я не люблю улыбки Дягилева, ибо он их делает. Он думает, что люди не чувствуют. Ллойд-Жордж изображает себя рабочим, думая, что народ его будет любить. Ллойд-Жордж не понимает народ. Ллойд-Жордж хочет, чтобы его слушались. Ллойд- Жорджцы заставляют Ирландию делать вещи, которые она не хочет.

Ирландия есть любовь и она хочет любить Англию, но Ллойд-Жордж хочет возбуждать народ ирландский на ссоры, ибо он хочет воевать с Ирландией. Я знаю одного представителя Ирландии, у которого жена англичанка. Эта жена йпокритического воспитания. Ее муж понимает ее уловки, но он любит ее. Она не любит его, хотя имеет ребенка от него. Я заметил их любовные отношения случайно. Я был у них на чае. Муж тоже был. Ее муж человек хороший, ибо его улыбка чувствительная. Улыбка его жены возбудительная. Я не ответил ей на ее улыбку. Я ответил мужу ее на улыбку. Она пишет мне «сегодня» письма, в которых хочет мне дать почувствовать, что она меня любит. Я вижу из письма уловки хитрой женщины. Я понял ее письмо. Она хочет меня заставить приехать в Англию, говоря, что русский балет имеет успех. Этот успех я понял хорошо. Она дала мне понять, что Мясин тоже очень талантливый человек. Я понял всю цель этой женщины. Она чувствует Мясина. Мясин понял ее, а поэтому говорил про меня очень хорошо. Мясин очень хороший мальчик. Я его люблю, но я люблю его иначе. Мясин притворяется, что меня любит. Я не притворяюсь. Я это заметил из того, когда я в Мадриде увидел его балет, который сочинил Дягилев. Я пошел его поздравить и, будучи в его уборной, я его поцеловал. Мясин подумал, что я его целую иудейски, ибо Дягилев ему доказал мои злые поступки.

Я знаю, что Дягилев ему это доказывал, из простого случая, ибо я был тоже Мясиным у Дягилева в продолжение 5 лет. Я не понимал Дягилева. Дягилев меня понимал, ибо у меня ум был очень маленький. Дягилев понял, что меня надо воспитывать, а поэтому надо, чтобы я ему поверил. Я его спрашивал, отчего ты бросил человека, который тебя любил. На это он мне ответил, что не он его бросил, а этот человек бросил его, и рассказал мне всю выдуманную историю. Этого человека звали… Я не хочу говорить его имени, ибо он исправился. Этот человек полюбил одну известную в России танцовщицу. Я знаком с нею. Она меня очень мало знает. Она знает, что я Нижинский. Она любит мои танцы. Я

знаю, что она любит мои танцы, ибо она улыбалась с чувством, когда я танцевал. Я знаю этого человека, который жил с Дягилевым тем же способом, что и я. Я люблю этого человека. Этот человек не любит меня, ибо думает, что я ему отбил работу у Дягилева. Я знаю, что Дягилев научил этого человека любить вещи искусства. Этот человек любил вещи искусства и пристрастился. Дягилев ему покупал вещи искусства. Этот человек любил Дягилева так же, как и я. Я не любил Дягилева за его воспитание любить мальчиков.

Я понял, что Кира не хочет меня видеть, ибо я ей сегодня сказал, что она занимается онанизмом. Она почувствовала, когда я на нее смотрел. Ее мать и моя жена почувствовала тоже. Ее мать думала, что я неправильно осуждаю ребенка, а поэтому мне сказала что-то в защиту Киры. Я ответил резко на ее замечание и еще раз показал Кире, что я понимаю ее. Я стал ковырять палец, а затем сделал то движение, которое Кира делает, занимаясь онанизмом. После того я оставил их обеих в комнате. Я пошел мыться, ибо Бог мне сказал, что пора умываться. Я остался один в комнате, но почувствовал ошибку. Я не хотел, чтобы Кира меня боялась, а поэтому сделал еще хуже. Когда она проходила, я ее позвал и сказал ей, что я знаю, что она сегодня занималась онанизмом и что если она хочет, то может уйти, а если она хочет, то может остаться со мною. Она ушла. Я почувствовал боль в душе. Я не хотел ей зла. Она поняла, что я ее не люблю, а поэтому ушла. Я знаю, почему она ушла. Я заметил одно движение ребенка ко мне, но я его оттолкнул, ибо я думал, что будет лучше, если она уйдет. Ребенок почувствовал и ушел. Я плакал в душе. Я хотел позвать ее. Я пошел ее искать, но нашел ее с женщиной Красного Креста. Я сказал вслух, что Кира меня не любит, ибо она мне сказала. После нескольких секунд я сказал, что она ушла, а уйти значит меня не любить. Женщина почувствовала боль в душе и чуть не заплакала, но ум ей подсказал, что надо уговаривать Киру, чтобы она мне сказала, что она меня любит. Я ушел, а Кира в душе плакала. Я знаю, что она плакала, ибо я видел ее лицо искаженное. Я страдал. Я не хотел ее страданий. Я хотел ей дать понять, что я ее люблю. Я ей сказал после, что я ухожу, ибо она меня не любит. Я заметил, что на нее произвел впечатление. Мать ее испугалась, ибо думала, что я хочу ей плохого. Я сказал ей, что я имею право воспитывать моего ребенка. Мать почувствовала обиду, ибо думала, что я сказал нарочно для ее замечания. Я не сказал для замечания. Я ушел вниз и стал записывать мою цель. Позвонили по телефону, и я описал услышанное, ибо жена думала, что я ушел гулять. За завтраком я дал жене почувствовать, что я знаю, что она говорила

с Д. Френкелем. Она мне соврала, ибо боялась меня. Я почувствовал, что сладкое блюдо полно лекарствами, а поэтому оставил его и попросил фрукты. Я знал, что в сладком было лекарство. ибо жена взяла очень мало. Я взял нарочно много для того, чтобы она думала, что я не знаю, но через несколько времени я показал жене, что я нюхаю, а мой нюх чувствует вещи нехорошие. Я оставил сладкое, показывая на него так, чтобы все могли понять, что сладкое нехорошее. Прислуга, пришедшая случайно, спросила меня, не видя, что я оттолкнул сладкое, «что хорошо». Я ответил «великолепное». Она почувствовала то, что я сказал, и увидела сладкое начатое и не конченное. Я не буду есть вещи с лекарствами, а таким образом они удивятся, что я знаю вещи, которые я не видел. Я буду не нюхать, а чувствовать. Я понюхал, ибо Бог того хотел…

Я оставил человека, которого Дягилев любил до меня.

Дягилев любил этого человека физически, поэтому ему было нужно, чтобы он его любил. Для того, чтобы он его любил, Дягилев его пристрастил к вещам искусства. Дягилев пристрастил Мясина к славе. Я не был пристращен к вещам и к славе, ибо этого не чувствовал. Дягилев заметил, что я человек скучный, а поэтому меня оставлял одного. Я один занимался онанизмом и бегал по девочкам. Девочки мне нравились. Дягилев думал, что я скучаю, но я не скучал. Я занимался танцами и сочинял балет один. Дягилев не любил меня, ибо я сочинял один балет. Он не хотел, чтобы я делал один вещи, которые ему не по нраву. Я не мог соглашаться с ним во взглядах на искусство. Я ему говорил одно, а он мне говорил другое. Я часто с ним ругался. Я запирался на ключ, ибо наши комнаты были рядом. Я не впускал никого. Я боялся его, ибо я знал, что вся практическая жизнь в его руках. Я нё выходил из комнаты. Дягилев тоже оставался один. Дягилев скучал, ибо все видели нашу ссору. Дягилеву было неприятно видеть лица, спрашивающие, что такое с Нижинским. Дягилев любил показать, что Нижинский его ученик во всем. Я не хотел показывать, что соглашаюсь с ним, а поэтому часто ругался с ним при всех. Дягилев обращался за помощью к Стравинскому, это было в Лондоне в одном из отелей. Стравинский поддерживал Дягилева, ибо знал, что Дягилев бросит меня. Тогда я почувствовал ненависть к Стравинскому, ибо видел, что тот поддерживает неправду, и притворился, что побежден. Я человек был не злой. Стравинский думал, что я злой мальчишка. Я имел не больше 21 года. Я был молод, а поэтому ошибался. Мои ошибки я всегда хотел заглаживать, но, заметя, что меня все не любят, я стал притворяться злым. Я не любил Дягилева, а жил с ним. Я ненавидел Дягилева с первых дней с ним знакомства, ибо

знал силу Дягилева. Я не любил силу Дягилева, потому что он ею злоупотреблял. Я был беден. Я зарабатывал 65 рублей в месяц. 65 рублей в месяц мне не были достаточны для прокормления моей матери и себя. Я нанимал квартирку с тремя комнатами, которые стоили 35–37 рублей в месяц. Я любил музыку. Я познакомился с Князем Львовым Павлом, который меня познакомил с Графом Польским. Я забыл его имя, ибо я хочу так. Я не хочу обижать всю фамилию, ибо я забыл маленькое его имя. Этот Граф купил мне пианино. Я не любил его. Я любил Князя Павла, а не Графа. Львов меня познакомил по телефону с Дягилевым, который меня позвал в отель Европейская гостиница, где он жил. Я ненавидел его за его голос слишком уверенный, но пошел искать счастья. Я нашел там счастье, ибо я его сейчас полюбил. Я дрожал как осиновый лист. Я ненавидел его, но притворился, ибо знал, что моя мать и я умрем с голоду. Я понял Дягилева с первой минуты, а поэтому притворялся, что я согласен на все его взгляды. Я понял, что жить надо, а поэтому мне было все равно, на какую идти жертву. Я работал много над танцами, а поэтому себя чувствовал всегда уставшим. Но я притворялся, что я весел и не устал, для того, чтобы Дягилев не скучал. Я знаю, что Дягилев чувствовал, но Дягилев любил мальчиков, а поэтому ему было трудно меня понять. Я не хочу, чтобы люди думали, что Дягилев злодей и что его надо посадить в тюрьму. Я буду плакать, если ему сделают больно. Я его не люблю, но он есть человек. Я люблю всех людей, а поэтому не хочу им причинять боль. Я знаю, что все ужаснутся прочитав эти строки, но я хочу их напечатать во время моей жизни, потому что знаю их действие. Я хочу произвести впечатление живое, а поэтому пишу мою жизнь в жизни. Я не хочу, чтобы читали мою жизнь после смерти. Я не боюсь смерти. Я боюсь нападок. Я боюсь зла. Я боюсь, чтобы люди скверно не поняли меня. Я не хочу зла Дягилеву. Я умоляю всех, чтобы его оставили в покое. Я его люблю одинаково со всеми. Я не Бог. Я не могу судить людей. Бог будет его судить, а не права. Я против всех прав. Я не Наполеон. Я не Наполеон, который наказывает людей за их ошибки. Я Наполеон, который прощает ошибки. Я дам пример, а вы должны его повторить. Дягилев сделал зло не вам, а мне. Я его не хочу наказывать, ибо я его уже наказал тем, что все знают его ошибки. Я наказал самого себя, ибо я сказал всем про себя. Я говорил о многих других для их наказания. Я не хочу, чтобы все думали, что я пишу для ипокритической цели. Если все захотят наказывать тех, о которых я написал, я скажу, что все, что я написал, есть вранье. Я скажу, чтобы меня посадили в сумасшедший дом. Я не пишу для возбуждения людей против ошибок. Я не имею права судить. Судья есть Бог, а не люди.

Большевики не есть Боги. Я не большевик. Я есть человек в Боге. Я говорю устами Бога. Я люблю всех и хочу любви всем. Я не хочу, чтобы все ругались. Все ругаются, ибо не понимают Бога. Я всем объясню Бога, но я не буду объяснять, если люди будут смеяться. Я говорю о вещах, затрагивающих весь мир. Я есть мир, а не война. Я хочу мира всем. Я хочу любви на земном шаре. Земной шар разлагается, ибо его топливо потухает. Топливо будет еще греть, но не много, а поэтому Бог хочет любви раньше, как земной шар потухнет. Люди не думают о звездах, а поэтому им непонятен мир. Я думаю часто о звездах, а поэтому я знаю, что такое я. Я не люблю астрономию, ибо астрономия нам не дает понятия о Боге. Астрономия хочет нас научить географии звезд. Я не люблю географию. Я знаю географию, ибо я изучил. Я не люблю границ государств, ибо понимаю, что земля есть одно государство. Земля есть голова Бога. Бог есть огонь в голове. Я живу до тех пор, пока у меня огонь в голове. Мой пульс есть землетрясенье. Я есть землетрясенье. Я знаю, что если не будет землетрясений, то земля потухнет, а с потухшей землей потухнет вся жизнь человека, ибо человек не будет в состоянии получать пищу. Я есть пища духовная, а поэтому не питаю кровью. Христос не хотел питать кровью, как это поняли в церквах. Люди ходят молиться, а их напаивают вином, говоря, что это кровь Христа. Кровь Христа не опьяняет, а наоборот, дает трезвость. Католики не пьют вина, но прибегают к ипокритическому средству. Католики проглатывают белые лепешки и думают, что проглатывают тело и кровь Господню. Я не тело и кровь Господня. Я есть дух в теле. Я есть тело с духом. Бог не может быть без тела или без духа. Кровь и дух в теле есть Господь. Я есть Господь. Я есть человек. Я есть Христос. Христос говорил, что он есть дух в теле, но церковь исказила его ученье, ибо они ему не дали жить. Они его укокошили. Его укокошили люди бедные, которым дали много денег. Эти бедные после себя перевешали, ибо не могли жить без Христа. Я знаю, что люди злы, потому что им трудно жить. Я знаю, что те, которые будут печатать эти страницы, будут плакать, а поэтому не надо удивляться плохой печати. Плохая печать выходит из рук бедных людей, у которых мало силы. Я знаю, что печать портит глаза, а поэтому хочу, чтобы мое письмо фотографировали. Фотография портит один глаз, а печать многие глаза. Я хочу сфотографировать мою рукопись, только боюсь испортить фотографию. У меня есть фотографический аппарат, и я им пробовал фотографировать и проявлять пленки. Я не боюсь красного света, но я боюсь порчи, ибо пленка вещь хорошая и ее надо любить. Я предпочту дать человеку мой аппарат, чтобы он мне сделал один снимок. Я люблю мой аппарат, ибо думаю, что

он мне пригодится. Я чувствую обратное. Я не хочу снимать, ибо у меня мало времени. Я хочу заниматься театром, а не фотографией. Ядам фотографию тем, которые любят ее. Я люблю фотографию, только я не могу ей отдать всю мою жизнь. Я отдам фотографии всю мою жизнь, если люди мне докажут, что с нею можно понять Бога. Я знаком с синематографами. Я хотел работать с синематографами, но я понял их значение. Синематограф служит для размножения денег. Деньги служат для размножения синематографических театров. Я понял, что синематограф дает заработать одному лицу, а театр многим. Мне трудно работать в театре, но я предпочту лишения, чем синематограф. Дягилев мне не раз говорил, что надо придумать что-то вроде синематографа, ибо их сила велика. Бакст, художник известный, еврей русский, говорил, что это хорошо для денег. Я ничего не говорил, ибо чувствовал, что Бакст с Дягилевым думают, что я мальчишка и поэтому не могу сказать своей мысли. Дягилев всегда ищет логику в мысли. Я понимаю, что мысль без логики не может существовать, но логика не может существовать без чувства. Дягилев имеет логику и чувство, но чувство есть другое. У Дягилева чувство скверное, а у меня чувство хорошее. Дягилев чувствует скверно не потому, что у него голова больше всех, а потому, что в голове плохое чувство. Ломброзо говорит, что чувства узнаются по форме головы. Я скажу, что чувства узнаются по делам людей. Я не есть ученый, а я понимаю хорошо. Я понимаю хорошо, ибо у меня хорошие чувства.

Многие не любят фонтен-плюм, потому что трудно впускать чернила. Чернила впускаются насосом, который сделан из стеклянной трубочки и резиновой… Я не знаю, как называется вещь из резины, которая заканчивает стеклянную трубочку. Я беру эту трубочку и втягиваю чернила так, чтобы воздух не попал. Для того чтобы воздух не попал, надо окунуть трубочку в чернила. После того, что трубочка переполнена, надо опустить конец трубочки в чернила вставочки. Часто люди ошибаются, принимая пузырь за чернила, ибо видят конец кружка. Я могу различить кружок чернильный от кружка воздушного. Я знаю, что оба кружка черные, но кружок с воздухом менее черен, ибо моя физиономия чище. Я люблю физиономию черную, а поэтому раньше, чем взять чернила в трубочку, я высасываю воздух. Высосав воздух, я проверяю, есть ли еще воздух. Затем я беру чернила и впускаю в чернила, находящиеся во вставочке. Часто воздух мешает входу чернил во вставочку, и люди нервные портят платья или пачкают физиономию, ибо чернильный пузырь лопается. У пузыря нет терпения, он лопается, когда ему хочется. Я знаю его уловки, а поэтому чувствую, когда надо остановиться.

Я не думаю, когда мне надо остановиться. Я останавливаюсь по повелению Бога. Я снова высасываю воздух, а затем вливаю чернила до тех пор, пока воздух мне не мешает. Я настолько приспособился. что я не теряю много времени на вливание чернил и не вздыхаю перед каждым разом его наполнения чернилами. Люди пугаются чернил, ибо чернила нехороши. У меня чернила Blueblack Stephens Writing — эти чернила скверные, ибо в них мало чернила. Чернила разбавлены водой, ибо человек хочет разбогатеть. Ему не важно, удобно ли человеку писать или нет. У него нет любви к людям. У него любовь к деньгам. Я понимаю его хорошо. У него есть дети и ему хочется оставить им деньги. Я не люблю деньги, когда знаю их страдания душевные. Я знаю, что всякому хочется иметь фонтенплюм. Я знаю, что матери покупают фонтен-плюмы барышням для их учений. Я знаю, что всякая барышня любит платья. Я знаю, что она плачет после того, как запачкает чернилами свое платье. Она не боится ругани отца или матери. Она все переносит. Ей жалко платье, ибо она знает его цену. Отец работает долго. Ему трудно. Он покупает дорогие материи своей дочери для того, чтобы показать свою любовь дочери. Дочь плачет, ибо чувствует обиду душевную. Ей больно. Она не показывает этого платья своему отцу. Отец, заметив, раздражается, ибо ему больно. Я знаю его цель. Он не хочет, чтобы дочь скрывала от него то, что она сделала. То, что было сделано, было сделано не дочерью и вставочкой. Это сделал тот человек, который придумал чернила. Я не хочу обвинять этого человека. Я хочу показать ошибки людей. Я не хочу, чтобы чернила были с водой. Я хочу чернил без воды. Человек для рекламы выпускает несколько тысяч бутылок с хорошими чернилами, а после, заметя, что люди покупают, выпускает миллионы бутылок с водою. Я знаю уловки чернильных заводов. Я знаю уловки импресарио. Дягилев есть тоже импресарио, ибо держит труппу. Дягилев научился обманывать у других импресарио. Он не любит, чтобы ему говорили, что он импресарио. Он понимает значение импресарио. Все импресарио считаются за воров. Дягилев не хочет быть вором, а поэтому он хочет, чтобы его называли меценатом. Дягилев хочет попасть в историю. Дягилев обманывает людей, думая, что никто не знает его цели. Дягилев красит свои волосы, чтобы не быть старым. У Дягилева волосы белые. Дягилев покупает черные помады и натирает их. Я заметил эту помаду на подушках Дягилева, у которых наволочки черные. Я не люблю наволочки грязные, а поэтому мне было противно при виде их. Дягилев имеет два передних зуба фальшивых. Я это заметил, ибо когда он разнервничается, то трогает их языком. Они шевелятся, и я их

вижу. Мне Дягилев напоминает старуху злую, когда он шевелит двумя передними зубами. У Дягилева передний клок накрашен белыми красками. Дягилев хочет, чтобы его заметили. Его клок пожелтел, ибо он купил скверную белую краску. В России его клок был лучше, ибо я его не заметил. Я заметил гораздо позже, ибо не любил обращать внимание на прически других. Моя прическа мне мешала. Я ее всегда изменял. Мне говорили: «Что вы делаете со своими волосами? Вы всегда меняете Вашу прическу». Тогда я говорил, что я люблю менять прическу, ибо не хочу быть одним и тем же. Дягилев любил, чтобы о нем говорили, а поэтому надел на один глаз монокль. Я его спросил, почему он носит монокль, ибо я заметил, что он хорошо видит без монокля, тогда Дягилев мне сказал, что один его глаз плохо видит. Тогда я понял, что он мне наврал. Я почувствовал боль глубокую. Я понял, что Дягилев обманывает меня. Я не верил ему ни в чем и стал развиваться один, притворяясь, что я его ученик. Дягилев почувствовал мое притворство и меня не любил, но он знал, что он тоже притворяется, а поэтому оставлял меня. Я его стал ненавидеть открыто и один раз его толкнул на улице в Париже.

Я его толкнул, ибо хотел ему показать, что я его не боюсь. Дягилев меня ударил палкой, потому что я хотел уйти от него. Он почувствовал, что я хочу уйти, а поэтому побежал за мною. Я бежал шагом. Я боялся быть замеченным. Я заметил, что люди смотрят. Я почувствовал боль в ноге и толкнул Дягилева. Мой толчок был слабый, ибо я почувствовал не злость к Дягилеву, а плач. Я плакал. Дягилев меня ругал. Дягилев скрежетал зубами, а у меня на душе кошки царапали. Я не мог больше удержаться и пошел медленно. Дягилев пошел тоже медленно. Мы пошли медленно. Я не помню, куда мы шли. Я шел. Он шел. Мы пошли и пришли. Мы жили долго. Я жил скучно. Я горевал один. Я плакал один. Я любил мою мать и писал ей каждый день письма. Я плакал в этих письмах. Я говорил о моей будущей жизни. Я не знал, как быть. Я забыл то, что писал, но у меня осталось чувство, что я плакал горько. Моя мать почувствовала, ибо отвечала письмами. Она не могла мне ответить на мои цели, ибо цели были мои. Она ждала моих намерений. Я боялся жизни, ибо я был очень молод. Я уже женат пять с лишним лет, я жил с Дягилевым тоже 5 лет. Я не могу считать. Мне теперь 29 лет. Я знаю, что мне было 19 лет, когда я познакомился с Дягилевым. Я любил его искренне, и когда он говорил, что любовь к женщинам есть вещь ужасная, то я ему верил. Если я ему не поверил, я бы не мог делать то, что я делал. Мясин не знает жизни, ибо у него родители были богаты. У них ничего недоставало. У нас не было хлеба. Мать пошла в цирк Чинизелли, чтобы заработать немного

денег. Мать стыдилась такой работы, ибо она была известная артистка в России. Я понимал все, будучи ребенком. Я плакал в душе. Моя мать тоже плакала. Я один раз не выдержал и побежал к Бурману, моему другу, его звали Анатолий, он теперь женат на Клементович. Я побежал к его отцу и рассказал, что моя мать страдает от денег. Тогда его отец [пианист] сказал мне. чтобы я пошел к управляющему императорских театров в Петрограде. Я побежал. Мне было всего 14–15 лет. Управляющего звали Дмитрием Александровичем Крупенским[19]. Директор был Теляковский. Государь был Николай Второй. Я любил театр. Я пошел в контору. Когда вошел, испугался, ибо увидел сухие смеющиеся лица. Я вошел в комнату, где сидел Крупенский. Он носил черную бороду. Я его испугался, ибо я боялся бороду. Я дрожал, как осиновый лист. Я не хотел ему ничего говорить. Я молчал. Крупенский и другие чиновники стали смеяться. Я задрожал еще больше. Я дрожал, а все смеялись. Крупенский меня спросил, что я хочу, тогда я ему сказал, что мне надо 500 рублей для уплаты долгов моей матери. Я узнал эту цифру случайно. Я не думал, что говорю. Я дрожал. Я встал. Я почувствовал лица скучные. Я ушел. Я бежал скоро, задыхаясь. Крупенский и черная борода гнались за мною. Я бежал. Я кричал про себя: «Я больше не буду, я больше не буду». Я плакал в душе, но слезы не выходили. Я знал, что если я приду к моей матери, то она меня поймет, а поэтому побежал к ней и рассказал ей обо всем. Я не умел врать. Когда я начинал врать, я дрожал, как осиновый лист. Я был листом Божьим. Я любил бога, но я не любил молиться. Я не знал, что мне надо делать. Я жил, и жизнь проходила. Я не понимал дел и не любил, но мне Бог помогал. Я получал уроки. На уроках я был прост. Я был счастлив работать. Я плакал часто в моей комнате. Я любил иметь мою отдельную комнату. Я думал, что я большой, если у меня отдельная комната. В отдельной комнате я мог много плакать. Я читал Достоевского. Я читал «Идиота» [в] 18 лет и понял его значение. Я хотел быть писателем и изучал неумело рукопись Достоевского. Я изучал Гоголя. Я переписывал Пушкина, думая, что если я буду писать, копируя, то я научусь писать стихи и романы, как Пушкин. Я переписывал много, но почувствовал, что все это глупости, и бросил. Я жил просто. У нас было хлеба достаточно. Моя мать любила угощать. Она звала людей, когда чувствовала, что у нас много. Моя мать любила знакомства, а поэтому их звала. Я любил тоже знакомых, а поэтому слушал все, что говорили старшие. Я понимал старших, а поэтому меня тянуло к старшим. Я понял мою ошибку после, ибо у старших были другие задачи, чем у меня. Оттого, что я любил старших, маленькие меня оттолкнули, ибо меня не

понимали. Я знал мальчика Гончарова. Я не помню его маленького названия. Я вспомнил, его звали Леонидом. Леонид пил водку, я не пил водку. Мы были в школе вместе. Общая жизнь в школе нас соединила, но не вместе, ибо его привычки я не перенял. Я не знаю, кто научил его пьянствовать. Его лицо было бледно и наполнено прыщами. Воспитатели не понимали детей, ибо запирались в дежурную комнату, где читали или принимали своих знакомых. Я понимаю воспитателей, которым скучно при детях. Я понимаю, что дети не понимают воспитателя. Воспитатель вещь трудная. Я не отдал мою Киру на воспитание, ибо понимаю, что такое воспитание. Я хочу, чтобы люди воспитывали своих детей сами, а не отдавали чужим, ибо чужие скучают.

Я не мог писать, ибо я подумал над письмом. Я хотел сказать, что жизнь детей зависит от их воспитания. Воспитатели не могут воспитывать детей, ибо они не женаты. Если они женаты, то они скучают по своей жене и детям. Я знаю одного воспитателя, у которого были любимчики. Он назывался Исаенко. Я любил его, но чувствовал, что он не любит меня. Я боялся его, думая, что он хочет мне зла. Он меня позвал раз к себе на квартиру, сказав мне, что хочет меня научить французскому языку. Я пошел к нему, думая научиться, но по приходе он меня посадил на стул и дал книгу. Я почувствовал скуку. Я не понимал, зачем он меня позвал, когда он дает мне книгу в руки. Я читал вслух, но мне было скучно. Исаенко позвал меня есть вместе с другими. Я почувствовал, что он платит за еду и комнату людям, у которых живет. Я не понял французского языка, ибо они говорили по-русски. Женщина была молода и худа. Ее нервы были испорчены, ибо она много двигалась. С нею был один молодой мужчина, не помню, как выглядел. Ее лицо мне запечатлелось. Она имела малюсенькую собачку, которая все бегала по столу и лизала тарелку у нее. Она любила эту собачку. Я не любил эту собачку, потому что она была больная. У нее тело было испорченное. Она была худенькая. Ножки длинненькие. Ушки маленькие. Глазки выпуклые. Словом, собачка была малюсенькая. Я почувствовал жалость к собачке, и мне стало грустно. Исаенко смеялся над собачкой, ибо она была малюсенькая. Я чувствовал, что я был лишний, ибо они хотели о чем-то говорить и промолчали. Я почувствовал секрет. Я хотел уходйть, но не знал как. Исаенко мне улыбался. Я почувствовал отвращение и ушел, оставляя на тарелке все наложенное. Я знал, что он. Я ушел с чувством скверным к Исаенке и всем находящимся. Я чувствовал тошноту. Я не мог продолжать уроков французского языка и избегал Исаенку. Исаенко меня преследовал и придирался к моим

баллам. Я получал колы, т. е. единицы. У нас была двенадцатибалльная система, и самый большой балл считался 12. Яне учил французский язык, ибо чувствовал отвращение. Учитель французского языка чувствовал, что я не люблю французский язык, и злился. Я не учил французский язык, а когда он меня спрашивал, я слушал подсказку. Он мне ставил баллы когда как. Ему надо было показать, что его ученики хорошо учатся, а поэтому он мне ставил хорошие баллы. Я стирал единицы и ставил девятки. Я любил переправлять баллы. Француз не замечал, и никто меня не трогал. Я оставил мой французский язык.

Закон божий я не любил изучать, ибо я скучал очень. Я любил приходить в класс закона божьего, ибо любил слушать прибаутки Батюшки. Батюшка был не мой, а чужой, ибо он говорил о своих детях. Он нам показывал монету и говорил, что этой монетой он учит своих детей понимать его. Я знал, что у моей матери нет денег, а я ее понимаю, а поэтому почувствовал скуку. Батюшка не был Батюшкой, ибо Батюшка хороший человек, а этот батюшка вздерживал свой гнев. Все дети замечали, что он вздерживает свой гнев, а поэтому позволяли вслед шалости. Я знаю шалости, ибо был зачинщиком во многих шалостях. Я шалил много, а поэтому меня все мальчики любили. Я им показал, что я знаю лучше всех стрелять из рогатки, ибо попал в глаз доктору, который был на извозчике, когда мы ехали каретами в театр. Я любил карету, ибо мог из нее стрелять в проходящих. Я стрелял очень метко. Я не уверен, что попал я в доктора, но мне было совестно отказаться, когда мальчики показали пальцем на меня, испугавшись, что их выгонят. Я любил мою мать и заплакал. Мой плач растрогал воспитателя, который был очень хороший человек, только он много пил, и все дети смеялись над ним, ибо он был смешон. Дети его любили, ибо он никогда не обижался. Многие плакали, когда узнали, что он умер от пьянства. Его похоронили, но ни один мальчик не пошел на похороны. Я тоже боялся, а поэтому не пошел.

Меня обвинили в преступлении, и инспектор мне говорил нравоучения. Я боялся нравоучений, ибо чувствовал злость инспектора Писничевского. Нисничевский был человек злой, но он не выбрасывал детей на улицу, ибо знал, что дети бедных родителей. Писничевский позвал мою мать и сказал ей, что он меня не выбрасывает, но не может оставить без наказания, а поэтому считает нужным, чтобы моя мать меня взяла на две недели. Я почувствовал великую боль в душе и чуть не упал в обморок. Я боялся за мать, ибо я знал, как ей трудно доставать деньги. Мать меня взяла и выдрала розгами, принесенными

дворником. Я не боялся розог, но я боялся моей матери. Мать меня била больно, но я не чувствовал злости матери. Мать меня била, потому что думала, что это самый лучший способ. Я почувствовал любовь к матери и сказал, что «больше не буду». Она меня почувствовала и поверила. Я почувствовал, что мать мне верит, решил учиться хорошо. Я стал получать баллы хорошие, и все смеялись, говоря, что розги матери мне помогли. Воспитатели улыбались, а мальчики смеялись. Я смеялся тоже, ибо не чувствовал обиды. Я любил мою мать, а поэтому мне было приятно, что все знают. Я рассказал, как она меня била. Дети боялись и больше не смеялись. Я стал хорошо учиться и давал хороший пример, только французский язык и закон божий мне не давался.

Я знал русский закон божий, ибо ходил в церковь всякий раз. Я любил ходить в церковь, ибо любил видеть серебряные иконы, которые играли. Свечки продавались, и я их иногда продавал с Исаевым, моим другом по онанизму. Я его любил, но чувствовал, что то, чему он меня научил, есть скверная вещь. Я страдал, когда мне хотелось. Я хотел всякий раз, когда ложился в постель. Исаенко заметил, что я занимаюсь онанизмом, но ничего мне не говорил ужасного. Я заметил, что в школе никто не знает о моих привычках, а поэтому продолжал. Я продолжал до тех пор, пока не заметил, что мои ганцы начинают быть хуже. Я испугался, ибо я понимал, что моя мать будет разорена скоро и я не смогу ей помочь. Я стал бороться с похотью. Я себя заставлял. Я говорил: «Не надо». Я учился хорошо. Я бросил онанизм. Мне было около 15 лет. Я любил мою мать, и любовь к моей матери меня заставила улучшиться. Я учился хорошо. Все стали меня замечать. Я получал баллы 12. Моя мать стала счастливой. Она мне говорила часто, что розги мне помогли. Я ей говорил, что это так, но сам чувствовал другое. Я любил мою мать бесконечно. Я решил заниматься танцами еще больше. Я стал худеть. Я стал танцевать как Бог. Все стали говорить. Будучи еще в школе, я уже выступал как первый танцовщик. Я не понимал, почему мне дают танцевать такие роли. Я любил показаться. Я был горд. Я любил гордость, но я не любил похвалу. Я не хвастался. Меня любили драматические ученики. Я с ними был вместе. Я познакомился с одной ученицей, которая меня выбрала как любимчика. Она меня называла «Нежинка». Она мне подарила альбом с бархатом и в нем наклеила вырезки из газет. В этих вырезках я прочел, что меня называют «вундеркиндом», и критика была подписана: Светлов[20]. Я не любил того, что обо мне пишут, ибо почувствовал, что все это похвалы. Я сказал своей подруге по школе, что я не люблю все, что пишут. Она мне сказала, что я не

понимаю, и пригласила меня к ним на квартиру, говоря, что хочет меня познакомить с ее отцом и матерью. Я почувствовал любовь к ней, но я ей не показал. Я любил ее духовно, а поэтому ей всегда улыбался. Я улыбался всегда. Я любил улыбаться всем, ибо я заметил, что меня все любят. Я любил всех. Когда я пришел к моей подруге, я обедал, затем знакомые стали заниматься спиритизмом. Они положили руки на стол, и стол двигался. Все стали этому удивляться. Ее отец, генерал, не любил глупостей, а поэтому уходил. Я почувствовал глупость и оставил их, уходя домой. Я пришел домой уставший, ибо не понимал цели моего приглашения. Я не любил приглашений, а поэтому отказывал на приглашения. Мне предложили уроки бальных танцев, ибо знали мою славу в России. Я имел 16 лет. Я пошел на уроки и давал деньги моей матери. Мать меня жалела, но почувствовала ко мне великую любовь. Я почувствовал тоже большую любовь к моей матери и решил, что ей буду помогать в деньгах. Я кончил школу 18 лет. Меня выпустили наружу. Я не знал, как быть, ибо не умел одеваться. Меня приучили к мундиру. Я не любил платий городских, а поэтому не знал, как их надо надевать. Я думал, что сапоги с большими подметками есть красивы, а поэтому купил сапоги с большими подметками…

Я хочу описать мой выпуск. Я был выпущен. Я чувствовал свободу, но эта свобода мне была страшна. Я получил в награду за хорошее ученье евангелье с надписью моего учителя закона божия. Я не понимал этого евангелия, ибо оно было написано по-латыни и по-польски. Я очень плохо говорил и читал по-польски. Если бы мне дали евангелие на русском языке, я бы понял легче. Я начал читать и бросил. Я не любил читать евангелие, ибо оно мне было непонятно. Книга была красивая и печать богатая. Я не чувствовал евангелья. Я читал Достоевского. Достоевский мне давался легче, поэтому я читал, проглатывая. Проглатывание было великое, ибо когда я читал «Идиота», то чувствовал, что Идиот не есть «идиот», а человек хороший. Я не мог понять «Идиота», ибо был еще молод. Я не знал жизни. Я теперь понимаю «Идиота» Достоевского, ибо меня принимают за идиота. Я люблю, что все думают, что я идиот. Я люблю чувство, а поэтому притворился идиотом. Я не был идиот, ибо я не нервен. Я знаю, что люди нервные подвергаются сумасшествию, а поэтому боялся сумасшествия. Я не сумасшедший, и идиот Достоевского не идиот. Я почувствовал нерв и сделал ошибку над буквой и. Я люблю эту букву, ибо это Бог мне показал, что такое нерв. Я не люблю нервности, ибо знаю ее последствия. Я хочу писать спокойно, но не нервно. Я пишу скоро и отрывисто, но не нервно. Я не хочу писать медленно, ибо для меня не важно красоваться, а важно писать скоро. Я не хочу, чтобы мой почерк нравился. Я хочу, чтобы моя мысль нравилась. Я пишу эту книгу для мысли, а не для почерка. У меня рука устает, ибо я не привык много писать, но я знаю, что скоро она привыкнет. Я чувствую боль в руке, а поэтому пишу плохо и отрывисто. Все скажут, что мой почерк нервный, ибо буквы отрывисты. Я скажу, что почерк мой не нервный, ибо у меня мысль не нервная. Моя мысль льется спокойно, а не резко.

Вильсоновщина мне не дает покоя. Я хочу вильсоновщине благополучия. Я надеюсь, что моя книга ему поможет, а поэтому хочу ее скоро напечатать. Для того чтобы эту книгу скоро напечатать, я хочу поехать в Париж, но для того, чтобы поехать в Париж, надо подготовиться. Я знаю, что в Париже много злых людей, а поэтому хочу себя оберечь. Я хочу написать Решке[21] письмо по- польски, а для этого мне надо немного привыкнуть. Я ему скажу всю правду, а поэтому он мне поможет. Я хочу писать по-польски, но не в этой тетради.

По-польски я писал и написал письмо Решке. Решке поляк заядлый. Он меня поймет, если я ему наговорю много комплиментов. Комплименты я не люблю. Комплнменты вещь не нужная. Я не комплиментщик. Я есть тот. который говорит

правду. Правда есть разная. Разное есть разное. Я написал письмо Дягилеву и его друзьям, показав им зубы. Мои зубы не кусались. Я кусаю без боли. У меня желудок чист. Я не люблю есть мясо. Я видел. как убивают ягненка и свинью. Я видел и чувствовал их плач. Они чувствовали смерть. Я ушел, чтобы не видеть смерти. Я не мог выдержать. Я плакал, как ребенок. Я поднялся на гору и не мог дышать. Я почувствовал задыхание. Я почувствовал смерть ягненка. Я плакал, подымаясь на гору. Я выбрал гору, где нет людей. Я боялся насмешек. Люди не понимают друг друга. Я понимаю людей. Я не хочу им зла. Я хочу их спасти от зла. Я знаю, что люди не любят спасений, а поэтому не хочу себя навязывать. Мое навязывание не даст спасения. Мои звезды мне говорят: «Иди сюда, иди сюда». Я знаю, что такое мигание. Я знаю, что такое жизнь. Жизнь есть жизнь, а не смерть. Я хочу смерть для жизни. Я не могу писать, ибо я устал. Я устал, потому что спал. Я спал, спал и спал и спал. Я хочу писать теперь. Я пойду спать, когда Господь велит. Я послушник, я есть он. Он есть Бог, а я в Богу. Боги, Боги, Боги есть. Я хочу сказать по-французски, ибо я писал по-французски всем во Франции, кроме Решке. Решке человек со связями, а поэтому я его попрошу мне прислать польские бумаги. Бумагами я называю все бумаги, где сказано о рождении и городе крещения. Я крещен в двух городах. Я родился в одном граде.' Град мой был и есть моя мать. Мать не может ничего сказать. Я прошу ее любви. Я хочу ее любви. Я пишу, пишу, пишу. Я хочу, хочу, хочу.

Я хочу немного написать в рифму, но у меня мысль в другом. Я хочу писать о моих прогулках.

Мои прогулки были пешком. Я любил іунять один.

Я люблю гулять один. Я хочу один, один. Ты один и я один. Мы одни и вы одни.

Я хочу писать, писать. Я хочу сказать, сказать.

Я хочу сказать, сказать, я хочу писать, писать.

Почему нельзя говорить в рифму, когда можно говорить в рифму. Я есть рифма, рифма, риф. Я хочу рифа, нариф. Ты нариф и я нариф. Мы есть риф, ты риф, мы риф. То есть Бог, и я есть он. Мы есть, вы есть, они.

Я хочу сказать, сказать, я хочу писать, писать.

Я хочу сказать, сказать, что ты хочешь спать и спать.

Я хочу писать и спать.

Ты не хочешь спать, писать.

Я пишу, пишу, пишу.

Ты пишешь, пишешь, пишешь.

Я хочу сказать тебе,

Что нельзя, нельзя, нельзя.

Я не льзя, не льзя, не льзя.
Ты ты ля ты ля ля га Ля га ля га ля гу ля га Га ля гу ля ля гу ля га Га ля гу ля ля гу ля.
Я хочу сказать тебе,
Что нельзя писать тебе.
Я пишу тебе, тебе.
Я скажу тебе, тебе.
Я хочу писать, писать.
Я хочу не спать, но срать.
Я хочу, что ты пошел.
Я хочу, что ты пошел.
Ты пошел, и я пошел.
Мы пошли, и вы пошли.
Ты не хочешь там гулять,
Я не хочешь там гулять.
Гуля гуля гуля ля ля
Ля гу ля гу ля гу ля.
Ты есть гу ля гу ля гу.
Ты есть гу гу гу гу гу.
Гу гу гу гу гу гу гу гу гу.
Я хочу сказать, что спать.
Я хочу сказать, что спать.
Ты не хочешь спать со мной.
Ты не хочешь спать со мной.
Я с тобой и ты со мной.
Я с тобой и ты со мной.
Мы есть вы, а вы во мне.
Я хочу тебе, тебе.
Ты мне хочешь, ты есть Он.
Я есть Он, и ты во мне.
Мы есть вы, они есть Ты.
Ты, ты, ты, ты, ты, ты, ты.
Я хочу тебе сказать.
Что ты хочешь спать, спать, спать. Я не хочу хочу спать,
Ты не хочешь хочешь спать,
Я пойду с тобою срать.
Ты есть сра, а я не сра.
Я не сра млю сра млю сра,
Сра сра сра сра сра сра сра
Я хочу сказать, что спать.
Я хочу сказать, что срать.
Я серу, и ты серешь.
Я серешу, я серу.
Ты серешешь, ты серу.

Я серу, а ты в [нрзб.] = [серу]
Я есть сру, ты есть сру.
Мы есть серем, вы в серу.
Я сру, сру, сру, сру, сру. сру.
[строка срезана в фотокопии]
Я в серу и ты в серу.
Мы есть серем, вы есть сру.
Сру, сру, сру, сру, сру, сру, сру.
Я хочу сказать, серу.
Я хочу сказать, что сру.
Сру, сру, сру, сру хорошо.
Я есть сру, я есть хорош.
Я хорош, что сру хорош.
Я хорош, что сру хорош.
Я серу, серу, серу.
Я серу, серу, серу.
Я хочу сказать, что сру.
Я хочу сказать, что сру.

Я серу, серу, серу Я серу, серу, что сру.
Ты что, хочешь, хочешь спать?
Я хочу немного спать.
Ты не спишь, что я хочу Я хочу, что ты не спишь.
Спишь, спишь, спишь, спишь, спишь, спишь, спишь.
Я не сплю, а ты есть спишь.
Я хочу, что ты спишь, спишь.
Ты не хочешь, что ты спишь.
Я не сплю, когда ты спишь.
Я не сплю, когда ты спишь.
Я хочу тебе добра.
Ты не хочешь мне, мне зла.
Я хочу добра, добра.
Ты не хочешь спать всегда.
Я хочу тебе сказать.
Я хочу сказать тебе,
Что ты спишь, спишь, спишь, спишь, спишь.

Я писал тем же способом по-французски и надеюсь, что меня поймут. Я хочу сказать людям о любви друг к

другу. Я знаю, что они будут смеяться по получении этих писем, но я знаю, что эти стихи их удивят. Я знаю, что все думают, что я умер, ибо я давно не давал никакого слуху о себе. Я хочу, чтобы обо мне забыли, ибо я хочу произвести сильное впечатление. Мое первое выступление будет в Париже в «Шатле». Я люблю Шатле, ибо этот театр простой и большой. Я не хочу много денег для себя, ибо я хочу дать спектакль в пользу бедных французских артистов, пострадавших от войны.

Я хочу им сказать о любви друг к другу, а поэтому хочу говорить с ними. Я хочу, чтобы они пришли ко мне. Я знаю, что они придут после этого благотворительного спектакля. Я хочу говорить со всеми артистами, ибо им хочу помочь. Я им скажу, что я их люблю и что я им всегда буду помогать. Я не хочу помогать деньгами, а поэтому им скажу, что их буду навещать, если они будут любить друг друга. Я притворюсь шутом, ибо они меня легче поймут.

Я люблю шутов Шекспира. У них много юмору, но они злятся иногда, а поэтому не есть Боги. Я есть шут в Боге, а поэтому люблю шутить.

Я хочу сказать, что шут там хорош, где есть любовь. Шут без любви не есть Бог. Бог есть шут. А я есть Бог. Мы есть Боги, вы есть Бог.

Я хочу сказать, что Бог.

Бог есть Бог, а Бог есть Бог.

Я чувствую холод в моих ногах и понимаю, что мне надо,

идти скоро спать. Наверху ходят, а поэтому я чувствую, что придут меня искать. Я не хочу спать, ибо много спал днем, но меня хотят откормить.

Моей дорогой и милой Ромушке.

Я нарочно тебя злил, ибо я тебя люблю. Я хочу тебе счастья. Ты боишься меня, ибо я переменился. Я переменился, ибо Бог того хотел. Бог того хотел, ибо я того хотел. Ты позвала доктора Френкеля. Ты поверила чужому человеку, а не мне. Ты думаешь, что он с тобой согласен. Он согласен со мною. Он боится показать своей жене, что он ничего не знает. Он боится показать своей жене, что он ничто. Ничто, потому что все, что он изучил, есть ничто. Я не боялся оставить все учение и показать всем, что я ничего не знаю. Я не хочу танцевать, как раньше, ибо все эти танцы есть смерть. Смертью называется не только то, когда тело умирает. Тело умирает, но дух живет. Дух есть голубь, но в Боге. Я есть Бог и я в Боге. Ты есть женщина, как и все. Я есть мужчина, как и все. Я работаю больше всех. Я знаю больше всех. Ты меня поймешь после, ибо все скажут, что Нижинский Бог. Ты поверишь и согласишься. Ты будешь скучать, ибо ты не хочешь работать. Я хочу с тобой гулять, ты не хочешь гулять со мной. Ты думаешь, что я болен. Ты думаешь, потому что доктор Френкель тебе сказал, что я болен. Он думает, что я болен, ибо он думает, что я болен. Я пишу тебе в моей тетради, ибо я хочу, чтобы ты прочла по-русски. Я выучился говорить по-французски. Ты не хочешь говорить по-русски. Я плакал, когда чувствовал твою русскую речь. Ты не любишь, когда я говорю по-венгерски. Я люблю язык венгерский. Ты не любишь язык венгерский. Я хочу язык венгерский, ибо ты язык венгерский. Я хочу жить в Венгрии. Ты не хочешь жить в Венгрии. Я хочу жить в России, ты не хочешь жить в России. Ты не знаешь, что ты хочешь, а я знаю, что хочу. Я хочу построить дом. Ты не хочешь жить в дому. Ты думаешь, что я глуп, а я думаю, что ты дура. Дура есть вещь ужасная. Я есть глуп, но не дурак, ты есть дура, но не глупая. Я есть глуп, я есть глуп. Глуп есть труп, а я не труп. Труп, труп, труп, а я не труп. Я хочу тебе не зла. Я люблю тебя, тебя. Ты не любишь, любишь мя. Я люблю, люблю тебя.

Ты не хочешь показать, что ты любишь, любишь мя. Я хочу тебе сказать, что ты любишь, любишь мя. Я хочу тебе сказать, что люблю, люблю тебя.

Я люблю тебя, тебя. Я люблю тебя, тебя. Я хочу тебе сказать, что ты любишь мя и мя.

Я есть мя есть мя не мя.

Я есть мя есть мя не мя.

Мя мя мя мя мя мя мя.

Я не мля, а я земля.
Я земля и ты земля.
Мы земля и вы земля.
Ты не хочешь мя, мя, мя.
Я хочу тебя, тебя.
Я хочу тебя тебя Ты не хочешь мя мя мя.
Я не мя не мя мля, мля.
Я хочу тебе не зла.
Я хочу тебя любить.
Я люблю тебя тебя.
Я не мля я мля земля.
Я земля, а ты не мля.
Я земля, а ты не мля.
Не мля, не мля, я не мля.
Мля, мля, не мля, я земля.
Ты есть мля, а я земля.
Я земля и ты земля.
Мы земля и он земля.
Я не мля а я земля.
Я хочу тебе сказать,
Что люблю тебя тебя.
Я люблю, люблю, тебя.
Я пишу пишу спешу.
Ты не спишь, а спишь, а спишь.
Я не сплю когда хочу.
Ты не спишь когда я сплю.
Я не сплю а ты все спишь.
Ты все спишь, все спишь, все спишь.
Я хочу тебе сказать,
Что я сплю я сплю я сплю.
Ты не спишь не спишь не спишь.
Я хочу тебе сказать,
Что я сплю я сплю я сплю.
Я хочу тебе сказать, что я сплю, что я сплю.
Ты мне хочешь показать, что ты спишь ты спишь
ты спишь.
Я хочу тебе сказать, что я сплю, но я не сплю.
Я хочу тебе сказать что люблю люблю тебя.
Я хочу тебе сказать что люблю люблю тебя.
Я любовь и ты любовь. Мы в любви и вы в любви.
Я хочу тебе сказать что люблю, люблю тебя.
Я хочу тебе сказать что люблю, люблю тебя.
Я хочу тебе не зла. Я хочу тебе не зла.
Я любовь и ты любовь. Мы в любви и вы в любви.

Я хочу тебе сказать, что люблю, люблю тебя.
Я хочу тебе не зла, я хочу тебе не зла.
Ты не хочешь мне сказать, что ты любишь, любишь мя. Я хочу тебе сказать, что ты любишь, любишь мя.
Я люблю тебя, мой друг. Ты не любишь любишь мя.
Я не тя, а ты не тя. Я люблю тебя, тебя.
Я хочу тебе не зла. Я хочу тебе не зла.
Я хочу твоей любви. Я хочу твоей любви.
Я хочу тебе сказать, что люблю, люблю тебя.
Я люблю твой край родной.
Я люблю тебя, тебя.
Я хочу тебе тебе. Я хочу сказать тебе.
Я хочу тебе сказать, что я твой а ты моя.
Ты моя, а я есть твой, мы есть ты а вы они.
Я есть он во всех, во всех, я люблю всех
всех всех всех.
Я хочу сказать тебе, что люблю всех, всех, всех, всех.
Я хочу тебе сказать, что люблю всех, всех, всех, всех.
Я хочу играть шута. Я могу сказать все, все.
Я хочу сказать все, все. Я хочу сказать все, все.
Ты боишься мя, мя, мя. Я не мя, не мя, мля, мля. Внемля, внемля, внемли.
Я внемля, внемля, внемли.
Я хочу тебе сказать, что внемли меня, меня.
Я хочу тебе сказать, что ты в мя, что ты в мя.
Я хочу тебе сказать, что ты мля, а я земля.
Я земля, земля, я земь.
Ты есть земь, а я не мля.
Я хочу тебя, тебя, ты не мля и я не мля.
Я хочу тебе сказать, что ты мля, а я земля.
Вся земля есть, есть моя, я не мля, я не мля.
Я хочу тебе сказать, что земля есть мя мя мя.
Ты боишься мне сказать, что ты мя, что ты есть мя.
Мя мя мя мя мя мя мя.
Я есть мя я есть земля.
Я хочу тебе сказать, что ты мля а я земля.
Я хочу тебе сказать, что ты мя, а я земля.

Я хотел есть. Меня позвали завтракать. Мой завтрак был в первом часу пополудни. Я не завтракал, ибо почувствовал мясо. Моя жена хотела есть мясо. Я оставил тарелку с супом, который был сварен с мясом. Моя жена рассердилась. Она подумала, что я брезгую едой. Я брезгую мясом, ибо знаю, как убивают животных и как они плачут. Я хотел ей показать, что женитьба не есть тогда, когда люди думают по-разному. Я бросил обручальное

кольцо на стол. После я его взял и надел. Моя жена стала нервничать, ибо я бросил кольцо еще раз. Я бросил кольцо еще раз, ибо почувствовал, что она скучает по мясу. Я люблю животных, а поэтому мне было жалко есть мясо, ибо я знаю, что если я съем мясо, то придется убить еще одного животного. Я ем мало. Я ем только тогда, когда мне хочется есть. Моя жена ест много. Ей жалко меня, а поэтому она думает, что мне надо есть мясо. Я люблю хлеб с маслом и сыром. Я люблю яйца. Я ем немного по своему сложению. У меня желудок лучше, ибо я не ем мяса. У меня живот поднялся, а раньше был опущен. Он был опущен, ибо кишки были вздуты. Кишки вздуваются, я заметил, после мяса. Мясо не дает спокоя желудку. Мой желудок болел, а сегодня не болит. Я знаю, что многие доктора скажут, что все это глупости. Что надо есть мясо, ибо мясо вещь нужная. Я скажу, что мясо вещь не нужная, ибо мясо развивает похоть. У меня похоть исчезла с тех пор, как я не ем мяса. Мясо вещь ужасная. Я знаю, что дети, едящие мясо, занимаются онанизмом. Я знаю, что девушки и мальчики занимаются онанизмом. Я знаю, что женщины и мужчины вместе и порознь занимаются онанизмом. Онанизм развивает глупость. Человек теряет чувство и разум. Я терял разум, когда занимался онанизмом. Мои нервы были подняты. Я весь дрожал от лихорадки. У меня болела голова. Я был болен. Я знаю, что Гоголь был онанист. Я знаю, что онанизм его погубил. Я знаю, что Гоголь был человек разумный. Я знаю, что Гоголь чувствовал. Его чувство притуплялось с каждым днем. Он почувствовал свою смерть, ибо разорвал свои последние произведения. Я не разорву своих произведений, ибо я не хочу заниматься онанизмом. Я был большой онанист.

Я плохо понимал Бога и думал, что он хочет мне добра, занимаясь онанизмом. Я знаю много женщин, у которых ноги заложены друг на друга. Эти женщины часто занимаются онанизмом. Мужчина может закладывать ногу на ногу, ибо у него устройство тела другое. Многие женщины думают, что красиво сидеть, заложив ногу на ногу. Я нахожу, что это уродливо, ибо то, что хорошо мужчине, не хорошо женщине. Я не хочу, чтобы Кира закладывала ногу на ногу, но она закладывает, ибо заметила, что другие ей не замечают. Кира еще маленькая и не понимает того, Что делает. Я ей говорил часто, что не надо лежать на животе. Я лежу на животе, когда сплю, но у меня живот маленький, а поэтому ему можно. Людям, у которых живот большой, не надо ложиться на живот. Мужчине надо спать на боку, а женщине на спине. Я все это изучил, ибо я имел живот большой. Я заметил большую усталость, когда спал на животе. Весь день у меня был испорчен. Я знаю, что такое живот. Живот имеет кишки, желудок,

печень, мочевой пузырь и прочее, и прочее. Я заметил, что когда я ложусь спать после еды, у меня к утру все переполнено и желудок начинает работать только утром, после того как я встаю. Я встаю с ленью и не имею никакого желания к жизни.

С тех пор как я не ем мяса, я заметил, что у меня желудок лучше, мысли лучше и я бегаю вместо шагания. Я шагаю только для отдыха. Я бегаю много, ибо чувствую силу. У меня мышцы послушные. У меня мозг послушный. Я танцую легче, и у меня большой аппетит. Я ем скоро и не думаю, что ем. Мне еда не важна, ибо я из нее ничего не делаю. Я ем что придется. Я не ем консервов. Я ем свежие овощи и всякую пищу вегетарианскую. Я вегетарианец. Я не мясоедец. Я человек, а не зверь. Я есть зверь тогда, когда Бог хочет дать понять, что не надо есть мяса. Моя жена чувствует, что не надо есть мяса, но она боится его бросить, ибо доктор Френкель ест мясо. Она думает, что доктор Френкель больше понимает в медицине, чем я. Я понимаю, что доктор Френкель не понимает в медицине, как и многие доктора и профессора. Доктора и профессора любят много есть, ибо думают, что еда дает физическую силу. Я думаю, что физическая сила приходит не от еды, а от разума. Я знаю, что мне многие скажут, что разумом не накормишься. Я скажу, что можно накормиться разумом, ибо разум распределяет пищу. Я ем столько, сколько разум мне велит. Я сейчас поел много, ибо чувствовал большой голод. Я убежал из дому, ибо жена меня не поняла. Она меня испугалась, а я испугался ее. Я испугался ее, ибо я не хотел есть мясо. Она меня испугалась, ибо думала, что я не хочу, чтобы она ела. Она думала, что я хочу ее заморить голодом. Я хочу ей помочь, а поэтому не хотел, чтобы она ела мясо. Я убежал из дому. Я бежал и бежал с горы, на которой стоял наш дом. Я бежал и бежал. Я не спотыкался. Меня неведомая сила несла вперед. Я не был сердит на жену. Я бежал спокойно. Под горой был городок Санкт-Мориц. Я прошел спокойно С.-Мориц. После я повернул на одну дорогу, которая вела к озеру. Я пошел скоро. Проходя городок, я заметил Доктора Френкеля, который шел к моей жене. Я понял, что ему потелефонировали и позвали его.

Я пошел и опустил голову, словно виноватый. Я пошел и пошел. Я шел скоро. Когда я подошел к уровню озера, я стал искать глазами себе пристанища. У меня был один франк и десять сантимов в кармане. Я подумал, что у меня есть еще деньги в банке, около 400 франков. Я сказал себе, что я могу заплатить за комнату, но не вернусь домой. Я решил искать комнату. Я зашел в кондитерскую, чтобы там спросить хозяйку кондитерской и дома, чтобы она мне дала одну комнату. Я хотел ее растрогать и сказал, что я ничего не ел. Я спросил раньше, ела

ли она. Она сказала, что уже кончила. После этого я ей сказал, что я голоден. Она ничего мне на это не ответила, думая, вероятно, что мне не надо есть. Я был у них часто и много покупал всяких сладостей. Она думала, что я богат, а поэтому любезничала со мною. Я целовал ее ребенка и гладил по головке. Она была довольна. Я ей говорил, что мне ее жалко, ибо она страдает от войны. Она жаловалась на трудные времена. Я плакал, и она тоже. Я заказывал много сладостей, думая ей помочь. Она была довольна. Я спросил ее, не может ли она мне дать внаймы одну комнату. Она на это ответила, что все переполнено. После некоторого времени она сказала, что через неделю будет свободна квартира. Я ей сказал, что мне не надо квартиры. Она сказала, что ей жалко меня, но она не может мне дать комнаты. Я почувствовал, что она думает, что я хочу прийти с женщиной. Я ей сказал, что я хочу одну комнату и я хочу там работать, ибо моя жена меня не понимает. Она почувствовала мою жалобу и ушла. Я сказал ее мужу, который присутствовал при нашем разговоре, что я человек серьезный и что мне не надо женщины. Он меня почувствовал, но не мог ничего сделать. Я ему сказал, что трудно иногда понимать друг друга. На это он мне ответил, что один раз его жена взяла тарелку не так, и он ей посоветовал взять так, а она его не послушалась. Я почувствовал плач ее мужа. Я заплакал в душе тоже. Я ему пожал первый раз руку и вышел. Мне было горько, ибо я понял, что мне придется ночевать на улице. Я пошел. Я прошел галерею магазинов запертых, ибо весь городок Санкт-Мориц-Дорф был заперт. Никто там не жил. Я приноровился у стены и у окна с подоконником, смогу ли я здесь спать ночью. Я почувствовал теплоту. После некоторого времени я почувствовал холод. Я увидел женщину издали, которая жалась от холода. Я тоже жался. Мне было холодно, ибо это была зима на 2 ООО высоте. Я пошел дальше. Я вдруг заметил открытую дверь и вошел в нее. В ней я никого не заметил, тогда я пошел по комнатам, которые были заперты на ключ. Я заметил одну дверь приоткрытой и вошел в нее. Я вдруг почувствовал вонь. Вонь шла изнутри. Я присмотрелся и увидел, что это грязный ватерклозет. Я чуть не заплакал, ибо думал, что придется спать в грязном клозете. Я вышел на улицу. Улица была пустая. Я пошел дальше. Вдруг я почувствовал движение влево и я пошел. Я пошел по дороге скверной. На некотором расстоянии я заметил домик двухэтажный выбеленный. Я пошел по его направлению. Я зашел в домик и нашел хозяйку. Хозяйка была женщина простая. У нее одежда была рваная. Я спросил ее, не может ли она мне дать комнату. Она мне сказала, что может, но комната холодная. Я ей сказал, что мне все равно. Она меня

повела на второй этаж. Лестница была крутая снаружи и поломанная. Лестница не скрипела, но снег скрипел. Я зашел в комнату № 5 и увидел ее бедноту. Мне стало легко на душе. Я спросил ее, сколько надо платить за комнату. Она сказала: один франк в день. Я ее поблагодарил и ушел, обещая зайти вечером. Мы расстались. Домик был белый и чистый. Видно было, что люди бедные, но чистые. Я хотел уйти, но не мог. Я хотел писать в этой комнатке. Комната мне нравилась. Я окинул взгляд и увидел твердую кровать без подушек и кресла в ряд. Кресла были стулья венские. Около кровати из дерева старого стоял умывальник без умывальных приборов. Я понял, что у них нет принадлежностей для умывания. Я хотел остаться, но Бог мне сказал, что надо уходить. Я ушел. Женщина произвела на меня хорошее впечатление. Я ушел по той дороге, по которой пришел. Я почувствовал печаль. Моя печаль была глубокая. Я увидел из домика мой домик и плакал. Я плакал горько. Мне было горько. Я хотел рыдать, но мое горе было слишком велико. Слезы не капали. Я был опечален. Я печалился долго, ибо я пошел лесом. Я шел долго и зашел в один домик по дороге. Я увидел детей. Я их почувствовал. Я их почувствовал, и они почувствовали меня. Они думали, что я хочу играть, и стали бросать большие куски снега. Я им отвечал маленькими, говоря по-немецки «нехорошо». Я не говорил по-немецки, но понял детей. Я взял санки и стал их возить. Они смеялись. Я был рад. Я зашел с ними в хижину и увидел женщину. Женщина давала детям лепешки в жиру с сахаром. Она их готовила и давала детям. Я хотел поесть, ибо я ничего не ел за завтраком. Она почувствовала и дала мне лепешку. Я ей хотел дать 10 сантимов, но она не хотела взять. Я ей воткнул в руку, говоря, что это для бедных детей. Она меня почувствовала и открыла свое горе. Я ей сказал, что не надо горевать, ибо Бог хотел так. Она сказала по-немецки, что она потеряла уже 3 месяца ребенка и похоронила его, указывая на кладбище. Я почувствовал ее горе и сказал ей, что не надо горевать, ибо Бог хотел взять ее ребенка. Она замолчала и почувствовала правду. Я ей сказал еще, что Бог берет то, что дает, и что горевать нечего. Она успокоилась и стала смеяться. Я хотел уйти, но она еще дала по одной лепешке каждому из детей. Я стоял. Она мне дала еще одну лепешку. Сама не ела. Она меня чувствовала. Я ее поблагодарил и ушел. Дети меня любили. Я гулял с ними не больше четверти часа. Я ушел по дороге лесной. Лесом я слышал птиц и иногда возгласы людей, которые пошли на прогулку с лыжами. У меня не было лыж, но я не падал. Я шел и шел. Я не падал, ибо я шел по дороге. Я не мог идти дальше, ибо чувствовал холод в ногах. Я был одет легко. Я шел быстро в

гору, вдруг остановился. Я не знал, что мне делать. Я не хотел решать вперед. Я ждал, что мне велит Бог. Я ждал и ждал. Мне было холодно. Я ждал. Я почувствовал тепло. Я знал, что перед замерзанием люди чувствуют холод, но я не боялся умереть. Я почувствовал толчок и пошел дальше. Я подымался выше. Я шел и шел. Вдруг я остановился и понял, что дальше нельзя идти. Я не шел, а стоял и чувствовал холод. Я понял, что смерть пришла. Я не боялся и думал, что я лягу, а меня подберут после и принесут моей жене. Я плакал. Я плакал в душе. Мне было горько. Я не знал, что мне делать. Я не знал, куда идти. Я понял, что если я пойду дальше, то не найду крова раньше 25 верст. Я боялся замерзнуть, ибо был голоден и уставши. Я повернул и пошел обратно. Я шел и шел. Я увидел другую дорогу, ведущую в другую сторону. Я пошел по этой дороге и увидел людей. Мне стало радостно на душе. Люди не обратили на меня внимания. Я пошел дальше, любуясь их фигурами на лыжах. Я шел по скверной дороге. Дорога была вся в ухабах. Я не мог смотреть в сторону. Я видел, что у дороги течет Ин. Ин берет начало там, где я ходил. Я ходил плохо и был уставши. Я шел и шел. Я хотел отдохнуть. Я увидел пень, но пень был на краю дороги, а дорога к Ину была [стеной]. Я попробовал присесть, но чуть не упал в Ин. Ин был быстрый, ибо гора была высокая. Я шел и шел. Я чувствовал великую усталость, но вдруг почувствовал силу и хотел бежать все 25 верст. Я не понимал расстояния. Я думал, что пробегу быстро, но почувствовал усталость. Я шел и шел. Я хотел повернуть на ту дорогу, по которой шел, но почувствовал холод и решил пойти дальше. Я зашел в деревушку Камфар. В этой деревушке я услышал пение детей. Я понял, что это пение не радостное, но ученое, и прошел мимо. Мне было жалко детей. Я понял, что такое школа. Мне было жалко детей. Я шел и шел. Я вышел на дорогу, которая вела домой, в другую сторону к моей комнате, но эта комната была за 25 верст. Я почувствовал, что надо идти к этой комнате, ибо надо переменить мою жизнь. Я решил идти, но сила неведомая меня заставила понять, что я должен повернуть к дому. Дорога была долгая и в гору, но я не боялся идти в гору. Я шел и шел. Вдруг я почувствовал усталость и присел на перилах дороги. Я сидел и отдыхал. Мне было холодно. Я мерз, но не боялся замерзнуть, ибо чувствовал еще много тепла. Я сидел и ждал. Я увидел проезжающих в экипаже и прохожих, но я не двигался. Я думал, что мне придется сидеть без конца, но вдруг почувствовал усилие встать. Я встал и пошел. Я встал и пошел. Я шел и шел. Я встретил телеги, наполненные деревом, и пошел вдоль. Я увидел лошадь, бегущую в гору, и я побежал. Я это делал не думая, а чувствуя. Я бежал и задыхался.

Я не мог бежать и пошел. Я понял, что люди загоняют лошадей и людей до тех пор, пока лошадь или человек не остановится и не упадет камнем. Я решил с лошадью, что нас могут бить кнутом, сколько влезет, но мы будем делать свое, ибо мы хотим жить. Лошадь шла, и я тоже. В коляске сидел толстый барин со своей женою, которая скучала. Извозчик тоже скучал. Все скучали. Я не скучал, ибо я не думал, а чувствовал. Я шел и шел.

Я пришел к городку Санкт-Мориц-Дорф. Я остановился у депеш. Я не читал депеши. Вдруг кто-то взял меня за плечо. Я повернулся и увидел доктора Френкеля. Френкель хотел, чтобы я зашел к ним, но я ему наотрез отказал, говоря ему, что я не могу сегодня говорить ни с кем; что я хочу быть один. Он мне сказал, что лучше пойти к ним, ибо у них моя жена. Я сказал, что я не люблю примирений, что я люблю, чтобы разум понял, а не устраивать примирения. Я любил Френкеля, ибо я почувствовал, что ему горько. Я тоже горевал, но решил пойти к себе домой. Я почувствовал, что это мой дом, и пошел по направлению к нему. Я шел скоро. Я зашел на гору и повернул ко входу и не поравнялся еще с домом, когда увидел двери открытыми. Служанка Луиза мне открыла двери. Я вошел и сел за пианино. Я стал играть, но служанка меня не чувствовала и мешала, но я её немного толкнул, и она поняла меня. Я играл похороны. Я плакал душой. Служанка чувствовала и сказала: «Красиво». Я кончил и пошел есть. Она мне давала всякую всячину. Я ел хлеб с маслом и сыром, а на сладкое два пирожных с вареньем. Я не был голоден, ибо чувствовал желудок. Я пошел писать то, что написал.

Меня теперь позвали обедать, но я отказался наотрез, ибо я не хочу есть один. Я сказал, что я не ребенок и меня нечего уговаривать. Луиза меня уговаривала, говоря: «Горячие макароны». Я ничего не отвечал. Все звонят и звонят. Люди бегают и бегают. Я не знаю, что звонят и кто звонит, ибо я не люблю говорить по телефону. Я думаю, что мать моей жены приехала и звонит по телефону, спрашивая о моем здоровье. Служанка в голосе со слезами ей что-то ответила. Все думают, что я болен.

Я хочу сказать тебе что люблю тебя тебя.
Я хочу сказать тебе что люблю тебя тебя.
Я хочу сказать тебе что люблю люблю люблю.
Я хочу сказать тебе что люблю люблю люблю.
Я люблю, но не ты. Ты не любишь то, что Он.
Я люблю что Он что Он. Ты есть смерть ты есть
смерть.
Я хочу тебе сказать что ты смерть что ты смерть.
Я хочу тебе сказать что ты смерть что ты смерть.

Смерть есть смерть, а я есть жизнь.
Я есть жизнь, а ты есть смерть.
Смертью, смертью смерть поправ,
Я есть смерть, а ты не жизнь.
Жизнь есть жизнь, а смерть есть смерть.
Ты есть смерть, а я есть жизнь.
Смертью, смертью смерть поправ,
Я есть смерть, а ты не жизнь.
Я хочу тебе сказать, что ты смерть, а я есть жизнь.
Я хочу тебе сказать, что я жизнь, а ты есть смерть.
Я люблю тебя, мой друг. Я хочу тебе добра.
Я хочу тебе добра, я люблю тебя, тебя.
Я хочу тебе добра, я хочу тебе не зла.
Ты меня не любишь, ты.
Я тебя люблю, люблю.
Я тебе хочу добра.
Я есть твой, а ты моя.
Я люблю тебя тебя.
Я люблю тебя тебя.
Я хочу тебя тебя.
Я хочу тебя тебя.

Я пишу эти строки плача и думая о моей жене, которая меня бросила, думая, что я варвар русского происхождения. Она не раз мне говорила, что я «русский варвар». Она выучила эти слова в Венгрии, когда Россия воевала с Венгрией. Я любил Венгрию, когда она воевала с Россией. Я не знал никого, будучи в Венгрии. Я был заперт в комнате и сочинял Теорию танца. Я танцевал мало, ибо мне было грустно. Я скучал, ибо понял, что жена меня не любит. Я женился случайно. Я женился в Южной Америке и повенчался в Рио-де-Жанейро. Я познакомился на пароходе «Эвонн». Я уже немного описал мою женитьбу. Я должен сказать, что я женился не думая. Я ее любил и любил. Я не думал о будущем. Я тратил деньги, которые скопил с большим трудом. Я ей дарил розы в 5 франков за каждую. Я ей приносил эти розы каждый день по 20, по 30. Я любил ей дарить белые розы. Я чувствовал цветы. Я понял, что моя любовь белая, а не красная. Красные розы меня пугали. Я не пугливый человек, но я чувствовал любовь вечную, а не страстную. Я ее любил страстно. Я ей давал все, что мог. Она меня любила. Мне казалось, что она счастлива. В первый раз я почувствовал горе после трех или пяти дней по свадьбе. Я просил ее учиться танцевать, ибо для меня танец был самым высоким в жизни после нее. Я хотел ее учить. Я не учил никого, ибо я боялся за себя. Я хотел выучить ее хорошему танцу, но она испугалась и уже не верила мне. Я

плакал и плакал горько. Я плакал горько. Я чувствовал уже смерть. Я понял, что сделал ошибку, но ошибка была непоправима. Я себя заключил в руки человека, который меня не любит. Я понял всю ошибку. Моя жена меня полюбила больше всех, но она меня не чувствовала. Я хотел уйти, но понял, что это бесчестно, и остался с ней. Она меня любила мало. Она чувствовала деньги и мой успех. Она меня любила за мой успех и красоту тела. Она была ловка и пристрастила меня к деньгам. Я сделал одно дело в Лондоне в мюзик-холле «Паляс» и проиграл это дело. Я еще имею процесс с этим театром. Я уже описывал про эту дирекцию.

Я упал от работы и был в горячке. Я был при смерти. Моя жена плакала. Она меня любила. Она страдала, когда видела, что я много работаю. Она понимала, что все это для денег. Я не хотел денег. Я хотел простой жизни. Я любил театр и я хотел работать. Я работал много, но после упал духом, ибо заметил, что меня не любят. Я ушел в себя. Я ушел так глубоко, что не мог понять людей. Я плакал и плакал…

Я не знаю, почему моя жена плачет. Я думаю, что она осознала ошибку и боится, что я ее оставлю. Я не знал, что она дома. Я думал, что она у Френкеля. Я остановился, ибо услышал плач. Мне больно. Мне жалко ее. Я плачу, плачу. Она плачет и плачет. Я знаю, что доктор Френкель у нее, а поэтому не иду к ней. Я надеюсь, что Бог поможет и она меня поймет.

Я хочу плакать, но мне Бог велит, чтобы я писал. Он не хочет, чтобы я ничего не делал. Моя жена все плачет и плачет. Я тоже плачу. Я боюсь, что Доктор Френкель придет и скажет мне, что моя жена плачет, а я пишу. Я не пойду к ней, ибо я не виноват. Я пойду есть один, если Бог мне велит. Мой ребенок видит и слышит все, и я надеюсь, что он поймет меня. Я люблю Киру, но она меня не чувствует, ибо около неё пьяница. Я заметил склянки со спиртом. Одна склянка с 90° спиртом, другая с разбавленным водой. Моя жена не замечает, но я надеюсь, что ее мать заметит и выбросит склянку с этой женщиной. Моя маленькая Кира чувствует, что я ее люблю, но она думает, что я болен, ибо ей наговорили. Они спрашивают, хорошо ли я сплю, а я им говорю, что мой сон всегда хорош. Я не знаю, что писать, но Бог хочет моего письма, ибо знает его значение. Я поеду скоро в Париж и там произведу то впечатление, о котором будет говорить весь мир. Я не хочу, чтобы думали, что я великий писатель. Я не хочу, чтобы думали, что я великий артист. Я не хочу, чтобы говорили, что я великий человек. Я есть простой человек, который много страдал. Я думаю, что Христос не страдал столько, сколько я перестрадал за мою жизнь. Я люблю жизнь и я хочу жить.

Я.хочу плакать, но не могу, ибо у меня так больно на душе, что я боюсь за себя. Я чувствую боль. Я больной душой. Я болен душой, а не умом. Доктор Френкель не понимает моей болезни. Я знаю, что мне надо для того, чтобы я был здоров. Моя болезнь слишком велика, чтобы меня можно было скоро вылечить. Я неизлечим. Я болен душою. Я беден. Я нищ. Я несчастен. Я ужасен. Я знаю, что все будут страдать, читая эти строки, ибо я знаю, что меня почувствуют. Я знаю хорошо, что мне надо. Я человек сильный, а не слабый. Я не болен телом. Я болен душою. Я страдаю. Я страдаю. Я знаю, что Костровский меня почувствует, но я знаю, что меня все почувствуют. Я есть человек, а не зверь. Я люблю всех. Я имею тоже ошибки. Я есть человек, а не Бог. Я хочу быть Богом, а поэтому работаю над собою. Я хочу танцевать. Я хочу рисовать. Я хочу играть на пианино. Я хочу писать стихи. Я хочу сочинять балеты. Я хочу любить всех. Это есть моя цель жизни. Я знаю, что социалисты меня поймут легче, но я не социалист. Я есть Бог. Я имею партию Божью. Я люблю всех. Я не хочу войны. Я не хочу границ государств. Я хочу вильсоновщину, которая исправит весь земной шар. Я есть весь земной шар. Я есть земля. Я имею везде дом. Я живу везде. Я не хочу иметь собственности. Я не хочу быть богатым. Я хочу любить, любить. Я любовь, а не зверство. Я не кровожадное животное. Я есть человек. Я есть человек.

Бог есть во мне, а я есть в Нем. Я хочу его. Я ищу его. Я хочу, чтобы мои рукописи печатали, ибо я знаю, что все могут читать, но я надеюсь на усовершенствование. Я не знаю, что для этого надо, но я чувствую, что Бог поможет всем в исканиях. Я искатель, ибо я чувствую Бога. Бог меня ищет, а поэтому мы находим друг друга.

Бог Нижинский

Санкт-Мориц-Дорф Вилла Гуардамупт 27 февраля 1919 года

Смерть

Смерть пришла неожиданно, ибо я ее хотел. Я сказал себе, что не хочу больше жить. Я жил мало. Я жил всего 6 месяцев. Мне сказали, что я сумасшедший. Я думал, что я живой. Мне не давали спокоя. Я жил и радовался, а люди говорили, что я злой. Я понял, что людям надо смерти, и я решил, что не буду больше ничего делать, но не мог. Я решил писать о смерти. Я плачу от горя. Мне очень скорбно. Я скучаю, ибо все кругом пусто. Я опустел. Я знаю, что горничная Луиза завтра будет плакать, ибо ей жалко будет видеть опустошение. Я снял все рисунки и картины, которые я работал в продолжение 6 месяцев. Я знаю, что жена будет искать мои картины и не найдет. Я поставил мебель по-прежнему, и абажур лампы прежний. Я не хочу, чтобы люди смеялись надо мною, и решил ничего не делать. Бог велел мне ничего не делать. Он хочет, чтобы я записывал мои впечатления. Я буду писать много. Я хочу понять мать моей жены и мужа ее. Я знаю их хорошо, но хочу проверить. Я пишу под впечатлением пройденного, а не выдумываю. Я сижу за пустым столом. В моем столе много красок. Все краски пересохли, ибо я не пишу более. Я писал много и сделал много успеха. Я хочу писать, но не здесь, ибо я чувствую смерть. Я хочу поехать в Париж, но боюсь, что не успею. Я хочу написать о смерти. Я назову первую книгу «Жизнь», а эту «Смерть». Я дам понятие о жизни и смерти. Я надеюсь на успех. Я знаю, что если я напечатаю эти книги, то все скажут, что я писатель скверный. Я не хочу быть писателем. Я хочу быть мыслителем. Я мыслю и пишу. Я не писака, я мыслитель. Я не Шопенгауэр. Я Нижинский. Я хочу сказать вам, людям, что я есть Бог. Я есть тот Бог, который умирает, когда его не любят. Я жалею себя, ибо мне жаль Бога. Бог меня любит и дает мне жизнь в смерти. Я есть смерть. Я есть тот, который любит смерть. Я не хочу спать. Я пишу ночью. Моя жена не спит, а думает. Я чувствую, я смерть. Ей трудно отказаться от смерти. Я понимаю людей. Им хочется насладиться жизнью. Они любят наслаждения. Я считаю все наслаждения ужасными. Я не хочу наслаждений. Моя жена хочет наслаждений. Я знаю, что она испугается, когда узнает, что все, что я пишу, есть правда. Я знаю, что ей будет грустно, ибо она будет думать, что я ее не люблю. Я ей скажу, что я написал правду, но я знаю, что она скажет, что я злой человек. Возможно, что она не захочет жить со мною, ибо не будет мне доверять. Я ее люблю и я знаю, что буду страдать по ней. Я знаю, что мои страдания нужны, а поэтому буду страдать. Я хочу сказать всю правду. Яне хочу скрывать от людей того, что знаю. Я

должен показать, что такое жизнь и смерть. Я хочу описывать о смерти. Я люблю смерть. Я знаю, что такое смерть. Смерть есть вещь ужасная. Я почувствовал смерть не раз. Я умирал в клинике, когда мне было 15 лет. Я был храбрый мальчишка. Я прыгал и упал. Меня повезли в госпиталь. В госпитале я видел смерть собственными глазами. Я видел пену, шедшую изо рта одного больного, ибо он выпил всю бутылку лекарства. Я знаю, что такое лекарство. Лекарство дает поддержку, но если его выпьешь, то отправишься на тот свет. Я знаю, что тот свет не имеет света, а поэтому боюсь того света. Я хочу свет, но другой. Я люблю свет мигающих звезд, а не звезды без миганий. Я знаю, что звезда мигающая есть жизнь, а немигающая — смерть. Я знаю, что мне надо делать, когда мне звезда мигает. Я знаю, что означает немигающая звезда. Моя жена есть немигающая звезда. Я заметил, что многие есть не мигающие. Я плачу, когда чувствую, что человек не мигает. Я знаю, что такое смерть. Смерть есть потухшая жизнь. Потухшей жизнью называются те люди, которые потеряли разум. Я тоже был без разума, но когда остался в С.-Морице, то понял в моей комнате всю правду, ибо я много чувствовал. Я знаю, что трудно чувствовать одному. Но только один человек может понять, что такое чувство. Я не хочу ничего делать для того, чтобы жена почувствовала. Я знаю, что если я буду объяснять, то она будет думать, а думание есть смерть. Я не хочу думать, а поэтому живу. Я знаю, что когда приедет мать моей жены, то придется много думать. Мать моей жены приедет завтра в 11 часов утра. Я хотел сказать сегодня, но раздумал, ибо я считаю завтра то, когда человек просыпается, а не первые 12 часов. Я не считаю нужным считать. Я не люблю считать. Считание утомляет мозг. Считание есть смерть. Всякие машинные приспособления есть смерть. Я знаю, что большая вина моя, что жена считает, но я ей говорил, что не стоит считать, ибо уже сосчитано. Я хочу пойти пить, ибо у меня желудок болит. Я буду есть мясо, ибо я хочу показать, что я такой же, как они. Я буду есть и буду описывать мои впечатления. Я хочу сказать обо всем, что увижу и услышу. Я буду делать все, что они. Я буду любезничать, как они. Я выпил всю бутылку минеральной воды. Я не люблю пить без цели, но я выпил, ибо я это делал раньше. Я хочу теперь жить как раньше. Я не буду жить как раньше после закончения этой книги. Я хочу написать о смерти, а поэтому мне нужны впечатления свежие. Я называю свежими впечатлениями, когда человек пишет о том, что пережил. Я буду писать обо всем, что пережил. Я хочу переживать. Я есть человек в смерти. Я не Бог. Я не человек. Я есть зверь и хищник. Я хочу любить кокоток. Я хочу жить как человек ненужный.

Я знаю, что Бог хочет этого, а поэтому буду так жить. Я буду так жить до тех пор, пока он меня не остановит. Я буду играть на бирже, ибо я хочу обыграть людей. Я человек злой. Я не люблю никого. Я хочу зла всем, а себе добра. Я есть эгоист. Я не Бог. Я зверь, хищник. Я буду заниматься онанизмом и спиритизмом. Я буду есть всех, кто мне попадет под руку. Я не остановлюсь ни перед чем. Я буду любить мать моей жены и моего ребенка. Я буду плакать, но я буду все делать, что мне Бог повелит. Я знаю, что все испугаются меня и заключат в сумасшедший дом, но мне все равно. Я не боюсь ничего. Я хочу смерти. Я пущу себе пулю в лоб, если того Бог захочет. Я буду готов на все. Я знаю, что Бог все это хочет для улучшения жизни, а поэтому буду его орудием. Уже второй час, а я не сплю. Я знаю, что люди должны днем работать, а я работаю ночью. Я знаю, что у меня завтра будут глаза красные. Мать моей жены испугается, ибо будет думать, что я сумасшедший. Я надеюсь, что меня посадят в сумасшедший дом. Я буду радоваться этому происшествию, ибо я люблю тиранить всех. Я нахожу наслаждение в тирании. Тирания есть мне вещь знакомая. Я знал одну собаку, называемую «Цитра». Эта собака была хорошая. Я ее испортил. Я ее приучил заниматься онанизмом об мою ногу. Я ее приучил уставать на моей ноге. Я любил эту собаку. Я проделывал все эти вещи, когда был мальчишкой. Я тоже делал, что собака, но рукой. Я уставал одновременно. Я знаю, что много девушек и женщин любят таким образом животных. Я знаю, что моя служанка Луиза занимается кошками. Я знаю, что моя кухарка занимается кошками. Я знаю, что все занимаются такого рода занятиями. Я знаю, что все маленькие собачонки испорчены. Я знаю одну венгерскую фамилию, в которой дочь занималась с гориллой. Горилла укусила ее в то место, в которое она употребляла. Обезьяна почувствовала злость, ибо женщина ее не поняла. Обезьяна животное глупое, а женщина хитрила с гориллой. Горилла ее укусила, а поэтому она умерла в ужасных мучениях. Я знаю, что многие кладут всякие сладости, чтобы животные лизали. Я знаю тех женщин, которым животные лизали. Я знаю людей, которые лижут. Я сам лизал моей жене. Я плакал, но лизал. Я знаю ужасные вещи, ибо я научился у Дягилева. Дягилев меня научил всему. Я был молод и я делал глупости, но я не хочу больше этими вещами заниматься. Я знаю, к чему все это приводит. Я видел женщин, которых употребляют мужчины по нескольку раз. Я сам употреблял мою жену до 5 раз в день. Я знаю, к чему приводит все это. Я не хочу больше делать эти вещи. Я знаю, что многие доктора прописывают, что человек должен употреблять свою жену каждый день. Я знаю, что все этому верят. Я знаю, что

есть доктора, которые прописывают, что необходимо мужчине любить женщину, ибо без этого нельзя существовать. Я знаю, что люди занимаются этим только потому, что у них много ярения.

Я знаю много стихов на ярение. Ярение есть вещь ужасная. Я знаю, что священство занимается тем же. Я знаю, что церковь не запрещает похотливые похождения. Я.знаю случай, когда моя жена с горничной должны были исповедываться, то их чуть не укрыли в подземелье в одной из лондонских церквей. Я забыл название церкви. Я скажу название после, ибо я спрошу мою жену. Я хочу ее употреблять с целью ребенка, а не ярения. Я не хочу яриться. Я не люблю яренья. Я хочу жить. Я буду яриться, если Бог будет того желать. Я знаю одного поэта, который писал много на русском языке о яреньи. Я сам много ярился на женщин. Я ярился много в Париже. В Париже много, кокоток, а поэтому можно яриться. Я сейчас чувствую яренье, ибо Бог хочет мне дать понять, что такое яренье. Я не ярюсь довольно долго. Моя жена любит яриться на меня. Я не хочу яриться, ибо я знаю, что такое яренье. Я знаю, что мне скажут, что я скопец. Я не боюсь скопца, ибо я знаю его цели. Я не люблю скопца, ибо он вырезает свои яйца. Я знаю, что яйца выделяют семя, а поэтому не хочу их вырезать. Я люблю семя. Я хочу семя. Я есть семя. Я есть жизнь. Без семени не будет жизни. Я знаю, что многие немецкие профессора приказывают нарождаться, ибо им надо много солдат. Я знаю, что такое солдат. Я видел много изображений, и к тому у меня воображение сильное. Я знаю убийства солдат. Я знаю их мучения. Я видел в Венгрии поеЗд с немецкими ранеными. Я видел их лица. Я знаю, что профессора немецкие и другие не понимают смерти. Я знаю, что профессора есть глупые животные. Я знаю, что они глупы, ибо они потеряли чувство. Я знаю, что они потеряли глаза, ибо много читают глупостей. Я сочинил балет на музыку Штрауса Рихарда. Я сочинил этот балет в Нью-Йорке. Я его сочинил скоро. У меня требовали постановку в три недели. Я плакал и говорил, что не могу в три недели поставить этот балет, ибо это не по силам, тогда мне Отто Кан[22], директор-президент Метрополитена, сказал, что он не может больше дать времени.

Он это говорил через посланного по делам театра господина Копикусса. Я согласился на предложение, ибо мне ничего не оставалось. Я знал, что если я не соглашусь, то у меня не будет денег на житье. Я решил и пошел на работу. Я работал, как вол. Я не имел устали. Я мало спал, я работал и работал. Моя жена видела мою работу и жалела меня. Я взял массажиста, ибо если он меня не от- массажировал, то я не мог бы продолжать моей работы. Я понял, что я умираю. Я велел делать костюмы в Америке у одного костюмера. Я ему объяснил все подробности.

Он меня чувствовал. Я заказал декорации художнику Джонсону. Этот художник, казалось, меня понимал, но не чувствовал. Он все нервничал и нервничал. Я не нервничал. Я наслаждался. Я ему показал декорацию. Я ему велел принести книги той эпохи, которую надо было изображать. Он рисовал мне то, что я ему говорил. Его костюмные рисунки были лучше. У них была красочная жизнь. Я любил красочную жизнь. Он меня понял и идеи. Я ему показал, как надо искать идею. Он был благодарен, но все нервничал и нервничал. Он мне напоминает мою жену, которая всего боится. Я ему говорил: «Чего бояться, не надо бояться». Но он был нервен. Очевидно, он боялся за успех. Он мне не верил. Я был уверен в успехе. Я работал, как вол. Вола замучили, ибо он упал, подвернул себе ногу. Этого вола отправили к доктору Аввэ. Этот доктор был хороший. Он лечил меня просто. Он велел мне лежать и лежать. Я лежал и лежал. У меня была сиделка. Эта сиделка все сидела и сидела. Я не мог заснуть, ибо я не привык спать с сиделкой. Если бы она не сидела у стола, то наверно я бы спал. Она меня все уговаривала: «Спите, спите, спите», — а я все не спал и не спал. И так прошла одна неделя за другой. Мой балет «Тиль» не шел. Публика волновалась. Публика думала, что я капризный артист. Я не боялся о том, что публика думала. Дирекция порешила приостановить спектакли на неделю. Она начала играть без меня, думая сделать лучшие дела. Она боялась за крах. Краха не было, ибо я стал танцевать и публика ходила. Американская публика меня любит, ибо она мне поверила. Она видела, что у меня болит нога. Я танцевал плохо, но она радовалась. «Тиль» вышел хорошо, но был поставлен слишком скоро. Он был вынут слишком скоро из печки и поэтому был сырой. Американская публика любила мой сырой балет, ибо он был вкусен. Я его сварил очень хорошо. Я не люблю вещи не сваренные, ибо знаю, как после болит желудок. Я не любил этого балета, но говорил, что «хорошо». «Хорошо» надо было говорить, ибо если бы я сказал, что балет не хорош, то никто бы не пошел в театр и был бы крах. Я не люблю крахов, а поэтому говорил «хорошо». Я сказал Отто Кану, что мне хорошо и я доволен. Он мне говорил комплименты, ибо видел, как публика радуется. Я поставил этот балет смешным, ибо я чувствовал войну. Война всем надоела, а поэтому надо было веселить. Я их развеселил. Я показал «Тиля» во всей его красоте. Его красота была простая. Я показал жизнь «Тиля». Жизнь Тиля была простая. Я показал, что он народ немецкий. Журналы были довольны, ибо критика была немецкая. Я позвал перед первым представлением журналистов и объяснил им цель «Тиля». Они были очень рады, ибо могли подготовить критику. Критика была

хорошая и подчас очень умная. Я видел себя чертом и Богом. Меня возвеличили до высот Вавилона. Я не любил высот, ибо видел, что это все похвалы. Я видел, что критик понял мой балет. Я чувствовал, что критик хочет меня похвалить. Я не люблю похвал, ибо я не мальчишка. Я видел ошибку, которую подметил критик. Он заметил одно место в музыке, которое я не понял. Он думал, что я не понял. Я очень хорошо понял, но я не хотел себя утомлять, ибо у меня болела нога. То место в музыке было очень трудно для исполнения, а поэтому я его оставил. Критики всегда думают, что они умнее артистов. Они часто злоупотребляют, ибо ругают артиста за его исполнение. Артист беден, а поэтому дрожит перед критиком. Ему больно и обидно. Он плачет в душе. Я знаю одного пристрастного критика- художника, который не любил артистов, не кланяющихся ему. Его зовут Александр Бенуа. Александр Бенуа человек очень умный и чувствует живопись. Я читал его критику под названием «Художественные письма». Эти критики были пристрастны. Он всегда нападал на Головина Александра, который был художником в Императорских театрах в Петербурге. Я понял, что Бенуа хотел его выжить, ибо ему хотелось попасть туда. Он послал эту критику в газету «Речь». Эта газета была под дирекцией Набокова. Набоков был человек умный и сумел обставить этот журнал. Он приглашал Философова и писал всегда ругань на «Новое Время». «Новое Время» имело своих подписчиков, а «Речь» хотела их отбить. «Речь» была глупа, ибо в ней ничего не было. Я понял газету, будучи мальчиком. Я не любил газет, ибо понял их глупости. Они писали вещи всем известные. Они заполняли страницы, ибо их надо было заполнить. Я не боялся критики, будучи мальчиком, а поэтому не кланялся. Я кланялся одному критику, которого называли Валерианом Светловым.

Этот критик писал критику на танец. Он жил с танцовщицей Шоллар [24] и от нее набирался всяких выражений. Он писал выражения, которые обставлял в красивые фразы. Были и другие критики, но у них не было острого языка. У Светлова язык был наготове. Он варил свою критику, а поэтому писал хорошо. Люди думали, что человек, хорошо пишущий, понимает танец. Я понимал хорошо танец, ибо его танцевал. Светлов никогда в своей жизни не танцевал тех балетов, на которые писал критику. Светлов человек белый. Его называли попугаем, ибо у него голова была как у попугая. Николай Легат его не любил и поэтому его рисовал в карикатуре попугаем. Я скажу, что он есть попугай не потому, что у него голова попугая, а потому что все, что он пишет, есть попугайство. Попугайством я называю тех критиков, которые повторяют вещи уже всем известные. Светлов был

попугай в шелку, ибо у него были деньги. Он дарил Шоллар вещи хорошие и дорогие. Он ее любил иначе, чем молодой и сильный мужчина. Ему было под 60 лет. Он себя напомаживал и накрашивал. Его женщины любили, ибо он писал критику востро. Его все боялись. Ему все танцовщицы «давали», ибо его боялись. Он любил пошалить, но не делать. Он любил шалить, как мальчик. Он был мальчик-с-пальчик, ибо был хил. Ему было хорошо. Он был всегда доволен. У него было спокойное выражение лица. Его лицо походило на маску. Я видел такие маски. Эти маски сделаны из воска. Я думаю, что он нарочно не улыбался, ибо боялся морщин. У него были вырезки из старых журналов о балете. Он писал об одном и том же, но немного изменяя стиль. Его критики были смерть, ибо ничего нового не говорили. Его речи пахли духами и помадой. Он меня стал ругать по прихоти. Он не знал, что от его критики мне было тошно. Я боялся его, но я не любил его. Я понимал, что его критику читают, а поэтому мне было неприятно, ибо я боялся, что меня заставят танцевать в кордебалете. Кордебалетом называется масса людей, ничего не знающих. Я знаю много артистов, которые знали хорошо танцы, ибо изучали, но их за неимением протекции или-по случайности ставили в кордебалет. Кордебалет был хорош, ибо в нем были хорошие люди. Кордебалет меня полюбил и сделал мне рекламу. Я его любил и он меня любил. Я хотел уже тогда, чтобы меня любили. Я искал всевозможные уловки и ужимки для того, чтобы меня полюбили. Я хотел любви не только от кордебалета, но и от первых и вторых танцовщиков и танцовщиц и балетмейстеров с балеринами. Я искал любовь и понял, что нет любви. Что все это грязь. Что все ищут похвал и похвал или любезничаний. Я не любил похвал и любезничаний. Я ходил в контору к управляющему над театрами Крупенскому и просил, чтобы мне давали танцевать. Я танцевал всего 4 раза в год. Годом называется в балете 8 месяцев, ибо танцевальная работа из восьми месяцев. Я танцевал перед публикой очень мало, но публика меня очень любила. Я знал, что все это интриги артистов и артисток. Я перестал быть весел, ибо почувствовал смерть, я боялся людей и запирался у себя в комнате. У меня комната была узкая и с высоким потолком. Я любил смотреть на стены и потолок, ибо это мне говорило о смерти. Я не знал, как себя развеселить, и пошел с Анатолием Бурманом, моим другом, к кокотке. Мы пришли к ней, и она нам дала вина. Я выпил вина и был пьян. Я в первый раз попробовал вино. Я не любил пить. После вина у меня закружилась голова, но я не потерял сознания. Я ее употребил. Она меня заразила* венерической болезнью. Я испугался и побежал к доктору. Венерический доктор жил

довольно богато. Я боялся людей. Я думал, что все знают. Мне было 18 лет. Я плакал. Я страдал. Я не знал, что мне делать. Я ходил к доктору, но он мне ничего не делал. Он мне велел купить спринцовку и лекарства. Он мне велел впускать это лекарство в член. Я его впускал. Я вгонял болезнь глубже. Я заметил, что у меня стали яйца пухнуть. Я позвал другого доктора, который мне поставил пиявки. Пиявки мне сосали кровь. Я молчал, но ужасался. Мне было страшно. Я страдал душевно. Я не боялся пиявок. Пиявки шевелились. а я плакал и плакал. Я лежал долго в постели. Я не мог больше. Я встал, и тогда снова мои яйца стали распухать. Я испугался и решил покончить во что бы то ни стало. Я болел больше 5 месяцев этой болезнью. Я снова ставил пиявки и лежал в постели. Я боялся, что моя мать узнает. Познакомился с человеком, который мне помог в этой болезни. Он меня любил, как мальчика мужчина. Я его любил, ибо знал, что он мне хочет хорошего. Этого человека звали князь Павел Львов. Он мне писал влюбленные стихи. Я ему не отвечал, но он мне писал. Я не знаю, что он в них хотел сказать, ибо я их не читал. Я его любил, ибо чувствовал, что он меня любит. Я хотел с ним жить всегда, ибо я его любил. Он меня заставлял изменять с Дягилевым, ибо думал, что для меня Дягилев будет полезен. Я познакомился с Дягилевым по телефону. Я знал, что Львов меня не любит, а поэтому его бросил. Львов Павел хотел продолжать со мною знакомство, но я понял, что нечестно изменять одному. Я жил с Дягилевым Сергеем. Я знаком с его братом от второй матери. Он человек опрятный и любит музеи. Я считаю музеи за кладбища. Он считает музеи за жизнь. Музей не может быть жизнью уже потому, что в нем вещи умерших художников. Я считаю, что не надо беречь картины умерших, ибо они губят жизнь молодых художников. Молодого художника сравнивают с музейным. Я знаю одного художника, которому не давали выхода из Академии художеств только потому, что у него картины не похожи на музейные. Этого художника звали Анисфельдом[25]. Анисфельд был еврей. У него есть дети. Он женат, но его жена не любит его. Я знаю, потому что он говорил, что он ссорился со своей женой. Я помню. Он приходил к Дягилеву и жаловался. Я знаю, что он любил свою жену, ибо я чувствовал плач его души. Он был человек хороший. Я ему заказал много балетов. Теперь он в Америке Северной, где пишет портреты и декорации. Из газет видно, что он пользуется успехом. Я очень рад за него, ибо знаю все интриги Льва Бакста. Бакст художник хороший, но злой, ибо он ругал Бенуа и Анисфельда. Я не ругаю Бенуа, а говорю всю правду. Бакст ругал, ибо говорил неправду. Я видел его зубы по отношению к Анисфельду. Бакст не любил Анисфельда, ибо тот

хорошо писал декорации и пользовался успехом в Париже и других городах, где мы давали спектакли под названием «Русский балет». Я любил «Русский балет». Я отдавал ему всю душу. Я работал, как вол. Я жил, как мученик. Я знал, что Дягилеву трудно. Я знал его страдания. Он страдал из-за денег. Он не любил меня, ибо я ему не давал моих денег в дело. Я накопил много тысяч франков. Дягилев у меня спросил один раз 40 ООО франков. Я ему их дал, но я боялся, что он мне их не отдаст, ибо я знал, что у него их нет. Я знал, что Дягилев умеет доставать деньги, а поэтому ему решил отказать, если он у меня спросит еще раз. Дягилев у меня спросил один раз в Шатле в Париже за сценой мимоходом. Я ему отвечал быстро, что я не хочу ему давать моих денег, ибо эти деньги я дал моей матери. Я ей дал все на бумаге и в мысли. Я не хотел, чтобы она страдала от денег. Моя мать много страдала, а поэтому я ей хотел дать жизнь спокойную.

Я ей дал жизнь спокойную, ибо она не заботилась о деньгах, но я заметил, что она неспокойна за меня. Она мне не раз хотела говорить. Я это почувствовал, но я ее избегал. Моя сестра тоже хотела мне говорить, но я избегал. Я понимал хорошо, что если я оставлю Дягилева, то я умру с голоду, ибо я недостаточно созрел для жизни. Я боялся жизни. Теперь я не боюсь жизни. Я жду приказаний Бога. Я пишу долго. Я думаю, что уже четвертый час ночи. Я знаю, что люди называют четыре часа утра, но я не иду спать, ибо Бог того не хочет. Бог хочет, чтобы я писал много. Он хочет, чтобы я поехал скоро в Париж и напечатал эти две книги. Я боюсь за их печатанье, ибо знаю, какой произведу скандал. Я знаю, что Бог мне поможет, а поэтому не боюсь. Я не могу писать, ибо моя рука задеревенела. Бог велит писать. Я пойду спать, если он мне прикажет. Я жду его приказаний…

Я поднялся наверх, уже было 5 часов. Я пошел в одевальную комнату и переоделся. По дороге я думал: «Где жена? В той ли комнате, где я должен спать, или в другой», — ия почувствовал дрожь в теле. Я дрожал, как сейчас. Я не могу писать, ибо дрожу от холода. Я не могу писать. Я поправляю буквы, ибо боюсь, что не поймут моего письма. Я хочу сказать, что я пошел в спальную, и когда вошел, то почувствовал холод раньше, чем увидел. Ее кровать была без подушек и открыта. Я ушел вниз, решив не спать. Я хотел записать мои впечатления. Я не могу писать, ибо чувствую холод во всем теле. Я прошу Бога мне помочь, ибо у меня рука болит и мне трудно писать. Я хочу писать хорошо.

Моя жена не спит, и я тоже. Она думает, а я чувствую. Я боюсь за нее. Я не знаю, что ей сказать завтра. Я не буду ни с кем говорить. Я буду завтра спать. Я хочу писать, но не могу. Я

думаю. Я не чувствую, но я знаю, что Бог того хочет. Я не могу писать от холода. У меня пальцы коченеют. Я хочу сказать, что она не любит меня. Я опечален. Мне тяжело. Я знаю, что люди привыкают к печали, и я привыкну. Я боюсь привыкнуть к печали, ибо я знаю, что это смерть. Я пойду просить прощения, ибо я не хочу смерти. Я спрошу у нее прощение, но она меня не поймет, ибо будет думать, что я неправ. Я не боюсь быть неправым, но я боюсь ее смерти. Ее разум холодеет. Я мерзну. Я не могу писать. Я хочу сказать, что мне холодно. Я не могу писать. У меня пальцы окоченели. Я не могу писать. Мне жалко себя и ее. Я плачу. Я холоден. Я не чувствую. Я умираю. Я не Бог. Я зверь…

Я хочу спать, но Бог не велит. Я царапал бумагу, ибо я чувствовал себя зверем. Я не люблю бумаги. Я хищник. Я злой человек. Я не Бог, я зверь. Мне жалко себя и людей, подобных мне. Я не человек, а зверь. Я знаю, что скажут, что я злой, ибо я пишу вещи злые. Я злой, я злой и зверь хищный. У меня когти вострые. Я буду завтра царапать. Я чувствую себя злым. Я не хочу зла, но мне хотят зла. Я не хочу жалеть людей, которые хотят мне зла. Я не хочу зла, но мне хотят зла. Я не могу писать красиво, ибо я злой. Я не пишу спокойно. У меня рука нервная. Я нервен. Я злой и нервен. Я не могу быть спокойным. Я не хочу быть спокойным. Я буду злиться. Я есть негодяй. Я злей всех на свете. Я умею злиться. Я обозлил ее, а поэтому она ушла от меня. Я не могу писать, ибо я зол. Я зол, но не так, как другие злятся. Я злюсь с Богом. Я не буду гулять завтра. Я останусь дома. Я буду пить вино и пиво. Я буду есть мясо. Я буду смеяться. Я буду глуп. Я не хочу писать красиво, ибо я хочу, чтобы меня читали так, как я хочу. Я не могу больше писать.

Я встал в 3 часа дня. Я проснулся раньше. Я слышал разговор, но не понимал, кто говорит. Я понял гораздо позже. Я узнал голос Матери и мужа ее. Я понял, что они приехали. Я ждал, что мне Бог велит делать. Я ничего не делал, но я чувствовал скуку. Я понял в полчаса столько, что другой не понимает за всю жизнь. Я думал. Я думал с Богом. Я знал, что Бог меня любит, а поэтому не боялся делать то, что он мне велит. Я боялся смерти. Я был грустен. Я скучал. Мне было жалко жены. Она плакала. Я страдал. Я знал, что Бог хочет моих страданий. Я знал, что Бог хочет, чтобы я понял, что такое смерть. Я понял. Я ждал, что Бог мне повелит. Я не знал, надо ли мне проснуться или лежать. Я знаю, что Бог меня не обидит. Я страдал душою. Я хотел плакать. Я слышал рыдания моей жены. Я слышал смех моей жены. Я слышал угрозы Матери моей жены. Я плакал душою. Я смотрел на стену и видел бумажные обои. Я смотрел на лампу и видел стекло. Я смотрел в пространство и видел пустоту. Я плакал. Мне

было грустно. Я не знал, что делать. Я хотел утешить мою жену, но Бог мне не велел. Я хотел смеяться, ибо почувствовал смех, но понял смерть и остановился. Я слышал, что говорят обо мне. Я понял, что все думают. Я стал скучать. Я хотел их развеселить. Я лежал и лежал. Мне было грустно. Я плакал душою. Я стал шевелиться и поднял ногу. Я почувствовал нерв в ноге. Я стал шевелить нервом. Я шевелил нервом пальца. Я понял, что большой палец нехорош, ибо у него нет нерва. Я понял смерть. Я двигал большим пальцем, а за ним двигались другие. Я понял, что у других пальцев нет нерва и они живут нервом от большого пальца. Я знаю, что многие ухаживают за ногами. Они обрезают мозоли. Я не имею мозолей, ибо я ухаживал больше. Я не поверил мозольным операторам и сам ковырял. Я понял, что ковыряние есть одно и то же, но разница та, что обрезанный мозоль растет скорее. Я решил покончить с мозолями, ибо они мне не давали покоя. Я жил в Венеции. Я снял сапоги и стал ходить босиком или в ночных туфлях. Я не любил туфлей, но я их носил по привычке. Я ношу теперь туфли, ибо их надо износить. Я не люблю сапоги, а поэтому ношу широкие танцевальные туфли. Я понял в Венеции, как можно истребить мозоли, и начал исполнять то, что мне казалось лучше. Я через несколько времени заметил, что мой мозоль не болит, но он большой, ибо я его отрастил. Я оставил его быть таким, каким он был, и через несколько времени я стал его точить камнем, который называется «морской пенкой». У меня мозоли прошли. Я заметил сегодня, что у меня нет мозолей, но у меня пальцы коротки и не имеют форму красивую. Я заметил, что мои пальцы без нервов. Я понял, что вся жизнь наша есть перерождение. Я понял, что если люди будут продолжать так жить, то будут без пальцев. Я понял, что весь организм человека перерождается. Я понял, что люди не думают, что делают. Я знаю, что земля перерождается, и понял, что люди помогают ей перерождаться. Я заметил, что земля потухает и с нею вся жизнь потухает. Я понял, что масло, которое выкачивают из земли, дает жару земли, а уголь есть перегоревшее в земле. Я понял, что без горения не будет жизни. Я понял, что земной жар нам нужен. Что жар земной есть жизнь земли. Я понял, что люди злоупотребляют выкачиванием масла и нефти. Я понял, что люди не понимают значения жизни. Я знаю, что без масла и нефти трудно жить. Я знаю, что людям нужен уголь. Я знаю, что камни дорогие есть перегоревшее и изложившее начала. Я знаю, что вода есть остаток от земли и воздуха. Я знаю, что луна покрыта водою. Я знаю, что астрономы видели каналы. Я понимаю значение каналов. Я знаю, что люди спасались посредством каналов. Я буду рыбой, а не человеком, если люди не будут мне помогать. Я понимаю, что

земля потухает. Я знаю, что земля была солнце. Я знаю, что такое солнце. Солнце есть огонь. Люди думают, что жизнь зависит от солнца. Я знаю, что жизнь зависит от людей. Я знаю, что такое жизнь. Я знаю, что такое смерть. Солнце есть разум. Ум есть потухшее солнце, которое разлагается. Я знаю, что разложение уничтожает жизнь. Я знаю, что земля покрывается разложением. Я знаю, что люди злоупотребляют разложением. Ученые все покрывают и покрывают землю. Земля задыхается, ей нет воздуха. Землетрясение происходит от дрожания внутренностей земли. Внутренности земли есть разум. Я дрожу, когда меня не понимают. Я много чувствую, а поэтому живу. Во мне огонь не потухает. Я живу с Богом. Люди не понимают меня. Я пришел сюда для помощи. Я хочу «рай» земной. На земле сегодня «пекло». Пеклом называется, когда люди ссорятся. Я вчера ссорился с женою, для ее улучшения. Я не был зол. Я злил ее не от злости, а для того, чтобы разжечь любовь ко мне. Я хочу разжигать землю и людей, а не потухать. Ученые потухают землю и любовь в людях. Я знаю, что неудобно писать в этой тетради, но я пишу, ибо мне жалко бумаги. Я знаю, что если бы люди жалели друг друга, то жизнь была бы дольше. Я знаю, что многие скажут, что не важно жить долго, что «на мой век хватит жизни», но ведь эта фраза говорит о смерти. Люди не любят своих детей. Люди думают, что дети нужны для размножения солдат. Люди убивают детей и покрывают землю пеплом. Пепел вреден для земли. Люди говорят, что пепел хорош для земли. Я знаю, что земля, покрывающаяся пеплом, задыхается. Я знаю, что ей надо жизни. Я русский человек, а поэтому знаю, что такое земля. Я не умею пахать, но я знаю, что земля теплится. Без ее тепла не будет хлеба. Люди думают, что надо сжигать кости умерших для удобрения почвы. Я скажу, что это скверно, ибо вся земля удобряется теплом, а не пеплом. Я понимаю, что земля есть гниение.

Я знаю, что гниение есть вещь хорошая. Я знаю, что без гниения не будет хлеба. Я знаю, что гниение покрывает землю и этим уничтожает жар земной. Я понимаю, что люди думают, что надо много есть. Я считаю, что еда есть привычка. Я знаю, что человек от природы очень силен. Я знаю, что люди его ослабляют, ибо не заботятся о его жизни. Я знаю, что людям надо жить, а поэтому хочу объяснить ученым. Я знаю, что многие ученые станут смеяться, но я понимаю значение этого смеха. Я не хочу смеха. Я хочу любви. Любовь есть жизнь, а смех есть смерть. Я люблю смеяться, когда того Бог хочет. Я знаю, что многие скажут: «Почему Нижинский все говорит о Боге? Он с ума сошел. Мы знаем, что он есть танцор и больше ничего». Я понимаю все эти

насмешки. Я не сержусь на насмешки. Я плачу и плачу.

Я знаю, что многие скажут, что Нижинский плакса. Я знаю, что такое плакса. Я не плакса. Я не умирающий человек. Я живой, а поэтому страдаю. У меня слезы редко капают. Я плачу душою. Я знаю, что такое плакса. Плаксами называются те люди, у которых слабые нервы. Я знаю, что такое нервы, ибо я был нервен…

Я закрыл электричество, ибо я хотел сэкономить. Я понял значение экономии. Мне не жалко денег, но мне жалко энергию. Я понял, что без энергии не будет жизни. Я понял значение потухающей земли, а поэтому хочу дать идею людям, как можно добывать электричество без угля. Уголь нужен для жара земли, а поэтому я не хочу выкапывать уголь.

Я хочу показать примеры с углем. Люди роют и роют уголь. Люди задыхаются от угля. Людям трудно жить, ибо они не понимают значения угля. Я знаю, что такое уголь. Уголь есть топливо. Я знаю, что люди злоупотребляют углем. Я знаю, что жизнь коротка, а поэтому хочу помочь людям. Я не пишу для забавы. Я хочу дать понять людям о жизни и смерти. Я люблю жизнь. Я люблю смерть. Я не боюсь смерти. Я знаю, что смерть там хороша, где Бог хочет. Я знаю, что смерть скверна, где нет Бога. Я понимаю людей, которые хотят застрелиться. Я знаю, что отец моей жены застрелился. Он очень много изучал. Он стал нервен, ибо его мозг был переутомлен. Я не изучаю много. Я изучаю только то, что Бог велит. Бог не хочет, чтобы люди много изучали. Бог хочет счастья людям…

Я хочу говорить об угле. Я понимаю значение угля. Уголь есть источник топлива. Топливо есть источник жизни. Я понимаю людей, говорящих, что без топлива можно замерзнуть. Я понимаю, что топливо есть вещь нужная. Я понимаю, что топливо можно экономить. Я знаю, что дерево есть вещь нужная, что его надо беречь, а не рубить и рубить. Люди злоупотребляют топливом. Люди думают, что надо много вещей, ибо чем больше имеешь, тем счастливее. Я знаю, что чем меньше имеешь, тем спокойнее на душе. Я не могу писать, ибо мое топливо привлекло мою жену ко мне. Я ее люблю. Она прочла то, что я написал, и поняла меня. Я ей сказал, чтобы она мне не мешала писать, и она ушла, не горюя. Она сегодня чувствует больше. Я счастлив, ибо надеюсь на ее улучшение. Мать моей жены успокоилась, ибо увидела мою любовь к жене.

Топливо есть вещь нужная, а поэтому его надо экономить. Я буду экономить топливо, ибо знаю, что с этим жизнь будет дольше. Я не хочу тех людей, которые думают, что «на мой век хватит». Я не люблю эгоизма. Я люблю всех. Я хочу есть мало, ибо мне не надо наполнять желудок. Я хочу жить просто. Я хочу

любить, ибо я хочу счастья всем. Я буду самым счастливым человеком, узнав, что все делятся. Я буду самым счастливым человеком, когда буду играть и танцевать и пр. и пр. без денежной или какой-нибудь другой уплаты. Я хочу любви к людям. Я не хочу смерти. Я боюсь людей умных. От них пахнет холодом. Я мерзну, когда около меня человек с умом. Я боюсь умных людей, ибо от них пахнет смертью. Я не пишу для умствования. Я пишу для объяснения. Я ничего не хочу за эту книгу. Я хочу помочь людям. Я не хвастаюсь моей книгой, ибо я не умею писать. Я не хочу, чтобы книги мои продавались. Я хочу бесплатной печати. Я знаю, что трудно напечатать сегодня без денег. Я знаю, что люди вымирают. Я знаю, что меня поймут, если эта книга будет хорошо напечатана, а поэтому я их буду печатать за деньги. Я потратил мало времени на письмо, но моя жена хочет денег, ибо она боится жизни. Я не боюсь, но я не имею права оставлять мою жену без помощи.

Я хочу сказать о матери моей жены Эмме и о ее муже Оскаре.

Эти люди хорошие. Я их люблю, но как и у всех, у них есть ошибки. Я буду описывать ошибки для того, чтобы они их прочли. Я надеюсь на их улучшение. Я знаю, что они меня придут искать, а поэтому пишу для того, чтобы они видели меня работающим. Я люблю, чтобы меня видели работающим. Я хочу работу. Я люблю людей работающих. Эмма и Оскар устали от длинной поездки. Они думали, что я сумасшедший, но почувствовали обратное. Оскар видит, что я понимаю политику, а потому интересуется мною. Он любит политику и денежные дела. Я не люблю ни того, ни другого. Я хочу показать людям пример моего разговора с Оскаром. Я люблю его, но он много думает. Он боится вырезать геморрой, ибо он боязливый. Я знаю, что мне скажут, что он боязлив, ибо он еврей.

Я хочу сказать, что боязливость не есть порок. Люди боязливые хорошие. Я люблю евреев, ибо они боязливые. Я знаю много людей, показывающих, что они не боязливые. Я знаю, что они притворяются. Я не люблю притворства. Я люблю людей, которые не притворяются. Я знаю, что люди скажут, что боязливость есть слабая черта характера. Я скажу, что боязливость не есть слабая черта характера, а нервная привычка. Я знаю, что люди скажут, что я не знаю, что такое боязнь, ибо я не был на войне. Я скажу, что я был на войне, ибо я воевал насмерть. Я воевал не в траншее, а дома. Я воевал с матерью моей жены, когда я был интернирован в Венгрии. Я знаю, что многие скажут, что я жил хорошо, ибо я жил в доме матери моей жены. Я жил хорошо. Я имел все. Я не был голоден, но я страдал душой. Я не любил мать моей жены. Я любил уединяться. Я работал над

нотной системой, ибо мне нечего было делать. Я скучал. Я плакал. Я знал, что все меня не любят. Мать жены Эмма притворялась, что она меня любит. Я чувствовал и ей объяснял, как мог. Она меня не понимала, ибо думала, что я злой. Я не был злой. Я был мученик. Я плакал, ибо моя жена меня не понимала. Оскар меня не понимал. Он чувствовал деньги, ибо им было трудно нас кормить. Я чувствовал, что мать моей жены должна мне давать пищу без платы, ибо я есть родственник. Я знал, что родственники не любят родственников, а поэтому решил играть обиженного. Она меня не понимала. Она думала, что я человек бедный, а поэтому боялась, что бы я ей не стоил. Она любила деньги, но не знала их значения.

Я понимал значение денег, а поэтому играл, что деньги вещь не важная. Я знал, что такое деньги, будучи ребенком. Моя мать мне давала 50 копеек в неделю на гостинцы, ибо у нее деньги водились от найма комнат. Моя мать нанимала комнаты, и таким образом мы могли питаться. Я питался много, ибо был всегда голоден. Я не понимал, что надо мало есть. Я ел как большой, хотя мне было 12 лет. Я жил у матери моей жены и ел много. Я не понимал значения пищи, а поэтому объедался. Еда стоила очень дорого, ибо была война. Мать моей жены Эмма была женщина нервная. Она меня любила за мой успех у публики. Ей нравились мои танцы. Я не любил танцевать, ибо я скучал. Я скучал и скучал. Я не понимал, что можно жить везде. Я работал над системой танцевальной, а под столом кошки срали и ссали. Я не любил кошек за их грязь. Я не любил грязь. Я не понимал, что не кошки срали, а люди. Люди не любили кошек, а поэтому о них не заботились. Я заботился о своей нотной системе. Я хотел забыться, а поэтому стал записывать мой балет «Фавн» по моей нотной системе. Это записывание было долгое. Я записывал около двух месяцев. Этот балет был по времени десять минут. Я понял ошибку и бросил работу. Я стал снова скучать. Я горевал. Я плакал, ибо мне было скучно. Я скучал по жизни, не понимая того. Я читал Толстого. Я отдыхал при чтении, но я не понимал значения жизни. Я жил один день и другой. Я занимался экзерсисом танцевальным. Я стал развивать мои мышцы. Мои мышцы стали крепкие, но мои танцы были плохие. Я чувствовал смерть моим танцам, а поэтому стал нервен. Я нервничал, и мать моей жены тоже. Мы нервничали оба. 'Δ не любил ее, а поэтому придирался ко всякой мелоч1 г >1 не любил мелочи, но я придирался, ибо мне нечего было делать. Я жил один день и другой. Моя жена скучала. Мы выдумали, чтобы нам заниматься развратом. Я купил книги, которые лежат сейчас в отеле «Бристоль» в сундуке в Вене. Я эти книги купил для возбуждения.

Я возбуждал жену. Она не хотела. Я ее заставлял возбуждаться. Она возбуждалась, и мы были развратны. Я был развратником. Я знаю, что многие есть развратны. Доктор Френкель тоже развратен, ибо он мне показывал японские гравюры в книге. Эта книга была заполнена развратными картинками. Он улыбался, когда я одобрял эту книгу. У меня сердце лопалось при виде этой гадости, но я не хотел этого показывать. Я понял, что люди меня не поймут, если я не буду одобрять их поступков. Я сказал себе, что я буду притворяться. Я притворялся, и меня понимали. Я не хочу притворяться, но Бог хочет, ибо он меня выбрал для своей цели. Я его слушаюсь, но иногда боюсь заходить в трактиры или квартиры, ибо я думаю, что Бог того не хочет. Я раз прошел мимо трактира, в который Бог хотел, чтобы я зашел, но я почувствовал усталость в теле и смерть разума. Я испугался и хотел войти, но Бог не захотел мне зла и меня остановил. Я знаю, что многие скажут: «О чем Нижинский говорит? Он все говорит, что Бог ему велит делать то или другое, а сам он ничего не делает». Я понимаю людей, мне грустно признаться, но я должен сказать, что это правда. Я больше не человек, а Бог. Я не человек обыкновенный. Я есть Бог. Я люблю Бога, и он меня полюбил. Я хочу, чтобы все были такие, как я. Я не занимаюсь спиритизмом. Я человек в Боге, а не в спиритическом состоянии. Я не медиум. Я есть Бог. Я есть человек в Боге. Я боюсь совершенства, ибо я хочу, чтобы меня поняли. Я жертвую собою, ибо я не живу как все. Я целыми днями работаю. Я люблю работу. Я хочу, чтобы все так работали, как я. Я хочу рассказать про мою жизнь в Будапеште во время войны. Я жил долго в доме матери моей жены. Я не знал, что делать. Я скучал. Я почувствовал силу, когда узнал, что меня освобождают, и решил убежать из дома матери моей жены. Я убежал с женою и ребенком в отель, ибо я получил деньги. Я. не был зол на мать жены. Я любил ее, ибо понял, что ей трудно. Мать моей жены поняла свои ошибки и прибежала в отель нас упрашивать. Мы не соглашались, ибо знали, что уедем скоро. Я попрощался с матерью моей жены и поблагодарил ее за ночлег. Я любил ее, но я не любил Оскара. Оскар был человек без такта, а поэтому высказывал свои мнения громко. Я был обижен и чуть не подрался с ним, но моя жена меня остановила, а мать моей жены остановила Оскара. Таким образом мы остановились, но мы скрежетали зубами. Мы поругались из-за политики. Оскар сказал, что Россия неправа, а я сказал, что Россия права. Я придрался к случаю, чтобы посмотреть на Оскара в раздраженном состоянии. Я знаю, что многие не поверят тому, что я пишу, но мне все равно, ибо я знаю, что многие почувствуют мою правду. Я больше не говорил с Оскаром и уехал не попрощавшись. Я знал, что

неправ, но я делал все нарочно, ибо я хотел, чтобы они, т. е. мать моей жены и Оскар [поняли], что не надо быть скупыми. Я их заставал врасплох. Они думали много и передумали. Они знали, что я их не люблю. Я писал в американских газетах о варварстве матери моей жены. Они читали, и, очевидно, это их переменило, ибо они больше не жалели денег. Я им не говорил о скупости. Они поняли меня, ибо я хорошо писал. Я притворился, ибо хотел им хорошего. Я их любил, но мне надо было играть, а поэтому я чувствовал злость. Эта злость была притворна. Я их любил. Мать Ромолы была женщина трудная. Она имела свои привычки. Она била по щекам прислугу. Я не любил этого, а поэтому ей показывал зубы. Она еще больше злилась. Мать моей жены не любила, чтобы ее муж смотрел на прислугу, и поэтому когда он посмотрел, то она била по щекам прислугу. Я не понимал значения, ибо об этом не думал, но чувствовал, что она это делает из ревности. Мне было жалко прислугу и Оскара, ибо я видел, что он на них смотрел из любопытства. Я видел его любопытство, а поэтому защищаю его. Я думал, что он ухаживает за служанками, но после убедился, что это все выдумки прихотницы Эммы. Эмма была женщина ужасная, ибо она не давала жить Оскару. Оскар любил ее и защищал ее всегда. Я видел, что он плачет душою, и мне жалко было его. Я ему ничего не говорил, ибо я думал, что он меня не поймет. Теперь я его понимаю и надеюсь на его любовь. Я ему дам несколько моих рисунков, ибо я вижу, что он их любит. Яне подпишу моих рисунков, ибо знаю, что никто не может сделать того, что я делаю. Я сегодня сказал Оскару, что я не люблю подписывать моих рисунков, ибо никто не сделает того, что я делаю. Я знаю, что все могут делать рисунки хорошие, но я знаю, что Бог не любит повторений. Я знаю, что люди будут меня копировать, но копирование не есть жизнь. Копирование есть смерть. Я знаю, что мне многие скажут, что Рафаэль и Андреа дель Сарто копировали, и что Андреа дель Сарто скопировал «Джоконду» так, что нельзя узнать, Леонардо да Винчи ли писал или Андреа дель Сарто. Я не люблю копирований, а поэтому не хочу, чтобы меня копировали. Мои рисунки очень просты, и их копировать очень легко. Я знаю, что будет много копировальщиков, но я сделаю все возможное для того, чтобы не копировали. Копировальщики мне напоминают обезьян, ибо обезьяна копирует человеческие движения. Обезьяна копирует, ибо не понимает. Она есть глупое животное. Я знаю, что многие скажут, что Рафаэль не был глупый, а копировал. На это я должен сказать, что Рафаэль копировал, потому что ему надо было для техники. Я люблю технику, но я не люблю копирование…

Я знаю, что надо для моей вставочки, ибо заметил, что у меня палец устает от нажима. На третьем пальце от нажима у меня образовался желобок. Я знаю, что мой палец примет некрасивую форму, а поэтому буду работать ради вставочкосовершенства. Я уже знаю, что надо для усовершенствования вставочки. Я заметил, что моя вставочка открывается спереди, а поэтому чернила выливаются, если я некрепко завинчу. Я знаю еще, что от крепкого завинчивания вставочка устает и поэтому скоро портится. Я тоже заметил, что нехорошо открывать вставочку спереди, ибо если эта часть вставочки упадет на пол, то сломается перо. Перо из золота, а поэтому очень дорого стоит. Я заметил, что золото скверное у пера, ибо я пишу не больше двух недель, а уже перо изменило свою форму. Верно, что я пишу много. А я знаю, что многие пишут много, а поэтому хочу им объяснить ошибку вставочки. Я вижу весь обман Watermans Ideal Fountain Реп. Я знаю, что эта фабрика славится. Я знаю, что его прославление было вначале, ибо он выпустил миллионы хороших вставочек для рекламы. Я знаю, что теперь он хочет разбогатеть, а поэтому выпускает скверные вставочки в надежде, что его обман никто не заметит. Я нарочно пишу о вставочке, ибо я хочу дать понять людям, что не надо обманывать людей. Я знаю, что эта фабрика будет меня судить. Я знаю, что они будут показывать хорошие вставочки, говоря, что эти вставочки подделки. Я знаю, что они возьмут лучших адвокатов для защиты и будут давать деньги для подкупа," ибо не хотят, чтобы заметили обман. Я буду осужден, но я буду прав. Я надеюсь, что меня защитят. Я спрячу эту вставочку на всякий случай, если меня будут судить. Я не боюсь суда, но моя жена боится, ибо думает, что мне хотят зла. Я знаю, что меня посадят в тюрьму, ибо у фабрики много акционеров. Я знаю, кто такие акционеры, а поэтому хочу написать о них. Я не люблю акционерства, ибо знаю, что акционеры люди богатые. Я предпочту. чтобы акционерами были люди бедные. Я знаю, что если акционерами будут бедные люди, то не будет войн. Война есть акционерство. Ллойд-Жордж есть представитель акционеров в Англии. Вильсон не любит Тресты. Он уже не раз высказывал свое мнение, но его не слушаются. Я бы хотел Вильсону помочь. Я буду все делать для того, чтобы помочь Вильсону. Вильсон есть человек, а не зверь-хищник. Акционерство есть зверство. Я знаю, что мне скажут, что все есть акционеры, ибо все покупают. На это я скажу, что все покупают, ибо нет другой возможности. Я знаю, что если найдут возможность, то не будет акционерства. Я хочу помочь всем людям, которые меня попросят им помочь. Я не люблю просьб, но я хочу, чтобы люди знали, что я им хочу помочь.

Я хочу заказать раму для фотографии Оскара, ибо я хочу показать ему мою любовь. Он видел, что у меня нет его фотографии. Я хочу ему показать, что все равны. Я хочу ему показать, что я не нервный человек. Я знаю, что все нервные, ибо пьют чай и кофе. Я не люблю чая и кофе, ибо нет жизни в этом напитке. Люди думают, что надо пить, ибо им внушили. Я знаю, что такое чай и кофе. Я не пью, ибо меня считают за нервного человека. Я показал им сегодня утром мой нерв. Все испугались. Я запел вдруг как Шаляпин, басом. Я люблю Шаляпина, ибо он чувствует пенье и игру. Ему мешают развиваться, ибо его просят играть вещи, которые он не любит. Он хочет показать, что он великий артист и может играть все роли хорошо. Я знаю, что у него сердце лопается от страдания. Он есть пьяница, ибо ему внушили питье. Я знаю пьяниц чая. Я знаю пьяниц кофе. Я знаю пьянство сигар и папирос. Я знаю все пьянства, ибо я их отведал. Я знаю, что мне скажут, что я тоже пьяница, ибо я пью молоко.

Я отвечу, что молоко не имеет возбуждающих веществ. Я знаю, что доктора запрещают пить и курить, но они сами делают то. что запрещают, а поэтому больной их не понимает. Я знаю, что все будут на меня злиться, ибо я не делаю того, что другие хотят, а поэтому буду все делать, что другие. Я буду плакать, но я буду делать, ибо я хочу, чтобы все бросили привычки. Я знаю, что многие скажут, что я притворяюсь. Что надо оставить самому, а после требовать от других. Я понимаю все эти замечания. Я.буду плакать, но я буду все делать, что другие, ибо я хочу, чтобы люди обо мне заботились. Я не эгоист. Я человек любви, а поэтому буду все делать для других. Я Эсочу, чтобы обо мне заботились. Я знаю, что люди меня поймут. Я знаю, что люди будут любить мою жену и моего ребенка, но я хочу любви общей. Я хочу, чтобы люди любили друг друга. Я хочу писать о войнах. Я хочу писать о смерти, ибо я почувствовал, что такое смерть. Я знаю, что люди любят смерть, ибо говорят, что «мне все равно». Я буду играть в театре вещи, которые будут возбуждать публику, ибо я знаю, что люди любят возбуждения, но в этих возбуждениях я дам почувствовать людям любовь. Я хочу, чтобы люди не любили духовной смерти. Я не хочу, чтобы люди боялись смерти от Бога. Я есть натура. Я есть Бог в натуре. Я есть сердце Бога. Я не стекло в сердце. Я не люблю людей со стеклянными сердцами. Я сделал ошибку, когда писал «сердце», но теперь поправил, ибо я люблю поправки. Я хочу, чтобы люди поправились. Я не хочу смерти духа. Я есть голубь. Я знаю, что люди думают, смотря на иконы и видя голубя. Я знаю, что люди не понимают церкви, а ходят в нее по привычке, ибо боятся Бога. Бог не в иконах. Бог в душе человека. Я есть Бог. Я есть дух. Я есть все. Я знаю, что многие

скажут, что «Нижинский сошел с ума, ибо он есть танцор и комедьянт». Я знаю, что люди меня полюбят как человека, если они увидят мою жизнь в доме. Я знаю, что все стесняются меня беспокоить, думая, что это меня беспокоит. Я человек, который не беспокоится. Я есть человек любви. Я люблю мужика. Я люблю царя. Я люблю всех. У меня нет различий. Я не партийный человек. Я есть любовь Божья. Я знаю ошибки моей жены, а поэтому хочу ей помочь исправиться. Я знаю, что многие скажут, что «Нижинский тиранит свою жену и всех, ибо он пишет неправду». Мне будет жалко людей за их ошибку. Я буду рыдать, как Христос на Синайской горе. Я не Христос. Я Нижинский. Я человек простой. У меня есть скверные привычки, но я их хочу исправить. Я хочу, чтобы люди мне указывали на мои ошибки, ибо я хочу, чтобы обо мне заботились. Я буду заботиться о других, а и обо мне будут заботиться все. Я хочу заботу любовную, а не злую. Я не хочу потачек. Я не потачка. Я любовь. Я хочу говорить о любви. Я буду говорить о любви. Я знаю, что Бог мне поможет, ибо я его понимаю. Я знаю, что я человек с ошибками. Я знаю, что у всех ошибки. Я знаю, что Бог хочет всем помочь. Я знаю, ибо я чувствую Бога. Я знаю, что если все меня почувствуют, то Бог поможет всем. Я вижу людей насквозь. Мне не надо говорить о себе, ибо я понимаю без слов. Я знаю, что мне скажут: «Как вы можете знать меня, когда вы меня не видели?» Я скажу, что я могу вас знать, ибо я чувствую с разумом. У меня разум настолько развит, что я понимаю людей без слов. Я вижу их деяния и понимаю все. Я понимаю все. Я могу все делать. Я мужик. Я рабочий фабричный. Я прислуга. Я барин. Я аристократ. Я Царь. Я Император. Я Бог. Я Бог. Я Бог. Я все. Я жизнь. Я бесконечность. Я буду всегда и всюду. Меня могут убивать, но я буду жить, ибо я есть все. Я хочу жизни бесконечной. Я не хочу смерти. Я буду писать о смерти для того, чтобы поняли люди ошибки и их исправили. Я говорю, что я тоже с ошибками. Я не комедьянт. Я человек с ошибками. Придите и посмотрите на меня, и вы поймете, что я человек с ошибками. Я хочу ошибки, ибо я хочу помочь людям. Я буду без ошибок тогда, когда люди будут мне помогать. Я хочу людей, а поэтому у меня двери всегда открыты. У меня шкапы и сундуки тоже открыты. Если вы найдете дверь закрытой, то позвоните, и я открою, если я буду дома. Я люблю мою жену и хочу ей добра, но она меня еще не понимает и поэтому велит прислуге закрывать дверь. Я знаю, что моя жена будет нервничать, если заметит, что публика ломится в мой дом, а поэтому прошу людей остаться по домам и ждать меня. Я приду туда, куда меня зовут. Я буду там не будучи там. Я есть дух во всяком человеке. Я есть Нижинский. Я пойду, если мне Бог

прикажет, но я не пойду, если мне скажут: «Приди ко мне». Я буду слушать людей, но я не приду к ним, ибо я не хочу возмущений. Я не люблю партийностей, а поэтому не хочу группирований. Я хочу, чтоб все остались при своих женах и детях. Я не хочу возмущений. Я не люблю смерти. Я хочу жизни. Я хочу, чтобы люди меня чувствовали. Я люблю Бога. Я люблю жизнь. Я люблю всех и делаю все для других. Я не люблю попрошайство. Я не люблю все общества для бедных. Я считаю всех бедными. Я не люблю давать деньги. Я буду помогать духовно. Я хочу любовь духовную, а не телесную. Я люблю тело, ибо оно нужно для духа, а поэтому буду есть мало. Я не хочу голоданий. Я хочу, чтобы люди не имели привычку много есть. Я не люблю мясо, ибо я дюблю животных. Я плачу, когда вижу едящих мясо. Я задыхаюсь, когда мне дают мясо. Я его ем, ибо я хочу, чтобы меня понимали. Я знаю, что многие будут говорить, что едят мясо, ибо хотят, чтобы их понимали. Я понимаю значение этих слов. Я не хочу, чтобы люди заставляли читать мои книги. Я хочу, чтобы люди внушали читать мои книги и ходить в театры на представления. Я хочу театр бесплатный. Я знаю, что сегодня нельзя ничего делать без денег, а поэтому буду много работать для того, чтобы могли меня все смотреть бесплатно. Я буду много работать для денег, ибо мне надо показать людям, что я человек богатый, а не бедный. Сегодня люди думают, что у кого нет денег, тот глуп и лентяй, а поэтому, плача в душе, я буду наживать деньгу, а затем я покажу людям, кто я такой. Я хочу выпустить эти две книги для того, чтобы люди поняли мои действия. Я хочу работать один, ибо я могу скорее заработать деньгу. Я хочу разбогатеть. Я буду играть на бирже. Я буду все делать для того, чтобы быть богатым, ибо я понимаю значение денег. Я поеду в Цюрих с Оскаром и буду там играть на бирже. Я куплю бумаги те, которые я найду хорошими. Я знаю, что Оскар испугается, ибо он будет думать, что я проиграю. Я знаю, что он меня будет умолять, чтобы я ему показал мой способ, но я ему его не покажу, ибо он не понимает значения денег. Рокфеллер человек хороший, ибо он отдает деньги людям, но он не понимает значения денег, ибо дает деньги на науку. Ядам мои деньги на любовь. На чувство Божье в людях. Я куплю театр и буду играть бесплатно. Те, которые захотят платить, будут ждать очереди. Те, которые не хотят платить, устроят по любви очередь. Я хочу очередь любовную. Я буду видеть несправедливости, ибо я проницателен. Я не обманусь и попрошу того человека уйти из театра. Я буду просить людей обиженных приходить ко мне. Я узнаю хитрость по лицу, ибо я большой физиономист. Я покажу всем, что я знаю. Приходите ко мне, и вы увидите. Я хочу писать, но у меня рука

устала, ибо я пишу скоро…

Я позавтракал плотно, ибо я ем скоро. Я ел, как и все. Оскар сидел рядом со мной и видел, что я ем мясо. Эмма

тоже видела, что я ем мясо, но я оставил почти весь кусок. ибо я не хотел есть убитых животных. Люди меня скорее поймут, если я буду есть мясо. Я показал, что я не брезгую, ибо я ел мясо. Я видел привычки Эммы. Она ест скоро и иногда, для согревания тела, как она говорит, пьет вино. Я понял, что это неправда, ибо она почувствовала меня и оставила вино. Она любит кофе, по привычке. Она женщина нервная, а пьет кофе. Она ест все очень скоро, не жуя. Оскар тоже ест скоро, жена тоже, и я ел тоже как они. Я почувствовал боль в желудке. Я понял, что ел мало, но от того, что проглатывал пищу скоро, не жуя, я почувствовал желудок. Мой желудок вздулся. Я понял, что он устал. Я почувствовал жар в желудке и стал пить воду. Мой желудок еще больше вздулся, но я чувствую жажду. Я пил много. Я знаю, что от такого питания человек умирает скоро. Я им дал понять о моем наблюдении, но они не поняли, ибо я им сказал за завтраком. Я им говорил о смерти животных, но не прямо. Они меня не поняли, ибо съели много. Я ел много, но не устал, ибо могу писать после еды. Моя жена и Эмма, мать моей жены, и Оскар чувствуют сон. Они ленивы, ибо не хотят встать из-за стола. Они заметили, что я много ел, а поэтому знают, что я не скупой. Я им давал все, что только было под рукой. Я ходил в шкап за маслом, ибо я знаю, привычку Эммы. Она любит масло за едою. Я ей дал масло, но она его не съела. Она думала, что я люблю масло, ибо утром я его съел порядочно. Она вернулась из Венгрии, где люди голодают оттого, что наложена блокада. Я знаю, что блокаду наложила Англия. Я знаю, что Ллойд-Жордж хочет продолжать блокаду, ибо боится возмущений. Он знает, что если человек поест хорошо, то ему больше ничего не надо, а поэтому человек идет на все. Человек, поевши мяса, звереет и убивает людей. Ллойд-Жордж хочет морить людей, а поэтому считает нужным не снимать блокады. Я знаю, что мне скажут, что не Ллойд-Жордж наложил блокаду, а народ английский, ибо он выбрал его как президента Министерства. Я скажу, что не народ его выбрал, а люди богатые. Я знаю, что все богатые его поймут, ибо он защищает интересы богатых. Я знаю, что мне скажут, что Ллойд-Жордж человек небогатый и что он происхождения из рабочих. Я знаю, что все это вранье. Я знаю, что у Ллойд- Жорджа много денег. Я знаю, что Ллойд-Жордж человек с амбицией. Я знаю, что мне скажут, что амбиция вещь хорошая, только надо уметь ею пользоваться. Ллойд- Жордж пользуется амбицией для богатых классов. Я пользуюсь амбицией для всех классов. Я не либералец

или какая-нибудь другая партия. Я без партий. Я знаю, что мне скажут: «Вы принадлежите к беспартийной партии». Я знаю, что есть люди без партий, но я к этой партии не принадлежу. Я есть Бог, а Бог не есть партия, ибо он любит всех. Я знаю, что мне скажут, что в первой книге я говорил о партии вильсоновской и что я одобрял эту партию. На это я должен ответить, что я считаю партию Вильсона более усовершенствованной, нежели другие партии. Я не хочу партийностей. Я хочу любви друг к другу. Я знаю, что мне скажут, что «вы принадлежите ни к чему». Я скажу, что я не принадлежу ни к какой партии. Я принадлежность Бога, а поэтому исполняю все его задачи. Я знаю, что многие скажут: «Какой Бог вам приказывает исполнять все, что вы делаете. Вы нас обманываете. Вы человек первобытный, без всякой культуры». Я знаю все эти ответы. Я отвечу им на этот вопрос просто. Я человек перворожденный с культурой Божьей, а не звериной. Я не хочу смерти. Я хочу жизни людям. Я люблю людей, а не себя. Я не считаю за культуру эгоизм и зверские поступки. Я люблю рабочие классы и богатые, и бедные. Я люблю всех. Я не хочу сравнивать всех. Я хочу сравнить любовь. Я хочу, чтобы все любили друг друга. Я не хочу, чтобы прислуга работала только из-за денег. Я хочу, чтобы меня любили. Моя прислуга меня любит. Я вначале не понимал жизни, а поэтому ругался с прислугой. Я знаю, что многие скажут, что прислуга дура, и если ей не покажешь кулака, то она тебя не поймет. Я тоже поступал с прислугой таким образом, но сегодня я понял, что я неправ поступать таким образом. Я не хочу, чтобы прислуга страдала. Я знаю, что мне скажут, что прислуга есть неблагодарная. На это я должен сказать, что прислуга есть те же люди, что и мы, только у них меньше ума. Прислуга чувствует, когда ее не любят, а поэтому злится. Я знаю, что мне скажут, что прислуга не должна злиться, ибо ей платят. Я скажу, что прислуге платят ее же деньгами, ибо прислуга работает за деньги. Люди забывают, что работа есть деньги. Люди думают, что деньги важнее, чем работа. Сегодня все замечают, что работа дороже денег, ибо нет рабочих людей и нет денег. Я не больше всех. Я человек рабочий. Я знаю, что все работают, но работа работе не равна. Работа хорошая есть вещь нужная. Я тоже работаю, когда пишу эти книги. Я знаю, что многие скажут, что я не работаю, а пишу для собственного удовольствия. Я отвечу, что не может быть удовольствия, когда человек все свободное время отдает на письмо. Надо много писать для того, чтобы понять, что такое письмо. Письмо есть вещь трудная, ибо человек устает от сиденья. У него ноги затекают и рука, которая пишет, деревенеет. Глаза портятся, и человек не имеет воздуха, ибо комната не может дать достаточно

воздуха. От такой жизни человек умирает скоро. Я знаю, что люди, которые пишут ночью, портят глаза и носят очки или пенснэ, а ипокриты — монокли. Я не ношу очков и пенснэ с лорнетами, ибо немного писал, но я заметил, что от долгого письма мои глаза наливаются кровью. Я люблю людей, которые много пишут, ибо знаю, что они есть мученики. Я люблю мучеников для Бога. Я знаю, что многие скажут, что надо писать для денег, ибо без денег нельзя жить. Я скажу со слезами на глазах, что эти люди подобны распятому Христу. Я плачу, когда слышу подобные вещи, ибо я испытал на другом. Я танцевал для денег. Я чуть не умер, ибо был переутомлен. Я был подобен лошади, которую заставляют кнутом тянуть тяжесть. Я видел ломовых, которые стегали лошадей до смерти, ибо не понимали, что лошадь не имеет силы. Ломовой гнал лошадь под гору и хлестал кнутом. Лошадь упала и из зада вывалились все кишки. Я видел эту лошадь и рыдал в душе. Я хотел рыдать вслух, но понял, что люди меня примут за плаксу, а поэтому плакал про себя. Лошадь лежала на боку и кричала от боли. Ее крик был тихий, она плакала. Я чувствовал. Эту лошадь ветеринар застрелил из револьвера, ибо ему жалко было этой лошади. Я знаю историю о собаке. Я познакомился с одним спортсменом-французом, месье Ремоном. Я ему сказал, что его собака очень красивая, но он с плачем в голосе мне сказал, что он застрелит эту собаку, ибо чувствует, что лучше, чтобы она умерла, чем мучилась с голоду. Я понял, что у него нет денег, а поэтому хотел ему помочь. Я знал, что он человек с амбицией, ибо любит выигрывать серебряные кубки в скелетоне. Скелетоном называется тот спорт, когда человек ложится на живот на санки из стали и пускает в ход всю силу для скорости. Такая скорость очень опасная. Многие спортсмены были убиты по случайности. Эти спортсмены чувствуют вино или табак, а от этого у них нервы при малейшем поступке раздражаются. Они идут на «пист» и пускают всю силу в ход. Они нервничают и убиваются. Я сказал об этом месье Ремону, и он меня понял. Он упал во время гонки и чуть не убился. Я ему сказал, что я думаю, что он сегодня нервен, ибо он выкурил много. Я ему дал почувствовать, что у него горе. Я заметил его слезу, но не показал ему этого, ибо боялся, чтобы он не заплакал. Он мне сказал, что он застрелит свою собаку Я плакал, и он тоже в душе. Он почувствовал, что я люблю собаку, и ушел, оставляя мою жену и меня. Я ушел грустный. Я заметил: когда я ем мясо и проглатываю, не жуя, то мое кало выходит с трудом. Мне приходится натуживаться настолько, что у меня чуть не лопаются жилы на шее и лице. Я заметил, что вся кровь приливает к голове. Я понял, что при такой натужке человек

может получить «апоплексию». Я не знаком с этой болезнью, но знаю случай, о котором хочу рассказать. Мое кало не выходило. Я страдал, ибо я имел боль в проходе. Мой проход бы невелик, а кало было больше. Я натужился еще раз, и кало немного подвинулось. Я стал потеть. Я имел холод и жару в теле. Я молился Богу, чтобы он мне помог. Я натужился, и кало вышло. Я плакал. Мне было больно, но я был счастлив. После окончания всей этой процедуры я подтерся и почувствовал боль в заду. Я заметил кусок кишки, вышедшей наружу, и испугался. Я стал втыкать эту кишку в зад, ибо думал, что эта кишка всосется, но она не всосалась. Я плакал. Я боялся за мои танцы. Я знал, что такое вышедшая кишка из зада. Я плакал, тогда Бог мне сказал, чтобы я не ел мяса и жевал мою пищу долго до проглатывания. Я это сделал и заметил, что мое кало вышло свободнее. Я стал есть меньше. У меня кишка всосалась. Я был счастлив. Я знаю людей, у которых кишка очень большая, и они не могут ни сидеть, ни ходить, и что им приходится прибегать к свечкам и другим способам, чтобы кало выходило. Но никакой доктор, по крайней мере, я не слышал, не дал совет людям, чтобы бросили есть мясо и проглатывать пищу кусками. Я знаю, что Оскар страдает от этой болезни. Ему доктора советовали сделать операцию. Он боится. Он царапает зад. Я видел, когда с ним лежал в одной комнате, ибо моя жена меня еще боится, ибо Доктор Френкель ей сказал, что я болен нервами. Я знаю, что люди умирают от «рака», а поэтому думаю, что «рак» есть не что иное как разложение крови. Люди питаются всякими консервами и мясом, а поэтому их кровь выделяет вещества ненужные. Моя жена и все боятся «рака». Я тоже боюсь, но я понимаю, как можно избавиться от «рака». Доктор Френкель смеялся, когда я ему говорил о «раке». Он смеялся, ибо думал, что я ничего не понимаю в медицине. Я ему показал пример, и он заинтересовался, но он был уставши от еды, а поэтому бросил этот разговор. Мы ели одновременно, ибо он был приглашен к нам женою. Он наблюдал за мною, ибо хотел понять, сумасшедший я или нет. Он до сегодняшнего дня убежден, что у меня не всё в порядке. Я знаю, что у него «не всё в порядке», ибо он человек нервный. Он много курит, ибо взял эту привычку из школы. Я думаю, что многие курят, ибо думают о представительности. Я заметил, что люди курящие имеют гордую осанку. Я зашел к президенту Санкт-Морица господину Гартману. Я хотел им немного дать жизни, а поэтому зашел поговорить. Оскар стал говорить с президентом. Я заметил, что президент осанился, и Оскар тоже, и они закурили. Я смотрел через подзорную трубу на горы, ибо мне сказали, что можно увидеть оленей. Я посмотрел, и ничего не увидел, и сказал, что предпочту

не видеть оленей, ибо я пришел видеть их. Они засмеялись, и я почувствовал, что они не интересуются мною. Они интересовались Оскаром. Я их оставил и стал искать оленей. Я наставил трубу и навел на оленя. Олень не испугался моего взгляда, и я его мог хорошо видеть. Я видел старого и толстого оленя. Он мне напомнил президента Гартмана. Я сказал, что этот олень повернулся задом. Я хотел им дать почувствовать себя, но им было не до меня. Я сказал Оскару, что надо идти есть, ибо суп ждет нас, а мы ждем суп. Гартман с женою засмеялись, но им было не до меня. Я почувствовал, что они думают, а не чувствуют, и мне стало горько. Я заметил, что они думают, что я сумасшедший, ибо, когда президентша меня спросила, как мое здоровье, то я сказал, что я всегда здоров, а на это она улыбнулась. Мне стало горько, и я плакал душою…

От нечего делать мать моей жены и жена с Оскаром пришли в салон. Моя жена меня спросила показать мои рисунки. Я притворился, что не хочу. Я показал рисунки, которые они уже видели. Жена спросила, чтобы я показал другие рисунки. Я взял пачку рисунков, над которыми я работал беспрестанно в продолжение двух или трех месяцев, и бросил на пол. Мать жены и жена с Оскаром почувствовали, что я не люблю мои рисунки. Я им сказал, что ими никто не интересуется, а поэтому я их снял со стены. Они показали сожаление и стали смотреть их. Я им объяснил значение рисунков. Я сказал, что в Париже меня поймут, ибо там люди чувствуют много. Я сказал нарочно, ибо я хотел показать зубы. Они почувствовали и сказали, что они тоже понимают. Я замолчал. Я им показывал некоторые рисунки, ибо хотел, чтобы они их почувствовали, но я чувствовал, что они думают, а поэтому их оставил, плача душою. Я человек с душою, а поэтому плачу, когда чувствую, что меня не понимают. Я знал, что меня не поймут, а поэтому снял все рисунки со стен' моей комнаты. Я спрятал все мои рукописи в нижнюю часть пианино. Я знал, что мои рукописи никто не поймет, но я думал, что д. Френкель подошлет людей, чтобы они взяли рукописи на несколько времени, для их перевода. Я не хотел показать мои рукописи, ибо был уверен, что доктор Френкель не поймет их и примет меня за сумасшедшего. Я боялся за жену, а поэтому спрятал тетради. Я спрятал все мои декорации, ибо чувствую, что они не поймут. Я не буду прятать рисунков, ибо они их видели. Я не хочу вызывать неприятного чувства, когда мать жены здесь, ибо я не хочу, чтобы она взяла мою жену, к себе. Я знаю, что она любит деньги. Я знаю, что она приглашала нас к себе, ибо надеется на получение денег моей жены. Я не имею денег, а поэтому боялся, что меня заключат в сумасшедший дом. Оскар и

другие родственники матери жены имеют акции в сумасшедшем доме. Я понимаю цель людей без слов. Я чувствую отвращение. Я не зол, но мне противно. Я боюсь Оскара и Эммы. Они. оба мертвые. Я хочу ему помочь, ибо я заметил, что он чувствует меня. Я заметил сегодня ночью, когда мы легли возле друг друга, что он еще чувствует, ибо, когда я почувствовал, то он тоже почувствовал, я сделал этот эксперимент, когда он заснул. Оскар зашевелил пальцем, когда я подумал о Боге. Оскар повернулся, когда я почувствовал Бога. Я заметил это, но не понял. Я почувствовал, что Бог это сделал. Я узнал только теперь. Я стал думать, что надо писать, и не мог. Бог делает это нарочно, ибо он мне хочет показать, что такое Бог. Я написал он с маленькой буквой, ибо заметил, что Богу все равно, с какой буквой его пишут. Немцы сравняли бога со всеми именами существенными, по грамматике имена существительные. Немцы думают, что существенное есть Бог. Я думаю, что все есть равные…

Я понял, что бумага вздорожает, а поэтому закуплю в Цюрихе много, ибо думаю много работать. Я знаю, что люди злы и мне не дадут того, что мне надо, а поэтому я должен заботиться. Заботу мне показал Бог. Он мне обещал выигрыш на бирже. Я хотел написать биржу с большой буквой, но почувствовал обиду и написал с маленькой. Бог не любит биржи, но он хочет, чтобы я играл. Он хочет, чтобы я осуществил его задачу. Он мне часто говорит, что я проиграю, но я уверен, что я выиграю, ибо я хочу дать эти деньги на осуществление Его задач…

Я устаю от писания вставочкой, но я буду писать, ибо хочу оставить мою рукопись. Я хочу закончить эти книги пером. Я буду искать вставочку более усовершенствованную. Я завтра поеду в Цюрих с Оскаром и женою и матерью ее. Я не люблю мать моей жены называть по имени, ибо чувствую, что она женщина злая. Я не люблю злых людей. Я назвал по имени Ллойд-Жорджа, Д1агилева и прочая и прочая, ибо людям легче заметить этих людей. Я сделал ошибки нарочно в имени Дягилева, ибо хочу, чтобы он видел, что я забыл, как пишется его имя.

Я хочу продолжить строку, но Бог не хочет, чтобы я писал на одной линии с Дягилевым. Я заметил ошибку, ибо я написал имя Бога с большой и Дягилева. Я буду писать бог с маленькой буквой, ибо я хочу выделения…

Я хочу пойти гулять, ибо я устал сидеть, но я пойду один, если меня не заметят. Все будут думать, что я работаю, а я пойду через черный ход на улицу. Я подымусь высоко и посмотрю вниз, ибо я хочу почувствовать высоту. Я пошел…

Я вышел на улицу через черный ход и почувствовал холод. Я знаю, что все сидят в столовой, а поэтому прошел мимо без шума.

Я знаю, что людям нечего делать, а поэтому они мешают жить другим. Я не хочу мешать жить другим. Я вышел из столовой, ибо я почувствовал, что меня там не любят. Я встретил доктора Френкеля. Он имел скучный вид. Я ему пожал руку, но раньше сказал, что все болеют. Я почувствовал холод в душе, а поэтому ушел из комнаты. Оскар пришел ко мне и позвал меня пить чай. Оскар почувствовал обиду доктора Френкеля, а поэтому хотел нас примирить. Я не хотел мириться, а поэтому удержал его. Я сказал Оскару мою цель большой работы, говоря, что я не устаю от работы нервами. Мне показалось, что он понял меня, ибо он согласился со мною. Оскар соглашается очень скоро после моих доводов. Я хотел ему доказать, что письмо Бога не утомляет нервов. Я не боюсь утомления Бога…

Я пил чай вместе с Доктором Френкелем, Оскаром, матерью моей жены и женою. Я пил спокойно, но после некоторого времени почувствовал разговор и стал всех веселить. Я веселил с целью. Я говорил вещи, которые понимал. Я шутил. Всем было весело. Я заметил, что Доктор думает, что я хочу смеяться над ним, а поэтому переменил разговор. Мой разговор шел о большевиках в России. Я хотел рассказать об одной истории, но не мог, ибо Бог хотел, чтобы жена рассказала. Она не могла говорить, ибо не чувствовала его. Я ей помог, напоминая. Я не хотел много говорить, но Бог хотел, чтобы я возбудил всех. Я возбудил всех и ушел. Я почувствовал Френкеля, ибо он хотел говорить — с женою. Я ушел, ибо думал, что не хотят меня. Френкель уходит, а я остаюсь. Я не хочу его провожать, ибо хочу ему дать почувствовать, что его мнение никому не нужно…

Доктор Френкель пришел сказать мне «до свидания». Я пожал ему руку. Он меня просил не писать много. Я ему сказал, чтобы он не боялся за меня. Он меня спросил, что я хочу видеть доктора в Цюрихе. На это я ему сказал, что я не знаю, но если жена захочет, то я его повидаю. Он мне сказал, что очень хорошо, если я повидаю этого доктора, ибо он очень хорош. Я ему сказал, что я его повидаю, если он успокоит мою жену. Доктор Френкель меня понял. Я ему пожал руку, а он мне сказал, что он ученик этого доктора. Я почувствовал, что он врет, ибо он ничего не понимает в нервах. Он сам пьет чай, вино и много курит, а поэтому его нервы приподняты. Я знаю, что доктор Ранжбург не курит, ибо от него не пахнет табаком…

У меня начинает болеть голова, ибо я ел много. Я ел много, ибо я хотел, чтобы мать моей жены не думала, что я скупой. Она чувствует, что я не скупой. Оскар меня любит, ибо боится за мое здоровье. Ему внушили, что мне скверно много работать. Я дал Оскару почувствовать, что я здоров, ибо много работаю. Я

понимаю, отчего люди устают. Они много едят, а от еды кровь приливает к голове, когда человек думает. Я чувствую тошноту и отрыжку и вместе с тем головную легкую боль. Я не буду сегодня вечером много есть, и я знаю, что к утру у меня все успокоится…

Я поеду в Цюрих в седьмом часу утра, а поэтому пойду спать раньше, ибо хочу, чтобы доктор нервов меня видел в хорошем состоянии. Я буду с ним говорить о нервах, ибо эта наука меня интересует. Я уже знаю немного об этой науке, но я опишу об этом после. Я не буду писать в Цюрихе, ибо чувствую большой интерес к этому городу. Я пойду в бордель, ибо я хочу почувствовать кокотку. Я забыл кокотку. Я хочу понять психологию кокотки. Я пойду к нескольким, если мне Бог велит. Я знаю, что Бог этого не любит, но я чувствую, что он хочет меня испытать. Я чувствую большую духовную силу, а поэтому не сделаю ошибки. Я дам деньги кокотке, но не буду с ней ничего проделывать. Я чувствую ярь, но вместе страх. Я чувствую прилив крови к голове. Я чувствую, что если я буду думать, то у меня будет апоплексический удар. Я не думаю, ибо не люблю это. Я знаю, что такое апоплексический удар, из одного случая. Мой друг Сергей Боткин, который меня вылечил от брюшного тифа, когда я был в первый год моего дебюта в Париже. Он меня вылечил от тифа. Я выпил воду из графина, ибо я был беден и не мог купить минеральной воды. Я пил скоро, не подозревая яда. Я пошел танцевать, и когда вернулся вечером, то почувствовал слабость в теле. Дягилев позвал доктора Боткина, ибо его знал хорошо. Сергей Боткин был доктором у царя. Я почувствовал жар и не боялся. Я не знал, что со мною. Сергей Боткин посмотрел на меня и понял все. Я почувствовал страх. Я заметил переглядывание доктора с Дягилевым. Они поняли без слов. Боткин посмотрел на мою грудь и увидел прыщи. Я понял, что он испугался. Я испугался тоже. Он разнервничался и позвал Дягилева в другую комнату. Этот дом уже разрушили. Я плакал, когда увидел его разрушение. Этот дом был беден, но на мои деньги я не мог жить лучше. Дягилев в этом доме мне сделал предложение, когда я был в горячке. Я согласился. Дягилев понял мое значение, а поэтому боялся, что я уйду от него, ибо тогда еще я хотел убежать, мне было 20 лет от роду. Я испугался жизни. Я не знал, что я Бог. Я плакал и плакал. Я не знал, что мне делать. Я боялся жизни. Я знал, что моя мать боится тоже жизни, а поэтому она мне передала этот страх. Я не хотел соглашаться. Дягилев сидел на моей постели и требовал. Он мне внушил страх. Я испугался и согласился. Я рыдал и рыдал, ибо понял смерть. Я не мог бежать, ибо понял смерть. Я не мог бежать, ибо у меня был жар. Я был один. Я ел апельсин. Я имел жажду и просил Дягилева

дать мне апельсин. Он мне принес апельсин. Я заснул с апельсином в руке, ибо я проснулся с апельсином, раздавленным и лежащим на полу. Я спал долго. Я не понимал, что со мною. Я потерял сознание. Я боялся Дягилева, а не смерти. Я знал, что у меня гиф, ибо я имел его в детстве и у меня запечатлелось. что тиф узнается по прыщам на теле. Мои прыщи были не от «кори», ибо я знаю, — что такое корь. Я опишу о кори после…

Доктор Боткин один раз навестил Тамару Карсавину, всем известную танцовщицу. Тамара Карсавина была женщина замужняя. Она вышла замуж за Мухина. Мухин был человек небогатый, но мог ей дать квартиру. У них детей не было. Доктор Боткин навестил Карсавину и после, вернувшись ночью, упал замертво в своей комнате. Я заметил, что Карсавина волновалась, ей было неприятно за его смерть, ибо он умер, ушедши от нее. Я почувствовал, что в смерти виновата Карсавина, ибо она его возбудила. Сергей Боткин любил поесть, ибо я заметил, что у него шея толстая и все лицо кровью залито. Я понял, что у него много крови. Я заметил волнение всех. Я заметил насмешки всех. Я уверен в том, что Карсавина кокетничала с ним, ибо он был человек «при дворе». Двором называется императорская фамилия. Карсавина кокетничала, ибо думала, что ей будет лучше. Боткин любезничал, ибо думал, что можно ухаживать за балеринами. Я чувствовал любовь к Карсавиной. Я не хотел ей худого. Боткин тоже не хотел ей худого, но он думал, что надо ухаживать за балериной. Я убежден, что он ничего· не делал с нею. Я убежден, ибо знаю, что такое Карсавина…

Боткин умер от апоплексического удара, ибо был раздражен. Его раздражение, очевидно, было от ее кокетства. Она кокетничала, а он ярился. Я знаю, что Карсавина женщина честная, ибо я заметил. Я немного ярился на нее, ибо у нее красивые формы. Я чувствовал, что за ней нельзя ухаживать, а поэтому раздражался. Я ухаживал в

Париже. Мое ухаживание было, что я хотел ей дать почувствовать, что она мне нравится. Карсавина это почувствовала, но мне не ответила, ибо была замужем. Я почувствовал мою ошибку и поцеловал у нее руку. Она почувствовала, что я ничего не хочу, а поэтому радовалась. Я знаю хорошо Карсавину, ибо с нею работал в продолжение пяти лет. Я был молод и делал много глупостей. Я ругался с Карсавиной. Я не хотел извиняться, ибо я чувствовал обиду. Я понял, что Дягилев ей внушил против меня, ибо он заметил, что я ухаживаю за Карсавиной. Карсавина придралась к маленькому пустяку, а я раздражался. Я плакал горько, ибо я любил Карсавину как женщину. Она чувствовала, что я ее обидел, а

поэтому плакала… Сергей Боткин умер. Все плакали, ибо любили его… Моя жена пришла и поцеловала меня. Я почувствовал радость, но Бог не хотел, чтобы я показал жене мою радость, ибо он хочет переменить ее…

Боткин умер. Я видел издали его труп. Он лежал на катафалке. Я понял смерть и испугался. Я ушел, не поцеловав его труп. Все целовали труп. Я не мог видеть всю процедуру. Родственники плакали, а знакомые притворялись скучными. Они оглядывали квартиру с картинками и приценялись. Я знаю, что после его смерти были проданы все его вещи, ибо жена Боткина не любила все прихоти Сергея Боткина. Сергей Боткин любил покупать картины, ибо ему внушили, что надо покупать старые картины. Его квартира была переполнена старыми картинами. Я заметил, что люди не интересуются новыми картинами, ибо думают, что не понимают искусство. Они покупают старые картины для того, чтобы показать, что имеют любовь к искусству. Я понял, что люди любят искусство, но боятся сказать себе, что «я понимаю искусство». Люди очень боязливы, ибо их пугают критики. Критики пугают, ибо хотят, чтобы у них спрашивали мнение. Критики думают, что публика глупа. Критики думают, что им надо объяснить публике о картинах. Критики думают, что без них не будет искусства, ибо публика не поймет вещей, увиденных ими. Я знаю, что Такое критика. Критика есть смерть. Я говорил один раз с одним человеком на пароходе, возвращаясь из Нью-Йорка в Бостон. Я говорил с ним горячо, ибо он меня разжег. Я заметил, что это русский сыщик по внутренним беспорядкам. Он думал, что я анархист. Я не знаю, почему он подумал, что я анархист. У него лицо было злое. Он меня не любил, а поэтому я почувствовал и стал его остерегаться. Я интересовался моей задачей о критике, а поэтому говорил о критике. Он хотел заговорить, ибо думал меня вызвать на разговор о внутренней политике. Я понял и решил его разозлить тем, что ему объясню тот вопрос, который он мне задал. Я говорил громко, ибо хотел ему внушить. Он думал, что я раздражаюсь, и притворился тоже раздраженным. Я заметил, что его лицо не живет, когда он со мною говорит. Он не нервничал, когда изображал нервного. Я понял, что я лучше его играю. Я стал ему объяснять о критике. Он меня слушал, ибо устал мне противоречить. Он меня перебивал, ибо хотел, чтобы я переменил разговор, но я не оставлял начатой темы, ибо я любил эту тему. Ему не нравилось, и он стал нервен. Я заметил, что ему не нравится мой разговор, и ушел, оставляя незаконченным мой вопрос о критике. Я узнал после, что он спрашивал мою жену, что «я нигилист». Я не знаю, что такое значит «нигилист». Я мало

знаю о * ♦ .*

«нигилизме». Я не понимаю всех этих названий, ибо я не учен. Я учился в Императорской школе, где меня не учили всем этим названиям. Я был императорский ученик. Я не понимал внутренней политики до тех пор, пока не женился. Я ее понял будучи женатым, ибо боялся жизни, а мне надо было жить. Я хочу рассказать о критике, ибо я этот вопрос затронул. Я не люблю критики, ибо она есть вещь ненужная. Я знаю, что мне скажут, что критика необходимая вещь, ибо без нее не поймут, что надо, а что не надо. Я знаю, что критики пишут, ибо хотят денег. Я знаю, что деньги, при сегодняшнем строе жизни, необходимы. Я знаю, что мне скажут, что критики много работают над тем, что пишут. Я скажу, что критики мало работают, ибо они не занимаются искусством, а пишут об искусстве. Артист отдает всю свою жизнь искусству. Критик ругает его, ибо ему не нравится его картина. Я знаю, что мне скажут, что критик человек беспристрастный. Я скажу, что критик эгоист, ибо он пишет о своем мнении, а не о мнении публики. Аплодисменты не есть мнение. Аплодисменты есть чувство любви к артисту. Я люблю аплодисменты. Я понимаю значение аплодисментов. Я буду говорить об аплодисментах после. Критик не чувствует аплодисментов. Критик любит ругать аплодисменты, ибо он хочет показать, что он больше понимает. Публика в Париже не слушает критики. Парижская критика злится на публику, ибо не может внушить ей. Кальмет большой критик, ибо он писал критику на театр и на политику. Он выругал «Фавна», говоря, что балет развратен. Я не думал о разврате, когда я сочинял этот балет. Я его сочинял с любовью. Я выдумал весь балет один. Я сочинил идею декорации, но Бакст Лев не понял меня. Я работал долго, но хорошо, ибо я чувствовал Бога. Я любил этот балет, а поэтому я передал мою любовь публике. Роден написал хорошую критику, но его критика была ему внушена. Роден ее написал, ибо его Дягилев попросил. Роден человек богатый, а поэтому не нуждался в деньгах; но ему внушили, ибо он никогда не писал критики. Роден разнервничался, ибо не любил своей критики. Он хотел меня зарисовать, ибо он хотел сделать из меня мрамор. Он посмотрел на мое голое тело и нашел его неправильным, а поэтому зачеркнул свои кроки. Я понял, что он меня не любит, и ушел…

Кальмет написал критику в тот же день. Я понял из разговора Дягилева с Бакстом, что Кальмет был осмеян в обществе. Кальмет потерял доверие у публики как критик театра…

Светлов, критик в Петербурге, в «Петербургской газете» написал критику о «Фавне», не будучи на представлении. Он написал, ибо он читал «Фигаро», а «Фигаро» была газета самая

распространенная. Он писал, будучи под впечатлением кальметовской критики. Он не был в театре, ибо я знаю из того, что Дягилев хотел, чтобы он приехал для помощи в работе над «Русским балетом». Светлов думал, что «Русский балет» провалился, а поэтому поспешил осведомить русскую публику, боясь, что другие газеты напечатают раньше. Я знаю, что Светлов читает «Фигаро», а поэтому понял, что он эту газету получил раньше его отъезда. Он не читал газету Парижа «Утро», а поэтому не прочел критики Родена. Если бы он прочел критику Родена, то я более чем уверен, он не написал бы критики Кальмета, а написал бы критику Родена. Я заметил волнение Светлова, когда он приехал в Париж. Он. понял свою ошибку, а поэтому меня избегал. Я не боялся его, ибо знал, что он злой. Я не боюсь людей злых, а напротив, я воюю. Я воевал со Светловым так, что ему не кланялся. Он почувствовал и играл, что не любит моих балетов, но он больше не писал обо мне. Он написал историю балета, не зная о ней, ибо в ней не была описана моя жизнь. Я был не замечен. Я плакал, ибо я много работал для Русского балета. Дягилев злился, но не показывал виду. Я думаю, что Светлов нарочно написал эту книгу, ибо он хотел показать Дягилеву, что он не скопировал с критики Кальмета. Светлов заметил, что все стали смеяться над ним, а поэтому для оправдания написал эту книгу…

Я хочу написать о жизни моей как артиста. Я был нервен, ибо много занимался онанизмом. Я занимался онанизмом, ибо я видел много красивых женщин, которые кокетничали. Я ярился на них и занимался онанизмом.

Я заметил, что у меня стали выпадать волосы. Я заметил, что зубы у меня стали гнить. Я заметил, что я нервен и стал хуже танцевать. Я стал заниматься онанизмом один раз в 10 дней. Я думал, что десять дней есть срок нужный, что все должны уставать раз в 10 дней, ибо я услышал старший разговор. Я имел не более 19 лет, когда стал заниматься онанизмом раз в 10 дней. Я любил лежать и воображать о женщинах, но после уставал и решил яриться на себя самого. Я смотрел на свой хуй стоячий и ярился. Мне не нравилось, но я думал, что «раз я завел машинку, надо кончить». Я кончал быстро. Я чувствовал, что кровь приливала к голове. Голова не болела, но я чувствовал боль в висках. Я сейчас чувствую боль в желудке, ибо я много ел, и у меня такая же боль в висках, как раньше, когда я занимался онанизмом. Я занимался онанизмом мало, когда танцевал, ибо я понял смерть моих танцев. Я стал беречь свои силы и поэтому бросил. Я стал «бегать по девочкам». Я находил с трудом кокоток, ибо не знал, где их надо искать. Я любил кокоток в Париже. Я

ярился на них, но после одного раза я не хотел больше ничего делать. Я любил этих женщин, ибо они были хорошие люди. Мне было больно всякий раз после употребления. Я не пишу эту книгу, чтобы люди ярились. Я не люблю яренье. Я не ярюсь, когда пишу эти строки. Я плачу горько. Я чувствую все пережитое, а поэтому пишу о яреньи. Мое яренье меня чуть не привело к гибели. Я почувствовал слабость. Я не мог сочинять «Игры». Я выдумал этот балет на яренье. Этот балет не удался, ибо я его не чувствовал. Я его начал хорошо, но потом меня стали торопить, и я его не закончил. В этом балете видно яренье трех молодых людей. Я понял жизнь 22 лет. Я сочинил этот балет один. Дягилев и Бакст мне помогли записать сюжет этого балета, ибо Дебюсси, знаменитый музыкальный композитор, требовал сюжета на бумаге. Я просил Дягилева мне помочь, и он с Бакстом вместе написали на мой сюжет. Я рассказал Дягилеву мои мысли. Я знаю, что Дягилев любит говорить, что он их сочинил, ибо он любит похвалы. Я очень доволен, если Дягилев говорит, что эти сюжеты, т. е. «Фавн» и «Игры», он сочинил, ибо эти балеты были мною сочинены под впечатлением моей жизни с Дягилевым. «Фавн» есть я, а «Игры» есть та жизнь, о которой Дягилев мечтал. Дягилев хотел иметь двух мальчиков. Он мне не раз говорил об этой цели, но я ему показал зубы. Дягилев хотел любить одновременно двух мальчиков и хотел, чтобы эти мальчики любили его. Два мальчика есть две девушки, а Дягилев есть молодой юноша. Я эти личности нарочно замаскировал, ибо хотел, чтобы люди почувствовали отвращение. Я чувствовал отвращение, а поэтому не мог кончить этого балета. Дебюсси тоже не любил цели, но ему дали 10 ООО франков за этот балет, а поэтому он должен, был его кончить…

Я знаю, что мне надо завтра ехать в Цюрих, а поэтому пойду спать…

Я не пошел спать, ибо Бог хотел мне помочь. У меня болит немного голова, и я чувствую изжогу. Я называю изжогой, когда горит в желудке. Я не люблю боли желудка, а поэтому хочу, чтобы боли прошли. Я попросил Бога мне помочь. Он мне сказал, что я не должен ложиться спать. Я заметил, что мой желудок не работает, когда я лежу, а поэтому решил не ложиться спать. Я буду спать в поезде, ибо мне наскучили Оскар с матерью жены. Они всего один день. Я не хочу разговаривать с ними. Я сказал моей жене так, чтобы мать ее услышала, что «я не могу разговаривать, ибо я должен закончить мою работу, ибо я не буду писать в Цюрихе». Моя жена поняла, а поэтому ничего не ответила, но мать ее я не знаю, что почувствовала, ибо я не видел ее лица. Она женщина хитрая. Я заметил сегодня за обедом и

завтраком. Я ей дал за обедом мандарин, оставшийся от моей доли. Она хотела еще мандарина, а поэтому заговорила о мандарине. Я ей дал мандарин и сказал, что для меня все равно, что есть: мандарин или апельсин. Она взяла мандарин и ничего не сказала. Я ей показал «зубы». Оскар заступился за нее. Я ей еще раз показал зубы, дав часть мандарина, ибо я его у нее нервно взял, Оскару, а другую предложил жене. Жена мне отказала, ибо думала, что я люблю мандарин. Я положил мандарин матери на тарелку, но она его не съела, тогда я ей еще раз показал зубы, говоря, что она похожа на Тэссу. Я ей говорил про масло тоже. Она меня поняла, ибо ничего не сказала. Я ей говорил так, чтобы внушить. Она почувствовала уколы, но не показала ни малейшего вида. Она очень ловкая женщина. Она мне напоминает Дягилева. Она очень хорошая артистка, а поэтому умеет играть. Я понимаю игру, ибо чувствую. Я знаю, что мне скажут, что все артисты чувствуют, ибо без чувства нельзя играть. На это я должен сказать, что все артисты чувствуют, но не все чувствуют хорошо… Я царапаю мой нос, ибо чувствую волосы, которые шевелятся в носу. Я заметил, что волосы шевелятся от нервов. У меня нет волос на голове, ибо я был нервен…

Я знаю, что мне скажут, что мать моей жены великий артист. На это я скажу, что я понимаю, что такое артист,

ибо я сам артист. Я знаю ее как человека, а поэтому могу судить ее игру. Я заметил, уже будучи в Будапеште, когда был интернирован, что она притворяется. в жизни. Я знаю, что все скажут, что я тоже притворяюсь в жизни, говоря, что Бог этого хочет. Я должен сказать, что я притворяюсь. ибо мне Бог велит, а мать моей жены притворяется из-за эгоистической цели. Она не любит, что я ее пригласил жить к нам, ибо она любит тиранить прислугу и заметила, что я люблю прислугу. Она знает, что я не ухаживаю за горничными. Она из привычки ругается с прислугой. Я не хочу, чтобы меня звали спать. Я пойду спать, когда мне Бог велит. Я сказал моей жене, что пойду скоро спать, но я знаю, что буду писать долго. Я не люблю, чтобы меня беспокоили, когда я работаю. Я сам знаю, что мне надо. Я прошу помощи, а не мешания. Я не есть мешание. Я есть помощь…

Она ругается с прислугой из-за привычки. Я не люблю ругаться, с прислугой. Я люблю делиться. Мать моей жены не любит прислугу, ибо прислуга ей показывает зубы. Прислуга ей показывает зубы, ибо она их не понимает. Я люблю прислугу, а поэтому делаю то, что они любят. Я не хочу баловать прислугу. Я не есть балование. Я есть любовь. Я буду писать о любви к прислуге после…

Я хочу писать много о жизни матери моей жены. Я знаю, что

все скажут, что я такой же комедьянт, как и она, только разница в том, что она женщина и драматический артист, а я мужчина и танцор. Я понимаю, что люди не доверяют танцорам, а поэтому хочу показать, что такое танцор… Я люблю мать моей жены как человеческое создание, но я ее не люблю как человека в жизни. Она злая женщина. Она чувствует очень мало. Она эгоистка до последней минуты. Она любит только себя. Я понимаю. почему первый ее муж и отец моей жены застрелился. Я понимаю, почему одна женщина, которая была в прислугах у матери моей жены, стреляла в нее. Я понимаю, почему она не хотела судиться. Она боялась, что суд заметит ее неправоту. Она боялась всегда этой женщины, когда та проходила мимо ее дома. Я понимаю, что человек не может бояться бесцельно. Я знаю, что цель была простая. Она не любила эту женщину, ибо та пила вино. Мать моей жены ее ругала до того, что у той вся нервная система чуть не лопнула, ибо она была в «белой горячке». Я знаю, что такое «белая горячка». Человек сумасшедший в продолжение некоторого времени. Все пьяницы подвержены этой болезни…

Мать моей жены испугалась и заперла двери. Моя жена мне рассказывала эту историю, а поэтому я знаю все. Эта женщина стреляла в дверь, но перед этим она спряталась за предмет комнатный. Когда мать моей жены вошла в комнату, то женщина показала ей револьвер. Мать моей жены стала бегать из угла в угол и затем убежала, закрыв дверь в комнату. Женщина обозлилась и стала стрелять в дверь. Я почувствовал обиду этой женщины. Я говорил неправду, когда защищал мать моей жены, говоря, что она права, а не эта женщина. Я понял эту историю только теперь, ибо мне Бог помог. Я люблю Бога, а поэтому он мне помогает…

Нервы в носу успокаиваются, но нервы в черепе мне мешают, ибо я чувствую отлив крови от головы. Мои волосы шевелятся, ибо я их чувствую. Я ел много и поэтому чувствую смерть. Я не хочу смерти, а поэтому прошу Бога, чтобы тот мне помог…

Я хочу писать красиво, ибо чувствую красоту. Мать моей жены была красивая женщина. Она испортила себя, ибо она злится постоянно, говоря, что у нее желчь не в порядке. Я ей говорил в Будапеште, что у нее желчь болит, ибо она все ругается и ругается. Она мне не поверила. Она никому не верит. Она злая женщина. Она прибегает к уловкам, ибо хочет рекламу. Она притворяется, что любит простых людей. Она дает руку кондукторам для показа. Она это делает неумело, ибо я заметил, что кондуктора краснеют. Им неловко, ибо они думают, что она смеется над ними. Она им улыбается Ллойд-Жорджев- ской улыбкой. Я знаю, что мне скажут, что она женщина хорошая, ибо

плачет, когда видит обиженных. Я знаю, что мне скажут, что она делает подаяние, устраивая на места женщин без места. Я сам думал долго, что она хорошая женщина, но я заметил, что она не любит мою жену, по простой случайности. В первый день нашего знакомства она хотела мне нравиться, а поэтому мне показала фотографии старые моей жены. Моя жена стала плакать, ибо почувствовала обиду. Я тоже почувствовал обиду и ушел. С тех пор я не верил матери моей жены. Я ее ненавидел, но я притворялся. Она чувствовала мою силу, ибо заметила, что я не обращаю внимания на нее. Она меня злила, и я с нею ругался. Она боялась, что я буду говорить скверно про нее, а поэтому она говорила, что я ужасен и не люблю ее. Я это узнал из того, что все стали мне поворачивать спину. Тот, кто меня целовал раньше, стал не кланяться мне. Мать моей жены блаженствовала, ибо думала, что я побежден. Я не был побежден, ибо я не злился на нее. Я притворялся, ибо хотел ее улучшения. Я ей показывал каждый день зубы. Она мне показывала вдвое. Я удвоил, и она утроила, и таким образом мы ругались в продолжение восемнадцати месяцев, тех месяцев тяжелых, когда я был интернантом.

Мать моей жены ипокрит. Она мне напоминает Ллойд-Жорджа. Она женщина злая. Я не люблю людей

злых, а поэтому хочу их обезоружить тем, что буду писать о их жизни. Они будут злиться, читая эти строки, но я буду блаженствовать, ибо дам ей большой урок. Я хочу, чтобы она перед смертью сознала свою вину перед людьми и извинилась. Я не хочу извинений перед публикой, но я хочу, чтобы она чувствовала. Я хочу, чтобы она сожалела о всей своей жизни в прошлом. Я знаю, что вся критика венгерская будет поставлена на ноги и что меня будут ругать, а поэтому я буду просить Бога обезоружить критику. Я буду отвечать, если мне Бог велит. Я знаю, что люди меня поймут, а поэтому я буду благодарить Бога за его любовь. Я знаю, что он меня любит и мне поможет во всем. Я беден. Я нищ. Я не имею покрова ни пищи, ибо у меня нет ничего. Мать моей жены имеет дом в три этажа с мраморными колоннами. Она любит этот дом, потому что он стоит дорого. Я не люблю этот дом, ибо он глупо построен. Я знаю, что многие скажут, что я не понимаю в красоте этого дома, ибо в нем много старых хороших картин и гобеленов. Я скажу, что я не люблю ничего старого, ибо старое пахнет смертью. Я знаю, что многие скажут, что я человек без души, ибо я не люблю старых людей. Я скажу, что я люблю старых людей, но я не люблю старость духа. Я есть молодой дух. Толстой был молодой дух, Вагнер и Бетховен были молодые духи и пр. и пр. Я не хочу говорить о других, ибо я

их мало знаю. Я люблю всех. Я написал про Толстого, ибо он есть Бог, Вагнер не есть Бог. Бетховен есть Бог. Бах не есть Бог…

Мать моей жены женщина ужасная. Я не люблю ее. Я хочу, чтобы Бог взял ее с лица земли. Я знаю, что мне ответят, что я злой человек, ибо прошу Бога «взять ее с лица земли». Я отвечу, что я люблю всех и хочу любви этой женщины, а поэтому прошу Бога, чтобы он убил в ней все скверные чувства, а с этим вся ее прежняя жизнь покончится. Вот что я называю «взять ее с лица земли»…

Я уезжаю в Цюрих. Я не хочу ничего делать для моего отъезда.

Все волнуются. Прислуга поглупела, ибо чувствует Бога. Я тоже его чувствую, но я не поглупел. Я не хочу хвастаться. Я хочу сказать правду. Оскар телефонирует в Цюрих. Он боится, что его имя не поймут. Он чувствует, что никто его имени не знает, а поэтому он хочет их заставить. Его имя Пардан. Он выговаривает свое имя с акцентом на каждом слоге. Я понимаю, почему ему надо, чтобы его имя все знали. Он хочет показать, что он богат. Он не хочет, чтобы люди думали, что он беден. Он не любит бедности. Я люблю бедность. Мне все равно, знают ли мое имя или нет. Я не боюсь за то, что люди меня не будут любить, если поймут, что я беден. Я знаю, что «бедность не порок». Я знаю, что все скажут, что у меня зрение хорошее, ибо я могу писать мелко. Я должен сказать, что зрение устает от такого писания. Я пишу только эту страницу, а уже чувствую усталость в глазах. Мои глаза щипят. Я имею зрение совершенно здоровое, ибо мало читал. Я читал всегда утром и днем. Я понял, что чтение есть работа. Я в школе запирался, притворяясь больным для учения. Я лежал и читал. Я любил читать лежа, ибо я был спокоен. Я не любил лежать, но надо было, ибо меня все считали за больного. Я больше не чувствую' щипание глаз, ибо мне Бог помог. Я не люблю, чтобы мне мешали. Я хочу писать про уезд в Цюрих. Все волновались. Я не волновался, ибо мне было все равно. Я считал эту поездку глупой. Я поеду, ибо Бог того хочет, но если бы Богу не захотелось, то я бы остался [зачеркнуто: придумав уловку]. Я не люблю притворство. Я хочу Бога. Я хочу, чтобы все меня понимали, а поэтому нарочно зачеркнул для показа. Я заметил, что левая нога и рука «колется». Я называю «коликой» то, когда кровь застаивается. Я не могу шевелить ногой. Я не могу писать, ибо кровь во всем моем теле не движется. Я начинаю понимать Бога. Я знаю, что все движение дает Бог, а поэтому его прошу мне помочь. Я не могу писать этим пером, ибо мое перо умирает. Оно царапает бумагу и берет с собой лоскутки бумаги. Перо скверное, ибо я его правлю, а оно не поправляется. Я буду искать другое

перо в Цюрихе. Я попрошу Оскара купить простое перо. Я не пишу на ходу поэтому я не нуждаюсь в фонтен-плюме с чернилами внутри. Я не злюсь, но мне жалко людей, ибо фонтен-плюм дорого стоит. Я знаю, что всем хочется иметь хороший фонтен-плюм. Я понял свою ошибку. Я буду писать наточенным концом, ибо знаю, что смогу хорошо писать, ибо наточенный конец затупился. Я думал, что золотб крепче, чем бумага, но бумага крепче. Я стал писать наточенным концом. Я понимаю смерть вставочки. Вставочка Watermans Ideal Fountain Реп обман. Я понимаю, как люди богатеют. Люди богатеют обманом. Я понимаю, что такое биржа. Я буду обманывать биржевиков. Я пойду завтра на биржу с Оскаром. Я замечу по Оскару. Он будет волноваться, а я нет. Я не буду волноваться и замечу весь обман, о котором опишу…

Я хочу писать о поездке. Моя поездка остановилась, ибо все забыли про поезд. Оскар с матерью моей жены поверили глупой Луизе. Луиза забыла час, который ей сказал человек на вокзале. Она забыла, ибо волновалась. Моя жена и мать моей жены оскалили зубы на нее. Я им объяснил, смеясь, что не ее вина, но почувствовал взгляд матери моей жены и переменил. Я сказал, что поезда часто меняют расписание, ибо теперь война. Мать поняла меня. Она думала, что я хочу защищать Луизу. Я ей дал понять, что я ее понимаю. Она почувствовала, но не поняла меня. Я оставил разговор, ибо не хотел ссоры. Мать не в духе, и жена тоже. Оскар волнуется. Я сижу спокойно и поглядываю. Я вижу все недостатки, ибо Бог хочет, чтобы я был спокоен. Я заметил, что все люди удерживают свое волнение и бледнеют. Я это заметил на матери моей жены и на жене. Они были бледны и немного дрожали. Я не был бледен и не дрожал. Я думаю, что Ллойд- Жорджу очень трудно скрывать свое волнение. Я думаю, что он прибегает ко всякого рода уловкам, чтобы вызвать румянец на лице, думая, что румянец говорит о спокойствии. Я знаю, что румянец появляется, когда человек волнуется. Я знаю, что Ллойд-Жордж человек нервный, ибо у него улыбка застывает. Он может держать свою улыбку долго, ибо фотограф может ее сфотографировать. Я знаю, что все скажут, что я тоже фотографировал мои улыбки…

Моя жена пришла ко мне и мне сказала, чтобы я сказал Кире, что я больше не приеду. Жена почувствовала слезы и сказала в волнении, что она меня не оставит. Я не плакал, ибо Бог того не хотел. Я ей сказал, что я не останусь в Цюрихе, если она меня не боится, но если она меня боится, то я предпочту быть в сумасшедшем доме, ибо я ничего не боюсь. Она плакала душою. Я почувствовал боль в моей душе и сказал, что если она меня не

боится, то я вернусь домой. Она заплакала и поцеловала меня, говоря, что она с Кирой не оставят меня, что бы ни случилось со мною. Я сказал «хорошо». Она меня почувствовала и ушла. Я говорил о моей улыбке на фотографии. У меня улыбка чувствительная, ибо я чувствую Бога. У Вильсона улыбка чувствительная, ибо он чувствует Бога. У Ллойд-Жорджа улыбка глупая, ибо он не чувствует Бога. Я знаю, что многие скажут, что Ллойд-

Жордж Бог в политике. Я знаю, что мне скажут, что Ллойд-Жордж доказал, что он есть Бог. Я скажу, что Ллойд-Жордж не доказал, ибо он свел всю политику на другие государства. Он не любит другие государства. Он любит свою партию, которая ему платит много денег. Я знаю, что все скажут, что у него нет денег. Я знаю уловки Ллойд-Жорджа. Ллойд-Жордж прячет деньгу хорошо. Его не откроют, ибо он их спрятал так, что он думает, что Бог не найдет. Я найду его деньги и возьму. Я докажу всем, что я найду. Я сам не буду искать. Я надеюсь, что народ найдет. Я оставлю все на Бога. Я не хочу, чтобы его убивали, ибо он есть создание Божье. Я люблю все создания Божьи. Я не хочу писать про Ллойд-Жорджа создание Божье с большой буквой, ибо чувствую обиду… Я хочу, чтобы мои рукописи сфотографировали, ибо я чувствую мою рукопись живой. Я передам жизнь людям, если мои рукописи сфотографируют. Я узнаю подосланных журналистов, ибо я Бог-физиономист. Я узнаю человека по физиономии. Я знаю, что человек не волнуется, если ни в чем не повинен. Я буду жить в больших отелях, ибо хочу, чтобы меня все видели. Я не хочу дорогих отелей, ибо в дорогих живут ллойд-жорджцы. Я пойду в простой отель, если жена мне позволит. Я боюсь за меня, если жена скажет, что она не может жить в бедном отеле. Я прибегну к уловкам, чтобы не попасть в большой богатый отель. Я предпочитаю жить в квартире. Я пойду в квартиру, если замечу, что меня не любят. Я покажу мои зубы всем. Я не хочу злых, но я покажу, ибо Бог покажет. Я не боюсь людей злых. Я храбр и богат. Моих людей не подкупят. Я физиономист-Бог. Я докажу ллойд-жорджцам, что я человек-Бог. Выходите! Выходите драться со мною. Я побежду всех. Я не боюсь выстрела и яда. Я боюсь духовной смерти. Я не сойду с ума. но буду все плакать и плакать. Я человек. Я Бог. Я человек в Боге. Я есть с ошибками, ибо Бог того хочет. Я покажу ошибки и совершенство, ибо я хочу, чтобы меня не пугались. Я человек с любовью, а люди с любовью есть просты. Я не боюсь за Клемансо. Я ему покажу мои рукописи. Я знаю, что он переведет их. Я знаю, что он поймет их. Я пойду к нему без объявлений. Я покажу мою карточку, и меня впустят, ибо люди меня поймут. Я им покажу мою чувствительную улыбку,

и они впустят меня, ибо знают, что человек с улыбкой чувствительной хорош. Ллойд-жорджцы не сумеют притвориться, ибо улыбка чувствительная от Бога. Бог не с ллойджорджцами, а с вильсоновщиной. Никакой артист не сумеет обмануть Бога. Я знаю, что такое артист и Бог вместе, а поэтому боюсь за себя. Я пойду к Клемансо сейчас же после моего приезда, ибо я хочу ему хорошего. Я хочу, чтобы меня впустили, а поэтому прибегну к одной уловке. Я обману ллойд-жорджевскую полицию, говоря, что я ллойд-жорджец. Я им скажу, что я «заядлый» поляк. Они любят «заядлых» поляков, ибо могут ими управлять по ветру. Я знаю, откуда идет ветер, а поэтому смогу подуть ему навстречу. Я люблю Клемансо, ибо он человек с ошибками. Он свои ошибки поправляет, а поэтому с ним Бог. Я есть Бог в Клемансо. Клемансо чувствует Бога, а Бог чувствует Клемансо. Я знаю, что Клемансо меня поймет, ибо он чувствует меня. Я пойду к нему с распростертыми объятьями, и он меня не испугается. Я ему скажу на скверном французском языке, что я его люблю и что я хочу ему хорошего.

…Я должен понравиться. Я понял, что прострелили Клемансо плечо, а ему сзади прострелили воздушные органы. Я понял, что ллойд-жорджцы злы, ибо я знаю, что с простреленными легкими человек живет долго, но страдает. Клемансо будет страдать, но я надеюсь, что он поймет всю компанию бандитов и сумеет оберечь Францию. Я люблю Францию, а поэтому не хочу ей зла. Я понимаю всю клику, которая затеяла войну. Я знаю, что Клемансо человек богатый и не нуждается ни в чем, а поэтому чувствую, что его не подкупили. Ллойд-жорджцы подкупают не только деньгами, но и обещаниями. Клемансо думал, что для Франции хорошо взять Эльзас и Лотарингию. Я понял, что этот вопрос надо устроить миром. Клемансо почувствовал Вильсона, а поэтому согласился с его целью. Я понимаю, что французы любят эльзасцев и что многие фамилии плачут, ибо думают, что их обижают тем, что они не принадлежат к карте французской. Я понимаю, что французы не любят немцев. Я понимаю, каким образом развивается нелюбовь к немцам. Я знаю, что такое немец. Я знаю, кто научил Францию говорить «Бош». Я человек не злой. Я люблю всех. Я не хочу войны, а поэтому хочу,' чтобы все жили с миром. Не надо ругаться. Не надо ругаться. Я есть любовь. Я есть человек с любовью. Я знаю, что дети немецкие плачут о своем отце. Я люблю немцев. Я не немец. Я человек. Я не принадлежу ни к какой партии. Я без партии. Я есть человек, а все есть люди. Я понимаю любовь людей. Я хочу любови людей. Я не хочу ужасов. Я хочу рай на земле. Я есть Бог в человеке. Все будут богами, если будут делать то, что я вам говорю. Я есть человек с

ошибками, ибо я хочу, чтобы люди поправили свои ошибки. Я не люблю людей с ошибками непоправленными. Я есть человек поправляющийся. Я не думаю о прошедших ошибках. Я человек не злой. Я не зверь, а человек. Я люблю зверей, но не хищных. Не надо убивать хищных зверей, ибо им жизнь дал Бог. Я знаю, что многие скажут, что человек вышел из семени отца и чрева матери. Но я должен сказать, что семя положил не человек первобытный, а Бог. Я понимаю, что многие скажут, что человек произошел от обезьяны, но я должен сказать, что обезьяна произошла от семени Божьего. Я знаю, что многие скажут, что семя обезьяны произошло от чего-то другого. тогда я им скажу, что что-то другое произошло от Бога. Я знаю, что мне скажут, что чт. о-то другое произошло от чего-то другого, тогда я скажу, что то, что вы называете «что-то другое», есть Бог. Я есть разум, а разум есть бесконечен. Я никогда не умру, а ум человека умирает с его телом. Ум человека ограничен. Я знаю, что многие скажут, что ум создал все. Что аэропланы и цеппелины и пр. и пр. созданы умом. Я должен сказать, что аэроплан и цеппелин созданы разумом, ибо в них есть жизнь. В аэроплане есть движение, в цеппелине есть движение. Я знаю, что аэроплан создал француз-Бог. Я знаю, что французы чувствуют Бога, но они его не понимают и поэтому делают ошибки. Цеппелин есть вещь ума, ибо цеппелин выдуман по аэроплану. Я знаю, что многоие скажут, что аэроплан выдуман по птице. Я скажу, что птица вещь живая, аэроплан вещь из стали. Я скажу, что цеппелин есть копия аэроплана, но в другой форме. Ученые восхищались цеппелином, ибо поняли его силу. Они поняли, что в него можно сажать много людей, а поэтому он хорош для войны. Немцы заказали цеппелину много цеппелинов. Они думали, что выйдут цыплята, а вышли мертвые люди…

Мать моей жены пришла в мою комнату и извинилась. Я ей сказал громко, ибо хотел ей внушить, что не надо извиняться, ибо ко мне все могут входить без спроса. Я не боюсь шума и криков. Я могу работать при криках. Она подумала и ответила, что она понимает, что я привык к шуму, и что это очень хорошо. Я почувствовал в «очень хорошо», что она думает о другом, а поэтому не поняла меня… Моя жена пришла и поцеловала меня. Я подумал, что это Бог. Я понял, что Бог есть в любви. Я не хочу писать бог с большой буквой, а поэтому буду писать с маленькой. Я услыхал голос моей маленькой

Киры. Она меня любит, ибо заплакала, когда я ей сказал, что я уезжаю навсегда. Она меня почувствовала и заплакала…

Я пошел поссать в клозет и увидел его грязным. Я понял, что Оскар человек больной, ибо его кало мягкое. Он забрызгал весь

клозет. Я не хотел грязи, а поэтому взял щетку и вычистил грязь. После того я почувствовал, что щетка грязная, а поэтому положил ее в таз и стал нажимать насос. Вода полилась с силой и уничтожила грязь на щетке. Я заметил, что щетка скверная, ибо люди не заботятся о щетке. Щетка оставила свои волосы на тазу. Я оставил волосы, ибо я почувствовал, что Луиза поймет, что это я, и меня еще больше полюбит. Я хочу Луизе показать эту книгу на немецком языке, показывая ей то место, где я о ней пишу. Она женщина из Цюриха, и ее зовут Луиза Хамберг. Тот человек, который ее увидит, покажет ей то место, где я о ней пишу. Я люблю Луизу, и она меня тоже. Я не ухаживал за нею, а поэтому она меня еще больше полюбила. Она мне ничего не говорила, и я понял, ибо я почувствовал любовь…

Я пишу мелко, ибо тетради дороги. Я понял уловки магазинов. Магазины пользуются войной, ибо боятся, что она кончится. Магазины прибегают к уловке, говоря, что война их заставляет спрашивать дорого. Я был в магазине в Санкт-Морице, который называется «Дорога». Я зашел по повелению Бога. У меня не было денег. Я спросил тетради. Одна женщина худая с черными волосами и пенснэ на носу. Пенснэ было с золотой цепочкой. Я понял, что эта женщина имеет акции в этом магазине, по простой причине, ибо она сказала одну цену, а женщина в магазине другую. Женщина в пенснэ сказала высокую цену, а женщина без пенснэ маленькую цену. Я пошел за женщиной без пенснэ. Я заметил нервничание женщины в пенснэ. Я знал этот магазин раньше, ибо покупал краски и бумагу для моих декораций. Я не жалел денег. Краски и бумага стоили очень дорого. Я понял дороговизну и чуть не бросил работу, но Бог мне помог, ибо он мне сказал, что он мне поможет. Я ему поверил и покупал много красок. Я заметил, что краски сохнут, но я понял ошибку людей, а поэтому не боюсь, если краска засохнет. Я знаю, как можно краску расплавить сухую. Я беру немного горячей воды и в горячую воду кладу кусок сухой краски. Магазины берут дорого за все, что продается, говоря, что это война. Я понял уловку магазина, ибо я жил долго в Санкт-Морице с Богом. Я жил больше года с Богом и работал ежедневно. Я спал и думал о Боге. Я знаю, что мне скажут, что человек не может спать и думать. Я скажу, что прав тот, кто мне делает замечание, ибо я не думаю, когда сплю, а чувствую. Я написал с ошибкой нарочно, ибо я хочу дать понять людям, что я не думаю, когда пишу, а чувствую…

Магазин обманывал. Я обманывал тоже. Я понимаю ошибки магазинов, а поэтому знаю, что мне надо. Я не буду писать большими буквами, а маленькими, ибо я сэкономлю бумагу. Магазины думают, что люди глупы, ибо у них много денег. Я

должен сказать, что не люди глупы, а магазины, ибо они продают вещи для денег, а не для любви. Я люблю людей, а поэтому их не обманываю. Я понимаю, кто затевает войны. Войны происходят от коммерции. Коммерция есть вещь ужасная. Коммерция есть смерть человечеству. Если люди не переменят образ жизни, то коммерция погубит всех. Я знаю, что многие скажут, что без коммерции нельзя жить. Я знаю, что коммерция есть вещь пустая. Я знаю, что коммерсанты не чувствуют Бога. Я знаю, что Бог не любит коммерсантства. Я знаю, что Бог любит людей трудящихся. Я не большевик. Я не хочу убийства. Большевики есть убийцы. Я есть человек с любовью. Я хочу любви всем. Я хочу жизни всем. Я люблю вещи, если они мне нужны. Я не хочу вещи, если они мне не нужны. Я люблю вещь, а поэтому оберегаю ее. Я купил три больших тетради за очень большую цену. Я понял, что женщина в пенснэ с цепочкой меня обманула. Я хочу обманывать ее, а поэтому буду писать мелким письмом. Я не люблю магазины. Я люблю, чтобы уничтожили фабрики, ибо они наносят грязь на землю. Я люблю землю, а поэтому хочу оберегать ее. Я не хочу погромов. Я хочу, чтобы люди поняли, что надо бросить всю дрянь, ибо жить осталось немного. Я чувствую задыхание земли. Земля задыхается. Она производит землетрясения. Я знаю, что такое землетрясение. Я знаю, что все ненавидят землетрясения и просят Бога, чтобы не было землетрясений. Я хочу землетрясений, ибо знаю, что земля дышит. Я знаю, Что люди не понимают землетрясений, а поэтому ругают Бога. Люди не понимают, что они сами затеяли землетрясения. Я знаю, что мне скажут, что землетрясения происходят от землетрясений, ибо земля еще не остыла. Я знаю ошибку людей, а поэтому должен сказать, что землетрясение происходит от задыхания земли. Люди наверно мне скажут, что я ошибаюсь, ибо я не изучал земли. Я скажу, что я изучил землю, ибо я чувствую ее, а не думаю. Я знаю, что земля есть вещь живая. Я знаю, что земля была солнце. Я знаю, что все звезды, которые мигают, есть еолнца. Я знаю, что Луна и другие планеты, как например Марс, не солнца. Я знаю, что на Марсе нет людей. Я знаю, что люди испугаются меня, ибо я говорю вещи, не виденные мною. Я должен сказать, что я вижу без глаз. Я есть чувство. Я чувствую. Я знаю, что слепые меня поймут, если я им объясню, что глаза есть вещь отжившая. Я скажу, что на Марсе люди без глаз. Что на Марсе люди живут с любовью и что им не нужны глаза, ибо у них нет солнца. Я знаю, что все астрономы закричат, что Нижинский человек глупый и не понимает астрономию. Я скажу, что все астрономы глупы. Астрономы придумали трубы для исследования атмосферы. Астрономы люди самые скучные на свете. Я знаю, что

мне скажут, что астроном есть бог. Я скажу, что астроном есть глупость. Я знаю, что мне скажут, что я сумасшедший, ибо я говорю о вещах, которых не понимаю. Я знаю, что я понимаю. Я есть дух в человеке, который носит тело Нижинского. У меня есть глаза, но я знаю, что если мне выколют глаза, то я сумею жить без глаз. Я знаю одного генерала французского, который каждый день гуляет со своей женой и чувствует жизнь. Он думает, что он несчастен, а поэтому улыбается всем, кого встретит. Я заметил его, ибо он ходил странно и держал голову наверх. Я понял, что он несчастен, и пожалел его. Я его любил и чувствовал надобность ему внушить, что я не боюсь быть слепым, но я понял, что он меня не поймет, а поэтому оставил эту задачу на после. Я знаю, что на Марсе нет людей, ибо я знаю, что Марс тело замерзшее. Марс была земля, но много миллиардов лет в прошлом. Земля будет тоже Марс, но через несколько сот лет. Я чувствую, что Земля задыхается, а поэтому прошу всех бросить фабрики и слушаться меня. Я знаю, что надо для спасения земли. Я знаю топить печь и поэтому сумею затопить землю. Мой печник глуп, он пьет, думая, что ему хорошо, но он убивает себя. Я есть спаситель Господний. Я Нижинский, а не Христос. Я люблю Христа, ибо он был таким, как я. Я люблю Толстого, ибо он такой же, как я. Я хочу спасти весь земной шар от задыхания. Все ученые должны бросить книги и идти ко мне. Я помогу всем, ибо я знаю много. Я человек в Боге. Я не боюсь смерти. Я прошу не пугаться меня. Я есть человек с ошибками. У меня тоже есть ошибки. Я хочу исправиться. Я есть человек с ошибками. Меня не надо убивать, ибо я всех люблю одинаково. Я поеду в Цюрих и изучу Цюрих с Богом. Я напишу о Цюрихе. Цюрих город коммерческий. Я пойму его ошибки. Я опишу о Цюрихе для того, чтобы вам доказать, что я прав. Я есть разум, а не ум. Я есть бог, ибо я есть разум. Толстой много говорил о разуме. Шопенгауэр тоже писал о разуме. Я пишу тоже о разуме. Я есть философия разумная. Я есть философия правдивая, а не выдуманная. Ницше сошел с ума, ибо он понял под конец своей жизни, что все, что он написал, есть глупость. Он испугался людей и сошел с ума. Я не испугаюсь людей, если люди со скрежетом зубов бросятся на меня. Я понимаю толпу. Я знаю ею руководить. Я не полководец. Я человек в толпе. Я не люблю толпы. Я люблю семейную жизнь. Я не хочу размножения детей. Я знаю, к чему приводит размножение детей. Я люблю всех детей. Я есть дитя. Я люблю играть с детьми. Я понимаю детей. Я отец. Я женатый человек. Я люблю жену, ибо я ей хочу помочь в жизни. Я понимаю, почему люди имеют постоянно девочек. Я знаю, что такое девочка. Я буду писать много, ибо я хочу людям объяснить, что такое жизнь, а что

такое смерть. Я не могу писать скоро, ибо у меня мускулы устают. Я не могу больше. Я мученик, ибо чувствую боль в плече. Я люблю писать, ибо я хочу помочь людям. Я не могу писать, ибо я устал. Я хочу кончить, но Бог не дает мне. Я буду писать до тех пор, пока Бог меня не остановит…

Я пообедал хорошо, но я почувствовал, что не надо есть суп. Суп был сделан из консервов…

Я хотел побежать за деньгами, ибо подумал, но Бог мне доказал, что не надо. Я взял чековую книжку. Я хочу взять книжку, а не деньги, ибо я хочу показать на бирже.

что у меня есть кредит. Биржевики мне поверят и займут мне денег. Я выиграю без денег. Я знаю, что все испугаются, а поэтому пойду один на биржу. Я надену плохой костюм, ибо хочу видеть всю жизнь биржевую. Я обману биржевиков. Я возьму мой хороший костюм и притворюсь богатым иностранцем и войду на биржу. Я боюсь биржу, ибо я не знал ее. Я один раз был с Дягилевым, который знал одного человека, который был биржевик. Дягилев играл на маленькие деньги, а поэтому выигрывал. Я буду играть на маленькие, ибо тоже хочу выиграть. Я знаю, что маленькие проигрывают, ибо волнуются и делают глупости. Я посмотрю на всех со стороны и пойму все. Я не люблю знать все заранее, но Бог хочет мне показать жизнь людей, а поэтому меня предупреждает. Я пойду на вокзал пешком, а не на извозчике. Если все поедут, то я тоже поеду. Бог хочет показать людям, что я такой же человек, как и они…

Я поеду сейчас…

Я жду…

Я не хочу…

Я пойду к матери моей жены и буду с нею разговаривать, ибо я не хочу, чтобы она думала, что я люблю Оскара больше. Я проверяю ее чувства. Она еще не умерла, ибо она завистлива…

Санкт-Мориц-Дорф Вилла Гуардамунт

Приложения. Письма Вацлава Нижинского

Мой дорогой Димитрий![26]

Я тебя люблю, а поэтому тебе пишу. Я знаю, что ты скучаешь по мне. Я скучаю по тебе. Мне тебя жалко. Я жалею себя. Ты меня понял. Я понял тебя. Я хочу, чтобы ты приехал ко мне. Я хочу тебя видеть. Я буду заботиться о твоем здоровье. Я тебя люблю. Я не хочу, чтобы ты танцевал. Я не хочу тебя утомлять. Я хочу тебе здоровья. Я целую твою тетрадь и плачу, ибо мне горько было взять эту тетрадь от тебя. Я сейчас плачу, но я удерживаю мои слезы, ибо я человек крепкий. Я хочу тебе и твоей жене счастья. Я знаю, что твоя жена любит тебя. Я люблю ее тоже. Я хочу вам обоим счастья. Я ей хочу помочь. Я знаю ее горе. Я ей помогу. Я попросил леди Морелл, чтобы она спросила позволение у английских авторитетов, чтобы твою жену выпустили в Россию. Я не хочу, чтобы ты попал в руки большевиков, ибо эта партия хочет реем зла. Эта партия любит себя. Я люблю всех. Я не партия. Я есть народ. Народ есть Бог. Я говорю о Боге. Я люблю Бога. Я люблю Толстого. Я не люблю большевиков. Большевики могут меня убивать, сколько им угодно. Я не боюсь смерти. Я знаю, что смерть есть вещь нужная. Я знаю, что все должны умереть, а поэтому готов всегда к смерти. Я люблю тебя. Я не хочу, чтобы ты умирал. Мне жалко тебя. Я люблю жить с тобою. Я человек хороший. У меня нет задней мысли.

Я человек с передом. Дягилев человек с задом. Я не люблю людей с задней мыслью. Я хочу, чтобы ты приехал ко мне. Я тебе вышлю на дорогу, если тебе позволит правительство приехать ко мне. Я буду просить правительство позволить тебе выезд. Я человек сильный. У меня много знакомств. Я знаю, что Англия любит людей со знакомствами. Я знаю любовь Англии к людям. Я знаю, что ты любишь Англию. Я знаю, что люди есть Боги. Я знаю, что ты есть Бог. Ты не понимаешь Бога, а поэтому не знаешь, что ты Бог. Я много работал над собою. Я не выходил из моей комнаты месяцами. Я любил быть одиноким. Я познал Бога. Я.знаю его значение. Люди меня поймут, если ты меня поймешь. Я пишу много. Я рисую много. Я танцую много. Я говорю много. Я скучаю много. Я плачу много.

Я хочу, чтобы ты мне ответил на мое письмо. Я знаю, что власти не запретят это письмо, ибо оно говорит о Боге, а не о большевиках. Я не большевик. Я Бог. Я люблю всех.

Я жду твоего ответа. Я буду думать, что ты умер, если не

получу ответа скоро. Я знаю, что тело умирает, но душа не умирает. Дух есть Бог. Бог живет, если тело живет. Я есть Бог. Я есть дух в теле.

Целую тебя и твою жену.

Твой друг Вацлав Нижинский

Дорогой господин Решке![27]

Я не могу хорошо писать по-польски, мне очень жаль. Я люблю поляков, а поэтому пишу Вам по-польски.

Я знаю, что Вы знаете, что я поляк. Я от Вас ничего не хочу, я только хотел бы, чтобы вы мне помогли с документами. Я прошу Вас спросить французские сведения о получении для меня документов. Моя жена меня любит, а поэтому хотела бы быть со мной. Я тоже хочу, чтобы она поехала со мной. У меня еще есть дочка, которую зовут Кира. Я дал ей это имя, потому что мне нравилась Греция. Мне нравилась Греция, потому что я выдумал «L'apres-midi d'un faune». Я знаю, что Вы меня любите, а поэтому обращаюсь к Вам с вопросом. Вы видели меня в жизни очень мало, но у Вас ко мне дружеские слова. Я не умею хорошо говорить, потому что мне невозможно было говорить по-польски. Я люблю поляков, а поэтому обращаюсь к Вам с просьбой. Я научился польскому языку у одного танцовщика из Варшавы, фамилия которого была Бониславский. Я люблю этого человека, потому что он дал мне возможность познакомиться со стихами Мицкевича. Я тоже писатель, но не умею так красиво слагать, как Мицкевич. Я знаю польскую литературу, но в переводах на русский язык. Я знаю русский язык лучше, потому что мои мать с отцом покинули Польшу в молодости. Я родился в Киеве, а крестили меня в [храме] Святого Креста в Варшаве. Я родился в 1889 году в Киеве, и моя мать меня окрестила в Киеве. Я дважды записан в книги, потому что моя мать не хотела, чтобы я служил в солдатах. Она меня записала в Варшаве, потому что хотела, чтобы я служил в Варшаве. Моя мать вскормила меня молоком и дала польский язык, поэтому я поляк. Я воспитывался в России, где я был как русский мальчик. Я поляк, потому что мой отец поляк. Я люблю Россию, но не люблю большевиков. Я нахожу их победы ужасными. Победы большевиков я считаю победами, в которых нет Бога. Животные без Бога — это скоты с наточенными зубами. Я хотел назвать этих лесных зверей и забыл их название. Мне жалко людей, потому что я их люблю. Я сам человек, а поэтому мне жалко людей. Я плачу, когда, услышу, что большевик убил человека. Я не большевик. потому что не имею партии. Моя партийность — это любить всех людей. Я не Падеревский. Я люблю Падеревского, но я не люблю его политику. Я люблю политику Вильсона, потому что чувствую, что он хочет всем

добра. Я не хочу политики, где люди ссорятся и убивают один другого. Я всех люблю. Я поляк. Я не говорю по- польски. Я люблю мою мать и моего отца. Я знаю также, что Вы знаете, что я Вас люблю. Я знаю, потому что чувствую, что Вы меня любите. Ваша жена много раз выражала мне свою дружбу. Я не забыл Вас за то время, пока мы не виделись. Я плакал, когда услышал, что Ваш брат умер. Мне было горько за него. Я его не знал, но я его чувствовал. Я знал, что Вы его любите, поэтому мне было горько. Я не могу писать четко, потому что не занимался языками. Я занимался танцами, поэтому хорошо танцую. Я хочу танцевать в Париже, а поэтому хотел бы, чтобы Вы мне помогли добиться выезда во Францию. У меня нет никаких связей, потому что я был все время в Швейцарии. Я занимался танцем и театром в танце. Я люблю пение, но я не умею петь. Я знаю, что Вы умеете петь. Я знаю, что Вы умеете петь, хотя Вы и потеряли голос, а поэтому буду счастлив слышать Ваше [зачеркнуто: голос] пение. Я артист с голосом в танце. Я еще не потерял голос, потому что очень молод. Вы в жизни много пели. Я знаю маркизу Рапон. Она мне говорила о Вас. Я знаю, что Вы пели в Англии и имели большой успех. Вы были большой артист. Вас все знали. Вы всех знали, а поэтому Вы можете мне помочь. У меня много друзей в Париже, но я не знаком с ними. Я хочу иметь много знакомств, а поэтому прошу Вас сказать всем Вашим знакомым, что я буду для них танцевать у Вас.

Я много занимался танцем во время войны, а поэтому добился большого успеха. Я хочу показать публике мои успехи, но я не хочу работать с Дягилевым, поскольку он мне сделал много неприятностей. Я знаю, что Вы тоже его не любите, а поэтому Вы можете мне помочь. Дягилев думает, что я умер для искусства. Я не умер для искусства. Я сейчас живу больше, чем прежде. Я люблю французских артистов, а поэтому хочу танцевать для них. Я знаю, что французские артисты были уничтожены за эту войну и много отцов погибло, оставив своих детей и жен без куска хлеба. Я знаю, что правительство не может им всего этого дать, а поэтому я хочу танцевать для бедных артистов во Франции. Я б)'ду танцевать для поляков тоже, когда поеду в Польшу. Я не умею хорошо писать, но я Вам пишу, потому что знаю, что Вы поляк. Я люблю поляков, а поэтому люблю Францию. Поляки любят Францию, поскольку Франция им дала свою душу. Поляк тоже отдал свою душу и умер на щите. Война поляков с французами объединила. Франция знает польские героические поступки. Я не знаю польских слов, но чувствую их, а поэтому могу писать. Я не писал уже 10 лет, потому что некому было. Мой отец умер 10 лет назад в Харькове. Я всегда писал ему по-

польски. Мой отец оставил мать с детьми на воспитание в Петербурге. Российское правительство дало мне воспитание. Дягилев вывез меня в Париж. Я люблю Париж. Париж сердце Франции, а я хочу иметь место во французском сердце. Вы будете посредником. Вы достанете мне документы. Вы дадите мне польские документы, а другие я достану.

Благодарю Вас за любезность и до скорой встречи.

Любящий Вас

Вацлав Нижинский

Я тебя люблю по-прежнему. Я совершенно здоров. Я не имею от тебя никаких известий. Я тебе писал, но не получил ответа. Мои письма вернулись ко мне. Я счастлив. Я несчастлив, потому что не вижу тебя. Я тебя люблю и прошу приехать ко мне. Я нанял домик, где жить. Я нанял этот домик для тебя. Я тебя люблю, потому что ты воспитала меня. Я знаю, что в тебе много Бога, поэтому я хочу, чтобы ты передала это моей дочке. Моя дочка чудный ребенок. Она слушается тех, кто ее любит, а поэтому я знаю, что она будет тебя слушаться. Бог хочет, чтобы ты была с моей дочкой. Я прошу тебя приехать скорее. Я вышлю тебе денег на дорогу. Я не хочу политики. Я не политика. Я человек Божий. Я люблю всех. Я не хочу убийства. Я молод и силен. Я работаю много. У меня денег не много, но хватит, чтобы дать тебе на всю жизнь. Я хочу видеть Броню и Сашу. Они с тобой. Я знаю, что они любят тебя. Я знаю, что им трудно заработать деньги. Они устали. Я хочу им помочь. Я люблю всех. Моя жена тебя любит. Она очень хочет, чтобы ты приехала. Я прошу тебя написать мне через посредничество английских властей. Я послал это письмо через посредничество английских властей. Мой адрес английские власти. Я знаю, что они тебя полюбят, если увидят. Я хочу, чтобы ты пошла на встречу с ними одна, без Саши. Они боятся большевиков, поэтому не хотят молодых людей. Я не знаю Сашу, потому что мы с ним давно не виделись. Я молод и не хочу большевиков, они убивают людей. Д люблю Керенского, ибо он не хотел смерти людей. Сегодня я его не знаю, потому что он не показывает своих мыслей. Я показываю мои мысли, потому что я хочу, чтобы меня знали. Я не люблю партийности. Я без партии. Я знаю, что Бог любит людей и не хочет их смертф Большевики не поняли Толстого. Толстой не большевик. Я часто читал Толстого. Я вижу, что он любит всех. Толстой любит Бога, а не партию. Моя партия есть Бог. Бог со мной и я с ним.

Обнимаю тебя, мама, и прошу обнять всех, кто меня любит.

Твой сын Ваца

notes

Примечания

1

*Вильсон Томас Вудро (1856–1924) — президент США (1912–1920). Инициатор создания в Европе системы коллективной безопасности и Лиги Наций. Лауреат Нобелевской премии мира (1919). — Здесь и далее примеч. Г. Погожевой.

2

**Ллойд-Джордж Дэвид (1863–1945) — английский политический деятель, премьер-министр (1916–1922). Принял активное участие в переговорах по Версальскому договору (1919).

французский иллюстрированный журнал.

4

*Пардан Оскар — тесть Нижинского, муж матери Ромолы.

5

*Гельбар — венская пианистка, аккомпанировала Нижинскому во время его последнего выступления.

6

Астрюк Габриэль (1864–1938) — театральный деятель, музыкальный критик, пропагандист русской музыки во Франции.

7

Фонтен-плюм — plume fontaine (фр.) или fountain-pen (англ.) — самопишущая ручка, или авторучка.

8

Костровский Дмитрий Романович — танцовщик дягилевской антрепризы, друг Вацлава Нижинского, имевший на него большое и, по убеждению Ромолы Нижинской, вредное влияние.

9

Нижинский ошибочно пишет «прошлой» вместо «будущей».

10

Мясин Леонид Федорович (1885–1979) — танцовщик и балетмейстер.

11

Эдвардс Мизиа (Мися) София Ольга Зинаида (1872–1950) — во втором браке Серт (жена художника Серта), писательница, близкий друг Сергея Дягилева. Автор книги «Мися», где есть очень интересные воспоминания о Дягилеве и Нижинском.

12

Серт Хосе-Мария (1876–1945) — испанский художник, сотрудничал с Русским балетом Дягилева.

13

Обстоятельства смерти Эмиля Золя (1840–1902) позволяют предполагать возможность убийства. Эта версия до сих пор не опровергнута.

14

Додо Хампель — герой одного из нашумевших судебных процессов.

15

Клемансо Жорж (1841–1929) — премьёр-министр и министр внутренних дел Франции (1906–1909). президент (1917–1920).

16

Речь идет о жене мэра Сен-Морица.

17

Правильно: Падеревский Игнацы Ян (1860–1941) — польский пианист и государственный деятель.

18

Тафт Вильям Ховард (1857–1930) — президент США (1909–1913).

19

Нижинскпй ошибается: Крупенского звали Александр Дмитриевич.

20

Светлов Валериан Яковлевич (1869–1934) — известный балетный критик.

21

*Решке Ян Мечислав (1850–1925) — польский певец.

22

Кан Отто, президент «Метрополитен-Опера», балетоман и филантроп, организовал в 1916 г. гастроли Русского балета Дягилева в Северной Америке. Именно ему Нижинский обязан своим освобождением из плена в Австро-Венгрии и участием в этих гастролях, во время которых был создан его балет «Тиль Уленшпигель». Отто Кан также добился от российских властей освобождения Нижинского от военной службы.

23

24

Шоллар Людмила Францевна (1888–1978) — танцовщица Мариинского театра (1906–1921), участвов&па в Русских сезонах за границей. Танцевала в балете К. Дебюсси «Игры» (1913 г., хореография. В. Нижинского). Впоследствии танцевала и преподавала в США.

25

*Анисфельд Борис Израилевич (1879–1973), живописец, театральный художник. Выполнял декорации для Русских сезонов по эскизам Бакста, Бенуа, Головина, позднее для антрепризы Анны Павловой в Берлине. С 1918 г. жил в США,оформляя балетные и оперные спектакли в театрах Чикаго и Нью-Йорка, где и скончался

26

Письмо Дмитрию Костровскому.

27

Это и следующее письма переведены с польского Г. Попожевой.